

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И
НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Технологический институт
Федерального государственного
образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Южный федеральный университет»

И. Н. Титаренко

**ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА**

Учебное пособие

Таганрог 2010

ББК 63 (0-7я73)

Т 45

Рецензенты

А.М. Майданский, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Таганрогского института управления и экономики;

Лысак И.В., доктор философских наук, профессор кафедры философии ТТИ ЮФУ;

Папченко Е.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии ТТИ ЮФУ.

Титаренко И.Н. История культуры Древнего Востока: Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. – 222 с.

Настоящее учебное пособие по истории культуры Древнего Востока представляет собой рассмотрение историко-культурного развития восточных государств древности – Египта, Месопотамии, Ирана, Индии, Китая. Динамика культурных процессов этого региона представлена в контексте общего развития мировой культуры. Рассмотрены важнейшие вопросы экономической, политической, социальной, художественной культуры древних народов Востока. Пособие адресовано студентам, преподавателям, а также всем, кто интересуется вопросами изучения культуры.

ISBN 978-5-8327-0369-5

© ТТИ ЮФУ, 2010

© И.Н. Титаренко, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Культура народов мира многообразна и подобна дорогому восточному ковру, изысканный узор которого сплетается из множества тончайших шелковых нитей, связанных друг с другом незримыми узелками. И тем прекраснее и тоньше этот узор, чем больше узелков лежит в его основе. Так точно и рисунок современных культур возникает из интегрального взаимодействия огромного числа культурных традиций, обычаев, идей, из сложного переплетения исконных национальных укладов и межкультурных влияний, из не всегда видимой глазу связи прошлого и настоящего, древнего и современного. Понимание культуры современной с неизбежностью требует познания культуры древности, в которой единственно и можно обнаружить истоки настоящего. Никогда не вредно начинать с прошлого, объясняя близкое – более далеким, находя истоки современных явлений в событиях минувших дней.

Однако при этом не следует забывать, что современная действительность накладывает существенный отпечаток на наше понимание древности, обеспечивая нам перспективу целого, исходя из которой, мы смотрим на прошлое. Современный уровень науки меняет наши представления о Древнем мире, открывая в нем новые увлекательные исторические страницы. Выдающийся французский историк двадцатого века Марк Блок в своей работе «Апология истории, или Ремесло историка» писал: «Прошлое, по определению, есть некая данность, которую уже ничто не властно изменить. Но изучение прошлого развивается, непрестанно преобразуется и совершенствуется. Кто в этом усомнится, пусть вспомнит, что произошло в течение немногим больше века на наших глазах. Огромные массивы человечества вышли из мглы. Египет и Халдея сбросили свои саваны. Изучение мертвых городов Центральной Азии позволило нам узнать языки, на которых уже никто не умел разговаривать, и религии, давным-давно угасшие. На берегах Инда поднялась из могилы неведомая цивилизация»¹.

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: «Наука», 1986. 254 с. С.35.

Благодаря этой прекрасной способности исторической науки – способности открывать новые страницы в, казалось бы, уже неизменном прошлом, оказывается совсем не бесполезным новый взгляд на культуры давно ушедших народов. Пройдут многие века, но человечество будет обращаться к ним, стараясь найти ответы на вновь возникающие вопросы и трактуя прошлое с позиций современной науки и опыта.

Конечно, в одной небольшой по объему книге невозможно воспроизвести историю всей культуры человечества. Более того, оказывается сложным охватить даже разнообразную и разностороннюю культуру Древнего мира, соединяющую в себе культуры Древнего Востока и Европейской античности. Именно вследствие этого в данном учебном пособии выбран достаточно четко определенный объект рассмотрения – культура Древнего Востока. И данный выбор вовсе не случаен.

Как замечал профессор В.М.Розин, «древний Египет, Шумер и Вавилон, древняя Индия и Китай – это истинная колыбель современной цивилизации. Именно в этот период – от 5-6 тысячелетия до н.э. до 2-1 тысячелетия до н.э. – складываются огромные империи и государства, не менее замечательные искусство, техника, письменность, элементы математики и астрономии, зачатки философии»¹. В силу этого понимание древневосточной культуры оказывается крайне необходимо не только для тех, кто интересуется историей, но и для всех, кто пытается понять современный мир, оценить его перспективы и пути развития. Древний Восток на протяжении многих веков был тем истоком, из которого черпала живительную силу европейская античность, а, значит, и вся европейская культура в целом. Все это позволяет говорить о значимости древневосточной культуры в процессе развития мировой культуры в целом.

Однако, интерес к Востоку, конечно, заключается не только в этом, ведь рассмотрение древневосточных культур лишь с позиции их влияния на европейскую культуру и определения того места, которое они занимают в общемировом культурном процессе, существенно упростило и обеднило бы изложение. Все без исключения культуры

¹ Розин В.М. Культура и религиозные воззрения людей эпохи древних царств // Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т.Ф.Кузнецовой. М.: «Языки русской культуры», 1997. 496 с. С. 15.

достаточно уникальны и самобытны, но если европеец попытается перечислить те из них, которые более всего поражают его воображение и представляются ему предельно уникальными, в этот перечень с большой долей вероятности попадет какая-нибудь культура Древнего Востока – Египта или Индии, Китая или Месопотамии. Слишком уж непохожи они на тот мир и те традиции, в рамках которых мы живем. Но тем поразительней удивительные открытия, которые сулит нам знакомство с увлекательной историей культуры Древнего Востока, демонстрирующей, как многим обязан современный человек тому региону и тому далекому времени. Здесь в полной мере раскрывается история творения человеческого общества и самого человека.

«В самом деле, если даже считать, что история ни на что не пригодна, следовало бы всё же сказать в её защиту, что она увлекательна. Или, точнее, – ибо всякий ищет себе развлечения, где ему вздумается, – что она, несомненно, кажется увлекательной большому числу людей»¹. Изучение истории культуры Древнего Востока, бесспорно, одно из самых увлекательных занятий. Открывая страницы исторического повествования о восточной древности, начинаешь приобщаться к невероятным взлетам человеческого духа, к великим прозрениям разума, к преодолениям косности физической природы, к творческим прорывам и озарениям, к образцам высокого искусства. Словно встают из былого и проходят длинной чередой перед мысленным взором мудрые правители прошлого, талантливые полководцы, выдающиеся ученые, гениальные поэты. История вращает калейдоскоп удивительных событий, в которых каждый пытливым ум может с легкостью обнаружить для себя нечто ценное и увлекательное.

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: «Наука», 1986. 254 с. С.7-8.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Краткая историческая справка. Своим современным названием Египет обязан древним грекам: считается, что оно имеет своим истоком греческое слово «Айгюптос», происходящее, вероятно, от названия города Хет-ка-Птах, который позже эллины стали именовать Мемфисом. Сами же египтяне называли свою страну «Та-Кемет», что значит «Черная земля», и в этом есть особый смысл, поскольку именно такой цвет имеет местная аллювиальная почва, созданная Нилом, несущим на земли плодородный ил. Наверное, не будет преувеличением сказать, что своей культурой египтяне обязаны этой великой реке. Не случайно Геродот называл Египет «даром Нила». Одна из величайших рек мира не только сотворила плодородную почву этой местности, но своими разливами поддерживала ее плодородие и урожайность, обеспечивала жизнедеятельность человека в регионе с сухим и жарким климатом. Следует, тем не менее, сказать, что в глубокой древности, еще до заселения территории Египта, климат Северной Африки был значительно мягче и влажнее, чем теперь, дельта Нила была заболочена, а в странах, соседствующих ныне с Египтом, на месте пустынь были степи с достаточно богатым животным миром.

Заселение территории Египта произошло в IV тысячелетии до н.э. По мере оскудения растительности Северной Африки и превращения этой местности в область невыносимой жары и пустынь кочевые племена стали, по-видимому, оседать в оазисах и постепенно спускаться в долину Нила. Население Египта образовалось из смешения различных народностей: племен тропической Восточной Африки (об этом свидетельствуют своеобразные египетские статуэтки людей архаического периода, некоторая близость древнеегипетского языка к языкам галла, сомали и др.), древних ливийских племен (подтверждением этого служит тот факт, что древнеегипетский язык обнаруживает черты сходства и с берберскими языками Северной Африки, кроме того, возделывавшиеся в Египте зерновые были акклиматизированы в глубокой древности именно северо-африканскими племенами), возможно, и семитских племен (в пользу этого говорит наличие в языке жителей Древнего Египта схожих с семитскими языками элементов).

Египет обладал достаточными природными ресурсами, создавшими все необходимые условия для развития хозяйства в этой стране. Здесь добывали разнообразные породы камня: кремень, известняк, песчаник, гранит, диорит, базальт, порфир, оникс, служившие для изготовления орудий труда и оружия, материалом для строительства и производства разнообразных бытовых предметов и произведений искусства. Хотя Египет не имел запасов металла, египтяне привозили медь из

Аравийской пустыни и с Синайского полуострова, золото – из Нубии, цинк и свинец – с побережья Красного моря, серебро и железо – из Малой Азии. Торговые пути соединяли эту страну через Синай и Палестину с Сирией, Средиземное море связывало ее с Кипром, островами Эгейского моря, материковой Грецией, переднеазиатским побережьем. Нил вел в Нубию, дороги по высохшим руслам рек приводили в западные оазисы. Вместе с этим, Египет образовывал собой довольно замкнутый регион, защищенный на юге болотами Восточной Африки и нильскими порогами, а на севере – болотами дельты Нила. С Синайским полуостровом и с побережьем Красного моря Египет соединял лишь узкий Суэцкий перешеек и русла высохших рек, бывшие древними торговыми и военными путями, посредством которых и осуществлялась связь с Азией.

Как и в других культурных «приречных» очагах, культура строилась как земледельческая: именно из сельских поселений постепенно выростали номы – города-государства с прилегающей к ним сельскохозяйственной территорией.

В настоящее время в истории Древнего Египта принято выделять следующие периоды. **Додинастический (до 3000 г. до н.э.) период.** Население постепенно переходит от охоты и скотоводства к земледелию, возделывает ячмень и пшеницу. Множество разнообразных памятников культуры додинастического периода было обнаружено в погребениях Верхнего Египта: в Баллас, Негада, Эль-Амра, Абидосе. Найденные орудия – наконечники стрел и копий, гранитные навершия булав, кинжалы, деревянные серпы с кремневыми зубьями, зернотерки – свидетельствуют о высоком мастерстве в обработке камня. Распространена была техника выделки кож, производства ткани, появляется металлургия. Высокого развития достигает керамика. Гончары этого периода умеют выделывать сосуды красного и черного цвета из глины, обжигать их, наносить разнообразные рисунки с изображением животных, людей, растений, весельных лодок, на которых виднеются изображения общинных божеств. В достаточно четкие формы облекается заупокойный культ: в Бадари открыты погребения с согнутыми скелетами, с многочисленными предметами, с наземными могильными постройками из кирпича, с амулетами и статуэтками животных. В Абусир-эль-Мелек найдены фаянсовые сосуды и амулеты в виде сокола, головы быка или коровы. Видимо, уже в этот период существуют культы этих священных животных, связанные с древним тотемизмом. Появляется обычай хоронить покойников в глубоких, длинных, иногда прямоугольных могилах, обложенных кирпичом, тело начинают укладывать головой на север (ранее – на юг), обращая при этом лицо на восток, к восходу солнца (ранее – на запад). По всей видимости, уже в это время зарождается частная собственность.

По мере укрепления городов все явственней становится борьба между ними, которая в IV тысячелетии до н.э. приводит к выделению двух крупных государств – Верхнего и Нижнего Египта. Но борьба за влияние на этом не прекращается, пока около 3000 г. до н.э. Верхний Египет не одерживает победу над Нижним Египтом, следствием чего становится образование единого государства. Наступает новый период – **Раннее царство (30-28 вв. до н.э. - I, II династии)**. В эту эпоху Египет управляется двумя династиями, происходящими из г.Тина, недалеко от Абидоса. С основателем I династии царем Мином связано создание столицы единого государства на стыке Верхнего и Нижнего Египта – Мемфиса. Окончательное объединение страны было осуществлено фараоном II династии Хасехемом, подавившим волнения на севере страны. В период Раннего царства происходит процесс оформления деспотического государства и его бюрократического аппарата. Отдельные государственные институты I династии восходят к периоду военной демократии – «Столп народа» (начальник народного ополчения), «уста Нехена» (главный судья города), советы родовых и племенных старейшин, которые впоследствии превратились в государственные органы. Высшие чиновники – «первый после царя», начальник дворца, хранитель печати всех царских свитков и др. – осуществляют управление страной. В состав аристократии входит жречество, хотя в эту эпоху оно еще не образует замкнутой касты. Важнейшей функцией царской власти, принадлежавшей ранее общине, становится организация и поддержание ирригационной системы. Все государство делится на номы, во главе которых стоят номархи из местной родовой знати. В обязанности номархов входит управление системой искусственного орошения, а потому в их иероглифическое название включается изображение оросительного канала. Развитие и расширение хозяйства требует ведения войн: при царях I династии египтяне начинают целеустремленно продвигаться в Нубию, Ливию, на Синайский полуостров. И древнейшие памятники ярко показывают военную функцию египетского государства периода I-II династии: сохранились изображения крепостей, пленников, разрушения стен вражеских укреплений. Значительного развития достигает металлургия (при дворе фараона существует в это время даже специальный чиновник – «начальник литейщиков царского дворца»). Тем не менее, египтяне в период Раннего царства продолжают широко использовать каменные орудия труда. Камень применяется и при строительстве крупных сооружений – храмов и гробниц (гробница царя I династии Усефая, гробница фараона II династии Хасехема). Развивается земледелие и виноградарство, используется плуг и домашний скот. Широко применяется ткацкое ремесло, начинается достаточно активное производство папируса. Ведется оживленная торговля с Палестиной, Сирией, Месопотамией, Критом и островами Эгейского моря.

В следующий период – период **Древнего царства (28-23 вв. до н.э. – III-VI династии)** – Египет представляет собой крупное централизованное государство со столицей в Мемфисе. Развивается земледелие, государственная власть принимает значительные меры по расширению оросительной системы. В сельском хозяйстве по-прежнему широко используется первобытная мотыга, которую можно видеть на многих изображениях периода Древнего царства, применяются металлический серп, грабли, плуг. Выращиваются особые виды верхнеегипетского и нижнеегипетского ячменя, пшеница, лен, виноград, оливки. В дельте Нила, где на обширных пастбищах можно было разводить скот, развивается скотоводство (на это указывает и обоготворение быка в четырех номах Нижнего Египта). Бытует разведение птицы (гусей, уток, голубей, пеликанов, журавлей, лебедей). В царских поместьях и при храмах существовали фермы по разведению домашних животных и птицы. В эту эпоху египтяне первыми открывают миру пчеловодство. Ремесленники достигают высокого искусства в обработке дерева (сикоморы, тамариска, акации, пальмы, привозных черного дерева и сосны). Из дерева строятся египетские корабли (в надписи вельможи VI династии Уны описывается постройка грузового корабля длиной в 60 локтей и шириной в 30 локтей). С поразительным мастерством обрабатывается камень. С этого периода получает широкое распространение каменная архитектура (пирамида фараона IV династии Хуфу, пирамида фараона IV династии Хафра и др.). Уже строительство пирамиды царя III династии Джосера ведется по преимуществу медными орудиями, с чем связывают вступление Египта в медный век. При правлении IV династии укрепляется культ бога солнца Ра, который при первых царях V династии становится верховным богом Египта, складывается традиция обожествления фараона (об этом свидетельствуют тексты на стенах пирамид царей V и VI династий – так называемые «Тексты пирамид», в которых появление царя среди богов на небе описывается как появление нового бога; кроме того, при жизни фараон изображается как бог). В период Древнего царства правители Египта ведут непрекращающиеся войны, распространяя влияние на Синайский полуостров, южную Палестину и Нубию. В руках царя постепенно сосредотачивается огромная власть, основой которой являлась земельная собственность, рабочие ресурсы и запасы продовольствия. С населения при помощи огромного аппарата податных чиновников и казначеев собираются регулярные налоги. Оформляются ведомство общественных работ, система суда, податное и военное ведомство. В государственной структуре после фараона стоит верховный сановник и одновременно главный судья государства, управлявший различными сферами хозяйственной жизни (этот пост обычно занимал сын фараона). Определяющую роль в экономике страны этого периода играет вельможеское хозяйство. К концу V

династии власть фараонов слабеет с одновременным укреплением позиций знати египетских номов. Строительство пирамид и социальные противоречия истощают Египет, который к концу VI династии распадается на полузависимые номы.

С середины 23 века до н.э. начинается **Первый период распада (23-21 вв. до н.э. – VII-X династии)**. Период политической нестабильности и внутренней раздробленности. По преданию, 70 царей VII династии правили только 70 дней. Период описывается как время насилия, ужаса, смуты, которое противопоставляется последующему восстановленному порядку.

В период **Среднего царства (21-18 вв. до н.э. – XI-XII династии)**, в ходе длительного противостояния претендующих на египетский престол Гераклеополя (север) и Фив (юг), фиванские правители одерживают победу, и при Ментухотепе I страна объединяется вновь. При фараонах XI-XII династии в Египте образуется мощное централизованное государство. Подлинный расцвет Египта происходит при фараонах XII династии. В это время начинается значительное расширение оросительной системы, строительство шлюзов и плотин, новых городов. Сельское хозяйство и животноводство процветают. Развивается металлургия, появляется бронза. Большое значение имеет ткацкое производство с использованием местного низкого ткацкого станка. Совершенство достигает ювелирное мастерство, кораблестроение. Организуются крупные торговые экспедиции в Нубию и Сирию, устанавливаются торговые связи с Вавилонией. Культурные памятники периода Среднего царства свидетельствуют о частых военных походах. Аменемхет I завоевывает обширные области Нубии, удачные военные походы в эту страну предпринимает и Сенусерт I. Наиболее крупные завоевательные походы в Нубию осуществляет фараон Сенусерт III (1887-1849 гг. до н.э.), который практически полностью покоряет эту страну и строит ряд египетских крепостей в Верхней и Нижней Нубии, дабы оградить Египет от походов нубийцев. Как это ни странно, но нубийцы почитали этого фараона в качестве бога-покровителя. Египтяне предпринимая завоевательные походы в Сирию (Аменемхет I, Сенусерт III). В «Рассказе Синухета» подвластная Египту Сирия называется «собакой». Завоевательная политика становится основным источником рабства. В основном рабами – «баку» – пополняется царское и храмовое хозяйство, они рассматриваются как часть личного имущества, обмениваются, покупаются, продаются. Древнеегипетские источники сообщают, что рабы нередко передаются чиновникам в качестве награды. Основными создателями материальных благ в египетском государстве этого периода являются «хемуу нисут» - царские хемуу, лишённые собственности на средства производства, но лично свободные люди, труд которых используется как в царском и храмовом, так и в личном хозяйстве. Тяжелейшие условия труда и

жизни периодически приводят к многочисленным восстаниям (они изображены, например, в «Поучении Ипувера» (текст Лейденского папируса №344) и в «Поучении Ноффереху» из собрания Эрмитажа).

В конце 18 века до н.э. Египет вновь впадает в состояние раздробленности, начинается **Второй период распада (18-16 вв. до н.э. – XII-XVII династии)**, во время которого ослабевшая страна завоевывается азиатскими племенами «гиксосов» (возможно, это название происходит от искаженных египетских слов «правители пастухов»), которые представляли собой сложную совокупность различных племен. Гиксосы укрепились в Северном Египте, построив там г. Аварис. Историография сохранила имена шести гиксосских царей, наиболее значительным и выдающимся из которых был Хиан, который, видимо, властвовал над всем Египтом. В общей сложности гиксосские цари правят Египтом с конца XVIII в. до н.э. до 1580 г. до н.э. Предание сохранило память об этом владычестве, как о страшном времени.

Правители Фив, сохранившие относительную независимость, возглавили борьбу против гиксосов, победить которых удалось родоначальнику XVIII династии Яхмосу I. Наступила эпоха **Нового царства (1580-1085 гг. до н.э. – XII-XX династии)**, на которую падает период наибольшего расцвета и могущества Египта, когда он становится мировой державой, занимая ведущее положение в Восточном Средиземноморье. Фараон Тутмос I совершает военный поход к Евфрату и покоряет месопотамское государство Митанни. После правления Тутмоса II захват престола предпринимает царица Хатшепсут, с именем которой связан заупокойный храм в Дейр-эль-Бахри. Ее пасынок Тутмос III, придя к власти, стремился искоренить ее имя из памяти египтян, уничтожая ее изображения. Тутмос III (1525-1491 гг. до н.э.) осуществляет успешные походы в Сирию и Палестину. Это было время наивысшего военного могущества Египта. Последним крупным завоевателем XVIII династии был Аменхотеп II, вывезший из Сирии и Палестины огромное количество золота, меди, лошадей. При Аменхотепе III Египет уже проводит мирную внешнюю политику, что во многом было связано с истощением живых сил страны. Сын и преемник этого фараона Аменхотеп IV (Эхнатон) более всего известен своей религиозной реформой, введшей культ Атона и направленной против жречества. Однако его преемники не смогли продолжить его дело. Семнех-кере восстанавливает культ Амона, а следующий фараон – Тутанхамон (названный, кстати, при рождении Тутанхатон, что значит “Живое подобие Атона”, но изменивший имя) – лишил культ Атона государственной поддержки. Тутанхамон перебрался в прежнюю столицу – Фивы, и имя Атона вскоре стали уничтожать с неистовой силой. Фараон этот вступил на престол еще ребенком, правил всего девять лет и умер в возрасте 18-19 лет, правление его особенно ничем не знаменито, к тому же его последователи (в частности – Хоремхем),

движимые собственным тщеславием, стремились уничтожить все связанное с именем Тутанхамона. Когда в конце IV в. до н.э. жрец Манефон писал историю своей страны, он даже не упомянул Тутанхамона. Тем не менее, сегодня этот царь «не менее знаменит, чем самые прославленные правители Египта – строители пирамид Хуфу и Хафра, великие завоеватели Тутмос III и Рамсес II, реформатор древней религии – «еретик» Аменхотеп IV (Эхнатон)»¹. Произошло это благодаря открытию 22 ноября 1922 г. английским археологом Г.Картером богатейшего захоронения Тутанхамона. При фараонах XIX династии возобновляются войны за господство в Сирии. Но ни Рамсесу I, ни Рамсесу II не удается восстановить границ государства, существовавших при XVIII династии. Меняется характер армии, в которой все большую роль начинают играть наемники из Ливии, ставшие прочной опорой ливийских вождей, что дало последним возможность впоследствии захватить государственную власть. Расцвет Египта в период Нового царства выражается отнюдь не только в пространственном расширении. Это еще и эпоха бурного экономического развития. Применяются орудия из бронзы и железа, хотя сохраняются и каменные. Усовершенствована соха, используются вертикальный ткацкий станок, ножные мехи в металлургии. Развивается коневодство, что обусловило появление в армии боевых колесниц. Предпринимаются попытки выращивания вывезенных из Азии плодовых деревьев – гранатового, миндалевого, персикового, вишневого. Развивается производство стекла. В это время совершенства достигает мумификация. Широко применяется рабский труд, что было стимулировано военными успехами. Однако, при Рамсесе III на Египет накатываются волны завоевателей – ливийских племен и «народов моря». И хотя египтянам удается отразить натиск, страна неуклонно слабеет. К началу XI в. до н.э. в Египте образуются два царства – Нижнеегипетское со столицей в Танисе и Верхнеегипетское со столицей в Фивах. К этому времени Палестина, Сирия, Финикия выходят из-под египетского влияния, северная часть Египта наводняется ливийскими военными поселенцами.

В последний период – **Позднее царство (1085-332 гг. до н.э. – XXI-XXXII династии)** – происходит утрата национальной независимости. В 715 г. до н.э. Египет был захвачен эфиопами, с 671 г. эфиопов сменили ассирийцы, а их в 525 г. – персы. В период правления XXVIII-XXXI династий Египту удается ненадолго вернуть самостоятельность. Однако, уже во второй четверти IV в. до н.э. он склоняется перед европейскими завоевателями. В 332 г. до н.э. Египет был захвачен войсками Александра Македонского. Длительное время

¹ Кацнельсон И.С. Тутанхамон и сокровища его гробницы. М.: Наука, 1976. С.7.

египетских фараонов заканчивается, и начинается эпоха эллинизма. После смерти Александра Великого Египет снова становится самостоятельным государством, но уже под властью соратника Македонского – Птолемея, ставшего родоначальником династии Птолемеев. В 30 г. до н.э. в Египет приходят римляне. После распада Римской империи на Западную и Восточную Египет входил в состав Византии вплоть до завоевания в VII в. арабами.

Египет воспринимается современным человеком как колыбель цивилизации. Красота Египта не раз воспевалась поэтами, восхищавшимися своеобразием культуры и природы этой удивительной земли, где настоящее оказывалось неразрывно связанным со всей прошедшей историей:

Там, взглянув на пустынную реку,
Ты воскликнешь: «Ведь это же сон!
Не прикован я к нашему веку,
Если вижу сквозь бездну времен.
Исполняя царевы веленья,
Не при мне ли нагие рабы
По пустыням таскали камень,
Воздвигали вот эти столбы?
И столетья затем не при мне ли
Хороводы танцующих жриц
Крокодилу хваления пели,
Перед Ибисом падали ниц?
И, томясь по Антонии милом,
Поднимая большие глаза,
Клеопатра считала над Нилом
Пробегающие паруса»¹.

Культуру Египта, возникшую за 4 тысячи лет до нашей эры, действительно, можно назвать одной из древнейших в мире. Наряду с культурами Шумера и Вавилона, Древнего Китая и Индии, она по праву считается истоком современной цивилизации. В период древних цивилизаций складываются огромные империи, зарождается письменность, появляются зачатки философских воззрений и науки, религия, человек совершенствует технические знания, создает замечательные образцы архитектуры и изобразительного искусства.

¹ Гумилев Н. Египет // Гумилев Н. Огненный столп. Ростов-на-Дону, 1989. С.225.

Египет периода своего наивысшего расцвета создал такую культуру, плодами которой будет впоследствии пользоваться античный мир и которыми будет продолжать восхищаться современный, значительно более искушенный, человек.

И одним из первых творений древних культур стала религия, в которой боги превосходят могуществом божеств архаической религиозной веры первобытного человека. Боги, как и раньше, представляют собой стихии и природные явления (солнце, океан, землю, луну, небо, огонь). Однако их функции, истории их происхождения, жизни и взаимоотношений значительно усложняются, что знаменует переход от довольно примитивных представлений анимизма, тотемизма, шаманизма к достаточно стройным и разветвленным мифологическим системам. На религиозные идеи все большее влияние оказывает укрепляющаяся государственность, и боги становятся фигурами сакральными, напоминающими и восполняющими своими функциями царей, жрецов, наместников. Они, как и земные правители, получают свою «территорию» правления, особые полномочия в социальной сфере, специальные культурные функции: следят за определенным видом государственных работ, руководят жизнью города, отвечают за судьбу всего народа, покровительствуют государственным деятелям и т.п. Постепенно формируется божественная иерархия со строгими правилами субординации и координации, подобная реальной социальной структуре, где боги занимают места согласно выполняемой функции и значимости.

Религия Древнего Египта была удивительно политеистичной. Во многом это было связано с историей формирования египетского пантеона. Первоначально религия сводилась к почитанию в номах местных божеств, изображавшихся, как правило, в виде животного или в зооантропоморфном виде, что свидетельствовало о сильном влиянии тотемизма. Множеству египетских номов соответствовало и множество божеств: ибис и павиан (Гермополь), кошка (Бубастис), коршун (Нехен), змея (Буто), пчела (Пе) и т.п. От этих тотемных животных происходят посредством антропоморфизации египетские боги. Однако египтяне не дошли до полного «человеческого образа» богов, как это было у греков или римлян: их боги так и остаются зооантропоморфными, т.е. полулюдьми, полуживотными. Так, бог Гор изображался с головой сокола, Тот – с головой ибиса, Анубис – с

головой собаки, Собек – с головой крокодила, богиня Хатхор – с головой коровы и т.д. Создание единого государства требовало включения в пантеон по возможности всех местных божеств. Между ними устанавливались связи и соподчинение, что влекло образование различных групп божеств: популярны были «Фиванская троица» – Амон, Мут, Хонсу, мемфисская – Птах, его супруга Сохмет и их сын Нефертум. Из эннеад (девятибожий) наиболее распространена была гелиопольская – Ра, Шу и Тефнут, Геб и Нут, Осирис и Исида, Сет и Нефтида. В различных областях Древнего Египта группировки богов были различны, но, безусловно, в большинстве случаев верховным богом пантеона считался бог солнца Ра, который символизировал миропорядок для египтянина. И это не случайно: солнечный свет представлялся истоком жизни, благом для всего живущего, подателем тепла и пищи, и только его мощь могла побороть таинственные силы тьмы, отступающие с приходом утра. В древнейшую эпоху центром солнечного культа был город Иуну, который древние греки называли Гелиополем (Городом Солнца). С культом верховного бога солнца Ра постепенно слился культ бога Гора, который изображался либо в виде солнечного диска с птичьими крыльями, либо в виде солнечного сокола. В эпоху Среднего царства, в период возвышения Фив, местный бог Амон впитывает в себя множество местных солнечных культов во главе с культом гелиопольского бога Ра. Возникает новый культ Амон-Ра – верховного бога, создавшего мир.

Непоколебимая вера египтян в верховенство Солнца стала той базой, на которой фараон Аменхотеп IV (1368-1351 гг. до н.э.) пытался провести религиозную реформу. Вступив на престол, и оказавшись перед лицом обострившихся разногласий с фиванским жречеством, он уже на шестом году своего правления провозгласил единым и истинным богом Солнце (Атона). Преследуя цель сохранения власти в противоборстве с жрецами, поклонявшимися Амону в антропоморфном образе, Аменхотеп IV при опоре на среднее сословие ввел культ Атона, определив его символом диск с исходящими из него лучами, которые оканчивались кистями рук, несущими знак жизни «анх» в виде креста с петлей. Этот символ можно видеть на сохранившихся произведениях искусства описываемого периода, например, на рельефе верхней части алтаря, изображающем Эхнатона и Нефертити, поклоняющихся богу солнца Атону, на стеле с изображением Эхнатона, Нефертити и принцесс

(Египетский музей, Каир). В этом же году фараон покинул Фивы и перенес столицу во вновь отстроенный Ахетатон («Горизонт Атона»)¹. Даже свое имя Аменхотеп IV изменил, начав именоваться Эхнатомом – «Угодным Атону» (тогда как имя «Аменхотеп» значило «Амон доволен»). Однако все религиозные нововведения молодого фараона не имели значительного успеха, и этому трудно дать единственно верное объяснение. Возможно, это связано с глубокими культурными корнями политеизма в Древнем Египте, возможно, определено связанностью всей религиозной системы с социально-политической структурой государства, а может быть, недостатками в проведении самой этой реформы и краткостью правления Эхнатона. Как бы там ни было, но существовал культ Атона лишь при жизни провозгласившего его фараона.

Чрезвычайно популярны в Древнем Египте были бог воскресающей и умирающей природы, повелитель загробного мира Осирис и его сестра и жена Исида, олицетворение супружеской верности и материнства, богиня плодородия, воды, ветра, волшебства, мореплавания (изображалась женщиной с головой или рогами коровы). Европейский человек неплохо знаком с мифом об Исиде и Осирисе во многом благодаря широкому распространению их культа в имперском Риме, а также Плутарху, сохранившему для нас единственную полную его версию². Миф повествует о борьбе Осириса с богом Сетом, своим жестоким и злокозненным братом, богом пустыни, смерти и иноземных стран, которому обманным путем удалось умертвить Осириса и впоследствии растерзать его тело на четырнадцать частей, рассеяв их по всему свету. Плутарх рассказывает также о верности Исиды, погрузившейся в траур и собиравшей части тела своего мужа. Из всех частей тела Исиде не удалось найти только фаллос, упавший в реку и сразу же съеденный рыбами; вместо него богиня сделала изображение, в честь которого древние египтяне, а затем и римляне, устраивали культовые празднества. Победить же Сета и отомстить за причиненное Осирису и Исиде зло удалось их сыну Гору, воцарившемуся над упорядоченным миром. Этот миф прекрасно символизирует извечную борьбу Нила с пустыней, самого Египта с кочевыми племенами

¹ Сейчас неподалеку располагается арабское поселение Тель эль-Амарна. По его названию нередко период правления Аменхотепа IV называют амаранским.

² См. Плутарх. Исида и Осирис. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1996.

прилегающих африканских пустынь. Не менее символично и то, что могущественного Осириса египтяне считали покровителем своей страны, утверждая тем самым веру в ее вечность и способность к воскресению. Но если в удивительно трогательном мифе об Осирисе и Исиде жизнь торжествует над смертью, порядок над хаосом, то действительность оказалась гораздо более жестокой для египетской культуры, пережившей такие удары времени, от которых ее не смог защитить великий Осирис:

Ра-Озирис, владыка дня и света,
Хвала тебе! Я, бог пустыни, Сет,
Горжусь врагом: ты, побеждая Сета,
В его стране царил пять тысяч лет.
Ты славен был, твоя ладья воспета
Была стократ. Но за ладьей вослед
Шел бог пустынь, бог древнего завета -
И вот, о Ра, плоды твоих побед:
Безносый сфинкс среди полей Гизеха,
Ленивый Нил да глыбы пирамид,
Руины Фив, где гулко бродит эхо,
Да письмена в куски разбитых плит,
Да обелиск в блестящей политуре,
Да пыль песков на пламенной лазури¹.

Связь всей жизни Древнего Египта с разливами Нила, несомненно, повлияла на представления древних египтян об устройстве мироздания (космологию). Вода, божественный океан (Нун) не только окружает землю, но и составляет небесный свод, по которому, словно древнеегипетские фелюги по Великой реке, плавают звезды, луна и солнце. Вода небесного свода каждый год заново омывает землю во время ежегодного разлива Нила, а также питает русло подземной реки.

Этот океан (Нун), по мнению египтян, и был истоком мироздания. Из его вод рождается бог солнца Атум-Ра, который поднимается над водой, оттесняя мрак. Согласно варианту мифа, сложившемуся в Гермополе (Средний Египет), бог Атум-Ра порождает божеств-животных, символизирующих изначальный хаос – четырех змей и четырех лягушек. Впоследствии они становятся богами соответствующих сфер (Нун и Наунет, Кук и Каикет, Хух и

¹ Бунин И.А. Собр. соч. В 4 тт. М.: Правда, 1988. Т.1. С.79-80.

Хаухет, Амон и Амаунет). Согласно одной из ранних версий мифа, Атум-Ра посредством самооплодотворения порождает воздух (Шу) и влагу (Тэфнут), от брака которых рождаются земля (Геб) и небо (Нут). Геб и Нут порождают одновременно две пары богов – Сета с Нефтидой и Осириса с Исидой. Так образуется гелиопольская эннеада богов. В Мемфисе существовал другой вариант этого мифа, главенствующую роль в акте творения отводящий местному богу Птаху, отождествленному с изначальным океаном (Нуном). Он рождает Атума, других богов, создает порядок из хаоса.

Сравнительно небольшое место в мифологии занимает рассказ о создании людей. Бог Хнум – бог творческой силы, изображавшийся в виде барана – сотворил человека на гончарном круге. Гораздо более объемным выглядит миф об уничтожении людей, который не является чем-то специфичным для древнеегипетской мифологии, но повторяется во многих мифологических и религиозных системах (достаточно вспомнить античную легенду о пяти поколениях или библейскую притчу о Ное). Боги, сотворив человека, породили тем самым силу сопротивления своей божественной воле. И в один прекрасный день постаревший бог солнца Ра почувствовал, что теряет власть над людьми. Созвав божественный совет, он спросил у Нуна – старейшего из богов, что предпринять, и последний посоветовал наслать на людей богиню Хатхор. Приняв образ львицы, Хатхор учинила на земле кровавую резню, все более и более возбуждаясь от многочисленных жертв. Однако, Ра, увидев весь ужас происходящего, решил не подвергать людской род полному истреблению. Чтобы ввести Хатхор в заблуждение и отвратить ее от массового убийства людей, решено было наполнить семь тысяч кувшинов окрашенным охрой ячменным пивом и вылить их на землю. Хатхор, принявшая покрывшее землю пиво за кровь, выпила его и, опьянев, забыла свой гнев на людей. Человечество было спасено.

Чрезвычайно интересны и представления древних египтян о посмертном существовании, лежащие в основе погребальных культов и непосредственно связанных с ними архитектуры и искусства. Как и в других культурах, в египетской мифологии традиционным было мнение, что человек отнюдь не сводится к телу. С его смертью оно умирает, но продолжают жить другие составляющие человеческого существа – имя (рен), душа (ба) и двойник человека (ка). Имя в

Египте было священным. Благословив его, можно было помочь его владельцу или, напротив, прокляв его, причинить именуемому зло. Без имени человек не может быть опознан на посмертном суде в царстве Осириса, и он обретет будущую жизнь лишь после того, как боги узнают и поименуют, назовут его. Вследствие этих верований египтяне, как и многие другие народы Востока, придавали огромное значение имени не только человека, но и богов и демонов, большинство из которых было способно принимать многие обличья и в каждом из этих обличий иметь различные имена. Душа, по древнеегипетским верованиям, представлялась птицей с человеческой головой, которая после смерти тела покидала его и уносилась в небо. Ба могла вернуться в тело, но чтобы это произошло, необходимо было сохранить ее вместилище – тело. Именно поэтому египтяне так заботились о телах покойных. Вера в таинственного человеческого двойника ка, пожалуй, один из самых интересных моментов в загробных представлениях жителей Древнего Египта. Ка представляет собой копию человека, его слепок, его жизненную силу. Эта жизненная сила невидима, но имеет облик того, кому принадлежит. Условием посмертного существования ка является сохранение мумии или статуи умершего. Ка после смерти тела должен быть обеспечен всем необходимым – едой, питьем, одеждой – и оборонен магическими заклинаниями: только так он может быть защищен от голода жажды и злобы адских чудовищ. В этом смысле ка представляет собой полное подобие человека, ибо, как и он, испытывает нужду, которая может привести его к смерти. Местом обитания ка считалась гробница. Подобные верования определили сущность погребальных культов.

В древнейший период тела зарывали в сухой горячий песок пустынь, окружавших долину Нила. Позднее для этого стали сооружать гробницы, предохраняя помещаемые туда тела от разложения посредством выдержки их в натроне (в его состав входят карбонат натрия, бикарбонат натрия, хлористый натрий и сульфат натрия) в течение 70 дней, а также наложения специальных бинтов и повязок. Предварительно необходимо было извлечь из трупа мозг и внутренности. Высокая техника мумификации позволяла сохранять тела на тысячелетия. Внутренние органы, извлеченные из тела, как правило, складывали в специальные алебастровые сосуды – канопы, которые помещались в гробнице рядом с мумией покойного. Однако,

всех принятых мер могло оказаться недостаточно для сохранения тела, и оно погибало. На этот случай египтяне высекали специальные каменные или деревянные скульптурные изваяния покойного, придавая им черты портретного сходства. Две такие статуи были найдены около замурованного входа в гробницу Тутанхамона¹. Все это способствовало высокому мастерству египетских скульпторов.

Собственно же представления египтян о загробной жизни пережили значительную эволюцию. В начале Древнего царства традиционным было мнение, что посмертное существование ждет только фараона. К концу этого периода произошло распространение загробного блаженства и на подданных. Это была поистине социальная революция, «революция за «дегерметизацию» и уничтожение эзотеризма, но не против невежества, а во имя и за полное равенство (читай: подчинение) людей перед одной иллюзией»². Людей безотносительно к социальному положению ждала после смерти божественная участь: они становились спутниками Солнца. Тем не менее, и эти представления были со временем трансформированы. Уже в эпоху Среднего царства стало общепринятым представление о том, что блаженство не получается автоматически, а зависит от той жизни, которую человек вел в своей земной жизни, от его добрых дел и злых поступков. В целях определения дальнейшей судьбы бессмертных составляющих человеческого существа после смерти тела каждый должен был пройти через божественный суд. А попасть на этот суд можно было, только выдержав процедуру отрицательной исповеди:

- «1. Я не чинил зла людям.
2. Я не нанес ущерба скоту.
3. Я не совершал греха в месте Истины.
4. Я не [...].
5. Я не творил дурного...»³

Суд над душами вершил повелитель загробного царства Осирис, которому помогали боги египетских номов, а также Тот, Анубис и адское чудовище, которое съедало души осужденных. «На этом суде

¹ Кацнельсон И.С. Тутанхамон и сокровища его гробницы. М., 1976. С. 21.

² Поликарпов В.С. Лекции по культурологии. М., 1997. С.56.

³ Египетская книга мертвых, гл. 125 // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С.71.

взвешивается сердце покойника и в зависимости от добрых и дурных дел, совершенных им при жизни, определяется судьба его души».¹

Помочь усопшему в его трудной дороге к блаженству должны были магические формулы и заклинания, запомнить которые, наверное, было трудно даже жрецам. Поэтому священные тексты высекали на стенах пирамид и саркофагов («Тексты пирамид» и «Тексты саркофагов») или писали на папирусах, которые помещали вместе с мумией. Вместе они составили «Книгу мертвых», тексты которой дошли до наших дней в большом количестве. Сами египтяне называли эту книгу «Главы о Восхождении к Свету». Существуют и другие памятники письменности подобного значения – «Книга о том, что в загробном царстве», «Книга врат» и др.

Каждый из египтян, если имел достаточно к тому средств, заблаговременно заботился о своем погребении, и не было большей трагедии, чем погребение среди иноземцев, на чужбине, где просто зарывали труп в землю. Чем богаче и знатнее был человек, тем лучше снаряжали его в последний путь, тем богаче была его гробница. Простых же бедняков зарывали в песок, причем нередко рядом с погребениями тех, кому они служили при жизни, чтобы они могли получить в загробной жизни что-нибудь от богатств своих повелителей.

Роскошнее и богаче всех для загробной жизни готовили фараонов. Это связано еще и с тем, что фараон в Египте обожествлялся. Он был земным воплощением божественной власти, живым богом солнца Ра. Объяснить это достаточно просто. По мере возрастания роли фараона и зависимости всей социально-культурной жизни страны от государственной централизованной власти возникало и укреплялось величайшее противоречие мифологического сознания египтянина с очевидной реальностью: с одной стороны, землей и страной управляли могущественные боги, оказывая покровительство, защищая или карая, с другой стороны, – все события свершались по воле фараона. Ничего иного не оставалось, как предположить, что фараон и есть бог. Но сразу же возникало еще одна проблема: как человек фараон смертен и ему следовало воздать посмертные почести, как бог он не мог умереть вовсе. Способом ее решения, видимо, и были всемирно известные, ставшие символом Египта пирамиды фараонов. После смерти, т.е. после окончания

¹ Токарев С.А. Религии в истории народов мира. М., 1976. С.311.

земного воплощения, фараон сливался с солнцем, но каждую ночь проходил очищение в пирамиде, подобно тому, как само солнце, по мнению египтян, еженощно очищается в лоне земли, набираясь сил для дневной борьбы с мраком. Может быть, поэтому пирамиде была придана форма монолита, который как бы вырастает из земли и уходит в небо в виде горы, по которой душа фараона могла подниматься на небо и спускаться на землю¹. Тело фараона с особой тщательностью бальзамировалось, лицо покрывалось золотой маской, чтобы душа правителя находила свое тело нетленным и по-прежнему прекрасным. Некоторые из царских усыпальниц были подлинными дворцами под землей (гробница Сети I, гробница Рамсеса III и др.). Сокровища, содержащиеся в гробницах, были поистине несметными. Такой вывод легко можно сделать хотя бы по гробнице Тутанхамона, достаточно скромной по размерам и подвергшейся ограблению. Вместе с тем, богатства таили угрозу для тех, кому они предназначались. Уже с периода первых династий они привлекали грабителей, и захоронения фараонов не предохраняли от осквернения ни тайна места захоронения, ни высечение гробниц в скалах, ни заклятья, ни казни для преступников (письменные источники повествуют о процессах по делам расхитителей гробниц – папирус Аббот, папирус Амхерст, папирус Леопольд II). Задолго до наших дней, в I в. до н.э., Диодор и Страбон находили гробницы Долины царей опустошенными, а европейские путешественники в XVIII в. видели здесь бесчинствующие воровские шайки. Разграбления продолжались и в XIX, и даже в XX веке.

Обожествляли египтяне не только правителя государства, но и само государство. Оно считалось созданным богами и охраняемым Осирисом. Согласно хронологии Манефона, имеющей своим истоком священные тексты, до земных царей Египтом правили боги, а затем – полубоги. Египетское государство – явление весьма примечательное и во многом удивительное. В эпоху своего расцвета оно представляло собой централизованную восточную деспотию с фараоном во главе и системой бюрократического управления. Благодаря строгой системе учета и контроля государство осуществляло надзор за хозяйством, производством и распределением продукции, налогоплательщиками и уплатой податей, состоянием системы ирригации и т.д. Постоянно производились подсчеты людей, скота, земли, золота. Общая для

¹ См. подробнее: Розин В.М. Культурология. М., 1998. С.16 -21.

всего государства система ирригации контролировалась номархами - наместниками фараона. К эпохе Нового царства вся страна была поделена на два больших округа – Северный и Южный Египет, во главе которых стояли царские наместники. Более мелкие административные территории – области – также управлялись царскими чиновниками, при каждом из которых находился писец и особая канцелярия. Первым и высшим чиновником государства считался везир, в руках которого сосредоточивались нити управления всей страной. Он обладал высшей военной властью, управлял всеми крепостями, формировал войско и флот, распоряжался всем земельным фондом страны и системой водоснабжения, управлял всеми государственными канцеляриями, ведал придворным церемониалом. Кроме того, ему принадлежал высший судебный надзор и контроль за податным и местным управлением. Должность везира нередко занимал сын царя, а прочие высшие должности государства – представители наследственной знати. Уже в эпоху Древнего царства существовало специальное военное ведомство, которое в период расширения военной политики при V династии приобрело независимость от высшей гражданской власти, подчиняясь непосредственно фараону. Должность высшего военного командира – «начальника войска» – принадлежала, как правило, члену царской семьи. Управление военно-хозяйственной частью было сосредоточено в специальном государственном учреждении – «Доме оружия», начальником которого назначался представитель высшей знати. Однако во время Древнего царства профессиональной армии еще не было, она носила скорее характер ополчения, и военные должности занимали гражданские лица. Усиление военной направленности государственной политики привело и к изменению характера египетского войска: хотя основой его по-прежнему являются ополченцы из числа свободных общинников, все большее значение приобретают отряды наемников. В эпоху Нового царства государственный бюрократический аппарат приспособливается к потребностям военной политики: теперь уже военные командиры получают функции гражданских чиновников – ведают строительством крепостей и каналов, отвечают за снабжение строительства и т.п. В мирное время армия Древнего Египта делилась на две больших части, дислоцированные в дельте и в Верхнем Египте.

Опорой существования этой сложной государственной системы

жители Египта считали Маат – божественный порядок, установленный богами еще при упорядочении хаос. Маат выражает также всеобщую гармонию мира. Порядок Маат трактовался также как правопорядок, справедливость, а боги и фараоны – как установители законов, призванные поддерживать Маат. Поэтому суд везира всегда рассматривался как служение истине. Может быть, с этим связано наличие в Египте сложной системы судопроизводства (уже в Древнем царстве Египет имел царских судей, в столице размещалась высшая судебная инстанция – «шесть великих домов», фараон считался носителем высшей судебной юрисдикции, способным в особых случаях назначать судей из доверенных лиц для рассмотрения тайных дел). Кроме того, «Маат» становится центральным понятием в египетской этике. Одно из древнейших известных нам поучений – «Премудрость Птаххотепа» (V династия) – провозглашает Маат принципом, на котором строятся правильные человеческие взаимоотношения: «Велика справедливость, и превосходство (ее) непоколебимо. Неизменна (она) со времен Осириса, и карают преступающего законы»¹. Правила Маат повелевали имущим помогать неимущим, требовали дисциплины и повиновения, милосердия и соблюдения законов.

Боги, как верили древние египтяне, были не только создателями Египта, основателями городов, установителями Маат, но и учителями письменности, архитектуры и искусства, ремесла и науки. Письмо на протяжении всей истории Древнего Египта рассматривается как священное, божественное слово, как создание бога Тота – бога луны, мудрости, письма и счета, покровителя писцов и литературы. Уже в IV тысячелетии до н.э. возникает пиктографическое письмо, а к началу III тысячелетия до н.э. создается иероглифическая письменность, которая подобна шумерской, древнеиндийской, древнекитайской и другим древнейшим системам письма. Она происходит из системы простейших рисунков и узоров, в которой вода изображалась тремя зигзагообразными линиями, горы – двумя возвышениями с пролегающей между ними ложбиной, округ – прямоугольником, поделенным на квадраты (пахотная земля, разделенная на участки оросительными каналами) и т.п. Для передачи смысла целого предложения эти знаки объединялись в сложную картинку. Такой способ письма, безусловно, нагляден, но не всегда

¹ Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989. С.47.

удобен, поскольку при его применении было чрезвычайно трудно передавать отвлеченные понятия. Это привело к тому, что уже в период Древнего царства начинают использоваться знаки в упрощенном написании, что позднее привело к появлению иератического, а к I тысячелетию до н.э. – демотического письма. Если первоначально иероглифы обозначали целые понятия, то со временем происходит переход к слоговому письму, а частично даже к фонетическому, при котором знаки обозначают слоги и буквы. Классический письменный язык сложился в эпоху Среднего царства и просуществовал как господствующий до XIV в. до н.э., причем даже перестав быть «живым», он до самого конца египетской истории сохранял значение религиозно-культового языка.

Египетская письменность оказала существенное влияние на финикийское письмо, с которым связана теснейшим образом европейская письменная система, на синайское и мероитское письмо. Письменность в Древнем Египте имела прежде всего государственное значение – делопроизводство, контроль произведенных работ, отчетность. Как следствие, писец занимает в Египте очень высокое социальное положение, что в конечном итоге приводит к утилитаризму в отношении к науке письма, становящейся средством достижения успеха. В поучении эпохи Среднего царства дается такое наставление: «Нет на свете ничего более выгодней и почетней, чем должность писца. Кто поймет эту истину, тот станет подобен птице в небе. Поверь мне! Уж я-то насмотрелся в жизни на разные ремесла, и ни одно из них не могло по выгодности равняться с ремеслом писца. Не слышал разве древнюю мудрость: «Писец в столице подобен мышке в амбаре – никогда с голоду не умрет?»¹.

В конце IV в. н.э., после закрытия всех языческих храмов по указу императора Феодосия Великого, египетская письменность была забыта, а вместе с ней было предано забвению и все культурное наследие Древнего Египта. Только в 1822г. французскому ученому Жану Франсуа Шамполиону удалось расшифровать иероглифы древнеегипетского текста, начертанного на найденном в 1799г. саперами Наполеона «Розетском камне». Первыми открывшимися европейцу словами стали слова «Птолемей» и «Клеопатра», с которых

¹ Чему учил Хати своего сына Пепи// Всемирная галерея: Древний Восток. СПб., 1994. С.59.

и началось знакомство Европы с богатой древнеегипетской литературой.

А в богатстве египетской литературной традиции вряд ли кто ныне будет сомневаться. Она чрезвычайно многожанрова. Уже от эпохи Древнего царства дошли первые сакральные тексты - упоминавшиеся ранее «Тексты пирамид», «Мемфисский богословский трактат», созданный жрецами бога Птаха. К этому же периоду относится древнейшее из известных египетских поучений – «Премудрость Птаххотепа» (V династия), воспевающая божественный принцип Маат. В гробничных надписях V-VI династии появляются первые «идеальные» биографии вельмож. Эпоха VII-X династий, смутное для Египта время, знаменита удивительно глубокими, по-философски зрелыми произведениями. Таково «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», в котором правитель призывает наследника следовать Маат и беспощадно карать мятежников, не наказывать несправедливо и приближать к себе человека лишь за его заслуги, заботиться не только о придворных, но и обо всех подданных, поскольку все они – «стадо бога», «подобия, вышедшие из его плоти». В поучении дается мудрый совет быть достойным своего царского сана, поскольку именно благие поступки правителя – лучшая память о нем среди людей, основа для оправдания на суде богов в загробном царстве, где добродетель ценится выше, чем жертвоприношения недобродетельного. «Так впервые идея загробного воздаяния, которая, по всей видимости, уже существовала во второй половине Древнего царства, приобретает для нас отчетливые очертания, свидетельствуя об углублении нравственных исканий»¹.

Появляются произведения, в которых явственно звучат интонации, вступающие в противоречие с официальным заупокойным культом. Так, в «Споре человека и Ба» высказывается мысль о том, что умерший более никогда не увидит солнечного света. Еще более показательна в этом отношении «Песнь арфиста» из гробницы царя Антефа, в которой настойчиво звучит призыв: «празднуй прекрасный день и не изнуряй себя», поскольку никто из ушедших не вернулся обратно и никто не взял с собой своего состояния. В строках песни звучит поистине поразительный для древнего человека скептицизм, сомнения в самом существовании загробной жизни:

¹ Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989. С.50.

Никто еще не приходил оттуда,
Чтобы рассказать, что там,
Чтобы поведать, что им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.
А потому утешь свое сердце,
Пусть твое сердце забудет
О приготовлениях к твоему просветлению.
Следуй желаниям своего сердца,
Пока ты существуешь.¹

В эпоху Среднего царства, наряду с традиционными поучениями («Поучение Аменемхета I», «Чему учил Хати своего сына Пепи») и религиозными текстами, появляется научная литература (Московский математический папирус, Кахунский папирус, магико-медицинские папирусы IV и V из Рамессеума, хирургический папирус Эдвина Смита и др.). В это время появляется художественная литература – «Красноречивый поселянин», «История Синухета», «Сказка о потерпевшем кораблекрушение». Еще более расширяется художественная литературная традиция в период гиксосского завоевания: здесь и сказки («Сказка об обреченном царевиче», «Сказка о двух братьях», «Сказка о Правде и Кривде»), и басни («Тяжба живота с головой»), и любовная лирика. На литературе Нового царства отразились все общие тенденции этого периода. Происходящее углубление религиозной мысли вызвало к жизни такие богословские произведения как «Книга дня», «Книга ночи», «Книга Амдуат», 125-я глава «Книги мертвых» и др. Одновременно усиливаются мотивы вольнодумства: в этот период египетской истории создано знаменитое «Прославление писцов», в котором повторяется мысль о тленности гробниц и храмов, прозвучавшая в «Песне арфиста»:

Построены были двери и дома, но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты².

¹ Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С.100-101.

² Прославление писцов// Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С.102-103.

Возникает множество пародийных произведений («Спор Гора с Сетом», «Взятие кошачьей крепости»). В Позднее царство литература обогащается элементами культур других народов («Рассказ о Бокхорисе и агнце», «Сказания о Петубасте» и др.). В литературных текстах все более заметна тяга к магии, о чем свидетельствуют такие произведения как «Сказания о Сатни-Хемуасе», «Царская книга». Временами звучат удивительно схожие с библейскими этические мотивы, что свидетельствует об углублении нравственных представлений египтян («Поучение Аменемопе», «Наставление Ани своему сыну Хонсухотепу»). Эти проникновенные образцы дидактики вполне могли служить эталоном для ветхозаветной литературы. Литература Египта обогащала литературу соседних народов, и именно Египет стал колыбелью сказки и лирической поэзии, басни и историографии.

При всем многообразии жанров древнеегипетской литературы можно все же выделить некоторые общелитературные приемы. Прежде всего, не только поэтические, но и прозаические произведения египтяне стремились облечь в строго ритмическую форму посредством чередования образов, частей предложения, слов. Отдельные части фразы и слова нередко строились параллельно и симметрично, как в этом отрывке из «Речения Ипувера»: «Смотрите: огонь поднялся высоко; его пламя исходит от врагов страны. Смотрите: свершились дела, которые никогда, казалось, не могли свершиться. Царь захвачен бедными людьми. Немногие люди, не знающие закона, лишили его власти. Смотрите: в один час разрушена столица и стали известны тайны царей Верхнего и Нижнего Египта. Столица встревожена недостатком. Все стремятся разжечь гражданскую войну. Тот, кто не мог сделать себе гроба, стал владельцем заупокойного имения, а погребенный соколом, лежит на простых носилках, и пустым стоит то, что скрывала раньше пирамида. Смотрите: тот, кто не мог построить себе и хижины, теперь владеет домом, а придворные изгнаны из домов царя»¹. Большое внимание уделялось музыкальному благозвучию литературных произведений, в связи с чем стали появляться первые приемы поэтического оформления речи – аллитерации, ассонансы, рефрены.

¹ Речение Ипувера // Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. М., 1994. С.14-15.

Огромное значение в литературе Египта имели яркие художественные образы и поэтические сравнения:

Женских тел фаянс прохладный ослепляет, обольщает,
Чтобы тотчас превратиться в пламенеющий сардоникс.

Обладанье ими – краткий сон,
Постижение их – подобно смерти!¹

При этом, не отставала от поэзии в яркости сравнений и проза: «Взгляни на скульптора, гравера, резчика. Что за мучения несет их труд! ... Ничуть не лучше работа купца, везущего на барке вниз по Нилу разные товары. Пока доедет он до дельты – весь искусан комарами, устал, как осел, измучен поклажей. А что за муки терпит строитель, вынужденный лазить по стенам, подобно обезьяне, рваный, грязный, в синяках»². Большое внимание уделялось стилю, и стилистика, вероятно, преподавалась в школах писцов. Как видно, все те приемы, которые «отрабатывались» в литературе Древнего Египта в скором времени стали достоянием всего человечества.

Не менее обязаны мы Египту и в области научных знаний. Древним египтянам удалось внести существенный вклад в медицину, математику, астрономию, географию, анатомию. В древнейший, додинастический период, видимо, складывается система счета, появляется первый свиток папируса, предпринимаются попытки мумификации. Особого расцвета достигает наука в эпоху Среднего царства, к которому относятся многочисленные научные тексты. Наиболее значительными, по-видимому, следует считать медицинские достижения древних египтян. Хотя египетская медицина была еще тесно сопряжена с магией, уже в эпоху Древнего царства на стены одной из гробниц были нанесены изображения различных операций на конечностях. В медицинском папирусе Эберса, относимом к Среднему царству, впервые излагается учение о кровеносных сосудах, пульсе и сердце, а в хирургическом папирусе Эдвина Смита – древнейшее учение о мозге. В текстах времен Среднего царства сохранился перечень разнообразных рецептов для лечения болезней. Сами же заболевания описывались очень подробно (желудочно-кишечные болезни, в том числе и дизентерия, болезни дыхательных путей, кровотечения, ревматизм, кожные и

¹ Поучения Птаххотепа // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С.95-96.

² Чему учил Хати своего сына Пепи // Всемирная галерея: Древний Восток. СПб., 1994. С.59.

гинекологические болезни). В медицинских сборниках этого времени сохранились методики лечения, требующие от врача осмотра больного, установления диагноза, определения способа лечения. В хирургических текстах описываются повреждения различных частей тела – черепа, подбородка, ключиц, плеч, грудной клетки, позвоночника. Развитию медицины во многом способствовало вскрытие трупов при мумификации. Впрочем, сама мумификация была свидетельством значительной высоты научных познаний древних египтян: операции по выниманию мозга через ноздри требовали прекрасного знания анатомии, выдержка тела умершего в натроне предполагала знание химических свойств входящих в его состав веществ и их воздействия на ткани человеческого тела.

Московский математический папирус, находящийся в собрании Музея Изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, и математический папирус Ринд Британского музея свидетельствуют о высоком развитии математических знаний в Древнем Египте. Настоящим достижением математики можно считать изобретение десятичной системы счета. В египетской письменности существовали символы для обозначения 1, 10, 100, 1000, 10000, 100000 и даже миллиона. Известны были и первые четыре арифметические действия, применение которых, однако, было достаточно примитивным. Например, чтобы умножить восемь на восемь, необходимо было произвести четыре последовательных умножения на два. Для того, чтобы разделить семьдесят семь на семь, следовало установить, на какое число нужно умножить семь, чтобы получить делимое число. Были знакомы египтянам и дроби. Значительного развития достигла геометрия, имевшая огромное практическое значение. Египтяне умели определять площадь прямоугольника, треугольника, трапеции. Знали число π , принимая его равным 3,16, и вычисляли площадь круга. Египтяне способны были решать сложные задачи на вычисление объема полушария и усеченной пирамиды, о чем свидетельствуют имеющиеся в Московском математическом папирусе задачи. Имелись у них и основы алгебраических знаний, которые выражались в умении решать уравнения с одним неизвестным. Интенсивно шло накопление астрономических знаний. От эпохи Среднего царства дошли списки созвездий на саркофагах. Астрономическая карта с изображением Большой и Малой Медведиц, Сириуса и Ориона имелась в гробнице вельможи времен XVIII

династии Сенмута. На потолках царских гробниц XIX и XX династий сохранились таблицы звезд, при помощи которых определяли время ночью. Астрономические знания египтян позволили составить первый в мире солнечный календарь: год делился на 12 месяцев по 30 дней в каждом, а к концу года добавлялось 5 дней, что в общей сложности составляло 365 дней. Этот год отставал от тропического на четверть суток. Научная мысль развивалась, пытаясь вырваться из тисков религиозно-магического мировоззрения.

Сделать это было чрезвычайно трудно, поскольку древнеегипетская культура выработала эзотерическую форму существования науки. Интеллектуальная элита – жрецы – облакали специализированное знание в мистические символы, понятные лишь посвященным. Это определило огромную роль храма в жизни Древнего Египта (может быть поэтому, когда в 535 г. н.э. при императоре Юстиниане перестал существовать последний хранитель египетского язычества – храм Исиды на острове Филэ, стал прошлым и сам Древний Египет). В период Древнего царства возникают особые учреждения – «дома жизни» при храмах, где обрабатывались и редактировались религиозные трактаты, создавались священные гимны и песни, систематизировались и включались в магические книги научные знания, собирались библиотеки, велись записи по годам правления царей, на основе которых составлялись летописи, определялись принципы художественного творчества и каноны изобразительного искусства. Предание утверждало, будто «дома жизни» были учреждены богами. Максимальное единство сакральной эзотерической культуры Древнего Египта приходилось, видимо, на III-IV династии. Монополия жречества на знания, включая и одни из важнейших для древнего человека – ведущие к бессмертию магические знания, не могла не привести к значительному усилению этой касты. Жрецы весьма умело использовали накопленные поколениями знания. Открыв циклически повторяющиеся затмения Солнца, тщательно наблюдая за дождями, разливами Нила, засухами и найдя таким образом возможность предвидеть их, жречество умело использовало свои знания природных явлений для манипуляции общественными процессами. Жрецы любыми способами (включая гипноз) поддерживали у людей наивную веру в свою способность погасить и зажечь солнце, вызвать долгожданный дождь, навлечь засуху. В период Нового царства, в годы правления XVIII-XIX

династий, происходит невероятное обогащение жречества: Большой папирус Гарриса доносит до нас перечень богатств, принадлежавших трем богатейшим храмам Фив, Гелиополя и Мемфиса – здесь не только люди, скот и пашни, но и верфи, флот, поселения. Даже золотые рудники Нубии переходят в руки верховных жрецов Амона. В это время жречество превращается в замкнутую наследственную касту, поскольку надписи XIX-XX династий указывают на передачу жреческих должностей от отца к сыну. Например, в надписи Рама-Раи, фиванского первосвященника Амона, говорится: «Пусть мой сын займет мое место. И должность моя будет находиться в его руках. И пусть она будет переходить от отца к сыну вечно...» Когда в XI в. до н. э. власть фараона для жителей окраин египетской империи превратится лишь в символ былого могущества страны, жрецов Амона по-прежнему будут чтить, признавая в их лице величие имперского бога («Путешествие Уну-Амона в Библи» – папирус Государственного музея изобразительных искусств в Москве).

Влияние жречества на культуру Древнего Египта несомненно, как несомненна и пронизанность всей культурной жизни религиозными воззрениями. Все сферы духовной культуры египтян словно надстраиваются над заупокойным культом, демонстрируя повседневную мысль жителей этой древней страны о смерти и бессмертии, о воздаянии и добродетели, о памяти в поколениях и просветлении. Особенно ярко это проявилось в архитектуре и изобразительном искусстве. Все, с чем ассоциируется Египет, стоит только услышать это географическое название, все, о чем не устают рассказывать рекламные проспекты туристических агентств, все, что входит в качестве иллюстраций в учебники по египетской культуре – великие пирамиды Гизе, золотая маска Тутанхамона и статуэтки из его гробницы, росписи и рельефы из усыпальниц фараонов, скальный храм в Абу-Симбеле с гигантскими колоссами Рамсеса II, заупокойный храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри – так или иначе связано с религией. Может быть, именно память о смерти создает то своеобразие египетской культуры, которое делает ее легко узнаваемой, по-детски романтической и таинственной, величественной и вместе с тем наивной в своей вере в бессмертие, даруемое богами с непривычными для европейского глаза чертами животных.

Величие замысла и целей творения строительного гения египтян, создававшего на века и словно взывающего к богам и потомкам,

определяет монументальность и грандиозность архитектуры Древнего Египта, которые вместе с почти геометрическим конструктивизмом составляют ее основную специфику. Архитектурные образцы были настолько грандиозны, что смогли устоять под натиском времени. Первые из величественных каменных сооружений относятся к периоду Древнего царства. Ранним памятником монументальной архитектуры является заупокойный ансамбль фараона Джосера (III династия) в Саккара, зодчим которой был Имхотеп – человек энциклопедических знаний – архитектор, астроном, врач. Это гигантское сооружение имеет прямоугольное основание из каменных блоков и шесть ступеней, каждая из которых меньше предыдущей. Под основанием, в скалистых породах были высечены подземные кулуары и шахта, на дне которой располагалась погребальная камера с мумией фараона. Декор гробницы Джосера очень прост: светотеневой контраст выступов и ниш, имитация связок папируса на полуколоннах входной галереи, стилизованные изображения бутонов лотоса, цветов папируса и пальм на фризах и капителях колонн. Именно с пирамиды Джосера в Египте начинается складываться классический тип пирамиды, выросший из скамьеобразной кирпичной гробницы – мастабы. Благодаря заполнению пустых пространств между уступами пирамиды посредством внешней облицовки образуется хорошо знакомая архитектурная египетская классика, одно из семи чудес света – пирамиды Гизе (около Мемфиса) фараонов IV династии Хуфу (Хеопса), Хафра (Хефрена), Менкаура (Микерина). Все они, вместе с заупокойными храмами и Сфинксом фараона Хафра, образуют единый ансамбль. Первой из них была построена пирамида Хуфу, связанная с именем архитектора Хемиуна. Основу расчета пропорций пирамиды составил принцип «золотого сечения», с помощью которого определялся угол наклона граней и основные размеры сооружения. Великая пирамида Хуфу сложена из 2300000 известковых блоков, средний вес которых 2,5 тонн. Держатся они, как и в пирамиде Джосера, силой собственной тяжести без какого-либо связующего вещества. Это тем более поразительно, если учесть, что все строительные работы велись лишь с использованием каменных и медных орудий. Внешние размеры пирамиды соответствовали построению внутреннего пространства, организованного в сложную систему помещений. В решении внутреннего пространства более

всего поражает совершенство технического мастерства архитектора, и особенно – разгрузочная камера над погребальным покоем, предназначавшаяся для равномерного распределения давления. Не менее удивляет и вписанность пирамиды в орбиту космоса: подземная камера ее ориентирована по световому лучу на альфу созвездия Дракона, являющуюся во время строительства пирамиды полюсом мира. Наружные грани пирамид Гизе были облицованы, однако сегодня облицовка сохранилась только у вершины пирамиды Хафра. Но все разрушения, произведенные временем и руками грабителей, не смогли пошатнуть величия этих гигантских сооружений, даже сегодня потрясающих нас своей грандиозностью и главное – своей древностью, как в начале двадцатого века потрясли они И.А.Бунина: «Вот я стою и касаюсь камней, может быть, самых древних из тех, что вытесали люди! С тех пор, как их клали в такое же знойное утро, как и нынче, тысячи раз изменялось лицо земли. Только через двадцать веков после этого утра родился Моисей. Через сорок – пришел на берег Тивериадского моря Иисус... Но исчезают века, тысячелетия, – и вот, братски соединяется моя рука с сизой рукой аравийского пленника, клавшего эти камни...»¹

Со временем, в период V династии, слабела власть фараонов и, соответственно, уменьшались размеры царских усыпальниц. Внимание было обращено на заупокойные храмы, стены которых украшаются прекрасными рельефами, изображающими подвиги фараона (например, в заупокойном храме царя Сахура). К этому же времени относятся солнечные храмы фараонов, самый замечательный из которых – храм Ниусирра в Абидосе. Он включал открытый двор и крытые молельни. Центральное место в храмовом комплексе отводилось обелиску, установленному на возвышении в виде террасы и символизирующему ту священную гору, на которую взойшло солнце Атум-Ра, родившись из вод изначального океана.

Архитектура Среднего царства знаменует собой переход от архитектуры Древнего к архитектуре Нового царства. Это хорошо заметно на примере гробниц Ментухотепов (XI династия). В заупокойном ансамбле Ментухотепа I в Дейр-эль-Бахри органично сочетается пирамида и тип скальной гробницы, ставшие выражением стремления возродить солнечные культы, связанные с местной традицией почитания Амона. В ансамбли Среднего царства начинают

¹ Бунин И.А. Свет зодиака// Собр. соч. В 4 тт. М., 1988. Т.2. С.43-44.

включаться колоннадные галереи и храмы, которые будут характеризовать архитектуру Нового царства. Уникальное сооружение Среднего царства – заупокойный храм Аменемхета III, названный греками Лабиринтом (название это происходит от царственного имени Аменемхета III – Ни-маат-Ра, произносившегося греками как Лабирис). До наших дней он не дошел, но, по мнению ученых, занимал площадь 72 тысячи кв. метров. В этом ансамбле был собран весь огромный пантеон богов страны. Это архитектурное сооружение производило незабываемое впечатление на всех его видевших. Так, Геродот находил Лабиринт «выше всякого описания».

Новое царство знаменовало собой и новый расцвет архитектуры. Особо впечатляет огромный храм Амона в Фивах, развалины которого сохранились в Карнаке. Построен он был при фараоне Сети I. Здесь полностью реализуется стремление к акцентированию колоннадной формы: в одном только гипостильном зале Карнака было более 144 колонн. В храме Амона человек теряется среди огромных папирусообразных, лотосообразных, пальмовидных колонн, словно в бесконечном лесу. Стены храма были обильно украшены растительным орнаментом и иероглифами, внутреннее пространство заполнено множеством статуй. В период XVIII династии был построен и заупокойный храм царицы Хатшепсут (конец XVI – начало XV в. до н.э.) в Дейр-эль-Бахри. Хатшепсут стала единственной в истории Египта женщиной-фараоном. И сколько не пытался ее пасынок Тутмос III, придя к власти, уничтожить имя и изображение этой женщины, заупокойный храм хранит память о правительнице. Прекрасным показателем расцвета Египта в эпоху его последнего великого фараона – Рамсеса II – являются воздвигнутые этим правителем гигантские архитектурные постройки, среди которых одна из наиболее замечательных – пещерный храм в Абу-Симбеле с размещенными на фасаде колоссальными статуями этого фараона.

Свои особенности имела и древнеегипетская скульптура, в которой применялись твердые породы камня (базальт, гранит, диорит, золото и серебро, дерево). Среди ее специфических черт, прежде всего, следует назвать монументальность, фронтальность (изображение тела в одной воображаемой плоскости, обращенной к зрителю), симметричность построения относительно вертикальной оси и статичность. Обязательным было изображение фигуры

целиком, чего требовал религиозный культ. В эпоху Древнего царства к этим чертам добавляется стремление идеализировать изображаемый образ, в наибольшей степени характеризующее скульптурные портреты правителей и вельмож. Но желание подлинного художника раскрыть сущность человеческой души не могло не выразиться в попытках отразить реальный облик человека (статуя Каапера из Саккара, статуя сидящего писца). Стремление к реализму усиливается в эпоху Среднего царства (статуи Аменемхета III, голова Сенурсета III и др.).

При Аменхотепе IV эта тенденция получает свое полное выражение: мастера отказываются от традиции идеализированного изображения фараона и членов его семьи, стремясь к правдоподобию и портретному сходству не только в передаче лица, но и фигуры. Так, скульпторы амаранской школы изображали царя-реформатора, иногда даже несколько утрируя его недостатки – с чрезмерно удлиненным, оттянутым назад черепом, выступающим вперед подбородком, отвислым животом, очень тонкими руками и ногами, перенося эти недостатки на его жену Нефертити и их шестерых дочерей. Отказ от идеализации и стремление к реализму так же легко проследить по скульптурным портретам самой Нефертити. Современники с восхищением отзывались о ней, называя ее «прекрасной ликом». Невысокая, стройная, с длинной шеей, красиво посаженной головой и большими миндалевидными глазами прекрасная женщина – такой предстает Нефертити на скульптурах, открытых зимой 1912 г. при раскопках скульптурной мастерской в Ахетатоне. На одном из предметов этой мастерской имелось имя мастера Тутмоса. Возможно, ему же принадлежит портрет Нефертити в голубой короне (Музей египетского искусства, Германия). Но есть и другие изображения этой женщины, которая, как и все земные люди, с возрастом менялась. Сохранились статуэтки Нефертити, на которых она, не утратив былой красоты, «стала старше»: голова сильнее склонена вперед, округлее стали живот и бедра, не так горда осанка. Вероятно, скульптор, привыкший в период Амарны следовать реалистичности в изображении модели, и здесь не прибегает к идеализации.

При Эхнатоне появляются и новые черты в изобразительном искусстве: портретный натурализм, доходивший иногда едва ли не до шаржа и гротеска, подвергается линейной стилизации (лицо

луврского бюста Эхнатона, голова колосса Эхнатона), некоторая угловатость изображения сменяется плавной текучестью линий. Идеи скульпторов Амарны продолжали сказываться и после восстановления культов исконных египетских богов, несмотря на сильные гонения: черты реализма подспудно просматриваются даже через полстолетия в статуях Рамсеса II, а плавность линии характеризует скульптуру и значительно более позднего времени (статуя царицы IV в. до н.э., скульптурное изображение бога Птаха IV-I в. до н.э.).

Рельефное и живописное изображение, сделанное египетскими мастерами невозможно спутать с чем-либо еще, поскольку оно отличается сразу же бросающейся в глаза особенностью – совмещением профильных и фасных элементов, когда при профиле головы и ног плечи и руки развернуты в фас, а торс – как бы в три четверти. Помимо этого, живописцы и создатели рельефов изображали каждый объект вне пространственной связи с другими предметами, стремясь показать его как можно более полно. При желании выделить что-либо, показать его значимость, египетские творцы увеличивали размер этого объекта, и поэтому фараоны, боги, знатные сановники гораздо выше и крупнее окружающих их людей. Эти принципы древнеегипетского живописного канона сформировались в глубокой древности – к концу IV - началу III тысячелетия до н.э. – и практически не менялись на протяжении всей истории. Именно так изображались боги, фараоны, вельможи. Несколько большая свобода характеризует изображения простых людей, которые часто показываются в работе, в движении («Охота на гиппопотамов» из гробницы вельможи Ти в Саккара (V династия), «Кормление антилоп» из гробницы номарха Хнумхотепа II в Бени-Хасане (XII династия), «Госпожа и служанка» из гробницы Джесеркара-сенеб в Фивах (XVIII династия) и др.). Этими изображениями простых жителей Древнего Египта мы также обязаны заупокойному культу: опасаясь, что знатному умершему будет недостаточно всех тех вещей, яств, одежд, которые помещены в его гробницу, на рельефы и фрески наносились сцены, посвященные работе его слуг и крестьян – этому неиссякаемому источнику продовольствия и вещей для ка.

Вряд ли стоит долго говорить о значении наследия Древнего Египта для мировой культуры, поскольку об этом знает каждый, кто

хотя бы раз пытался осмыслить закономерности культурного развития человечества и проникнуть в тайны преемственности высокого культурного творчества. Думается, многим известно, что достижения египетских врачей стали достоянием арабской и европейской медицины, заимствовавшей рецепты из древнеегипетских папирусов. Без сомнения, математические знания продолжали жить в работах древнегреческих математиков, а астрономические выводы египтян и их солнечный календарь, вероятно, стали основой того календаря, которым мы пользуемся сегодня. Мистическая и религиозная мысль Древнего Египта оказалась весьма притягательной для эллинов: не случайно доксографы и биографы нередко сообщают о том, что выдающиеся греческие мыслители (Солон, Фалес, Пифагор, Гекатей Милетский и др.) учились в Египте. Культ египетских богов (Исиды, Осириса) был чрезвычайно широко распространен среди римлян, захваченных идеей бессмертия. И именно здесь, на территории Египта возникнут первые христианские культурные центры, давшие уже нашему европейскому миру Павла Фивейского, Афанасия Александрийского, Климента Александрийского. Есть вероятность, что древнеегипетская письменность повлияла на финикийское письмо, а через него – на европейские системы письма. В литературе этой древней страны возникли многие жанры и мотивы, перешедшие в европейскую литературу. Традиции и элементы архитектуры – львы и сфинксы, колонны и обелиски, гробницы и храмы – были заимствованы античным архитектурным гением. В долине Нила сложились многие классические живописные типы и формы – настенная живопись, круглая статуя, рельеф. Влияние египетской культуры прослеживается не только в европейском искусстве, но и в искусстве Ближнего Востока. И нет сомнения, что сегодня наследие прошлого рассматривается египтянами как исток и основа современной египетской культуры. «А когда смотришь на мечети Каира и на его погосты, то думаешь о том, что мечети его сложены из порфира мемфисских храмов и гранита разрушенных пирамид, что дорога мимо погостов ведет по пустыне к обелиску Гелиополя-Она. И тогда и от европейского Каира и от Каира мусульманского мысль уносится к древнему царству фараонов, видя вдали каменные мощи этого царства – пирамиды Гизе и Саккара...»¹

¹ Там же. С.38.

Литература

1. Бьювел Р., Джилберт Э. Секреты пирамид. М., 2001.
2. Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986.
3. Гриненко Г.В. Хрестоматия по истории мировой культуры. М., 1998.
4. Египетская книга мертвых // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
5. Картер Г. Гробница Тутанхамона. М., 1959.
6. Кацнельсон И.С. Тутанхамон и сокровища его гробницы. М., 1976.
7. Керам К. Боги, гробницы и ученые. М., 1963.
8. Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976.
9. Культура Древнего Египта // В.В. Струве, И.С. Кацнельсон, Т.Н. Савельева и др. Отв. ред. И.С. Кацнельсон. М., 1976.
10. Матье М.Э. Искусство Древнего Египта. М., 1961.
11. Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. М., 1994.
12. Перепелкин Ю.Я. Переворот Аменхотепа IV. М., 1967.
13. Плутарх. Исида и Осирис. Киев, 1996.
14. Поликарпов В.С. Лекции по культурологии. М., 1997.
15. Прославление писцов// Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
16. Савельева Т.Н. Как жили египтяне во время строительства пирамид. М., 1971.
17. Струве В.В. История Древнего Востока. М., 1941.
18. Токарев С.А. Религии в истории народов мира. М., 1976.
19. Чему учил Хати своего сына Пепи // Всемирная галерея: Древний Восток. СПб., 1994.
20. Sellers J.B. The Death of Gods in Ancient Egypt. London, 1992.
21. Edwards I. E. The Pyramids of Egypt. London, 1993.
22. Parkinson R.B. Voice of Ancient Egypt. London, 1991.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Краткая историческая справка. Культурную область, находящуюся в долинах крупных рек Тигра и Евфрата и ограниченную горами Армении на севере и Персидским заливом на юге, Иранским нагорьем на востоке, Сирийской степью и полупустынями Аравии – на западе, древнегреческие путешественники назвали Месопотамией (Междуречьем). Нередко для ее обозначения употребляют название «Двуречье». Так, египтяне именуют ее «Землей двух рек». Плодородная почва этого древнейшего культурного региона создавалась наносными отложениями Тигра и Евфрата, удобряющими почву во время периодических полугодовых (с марта по сентябрь) разливов. Земля Двуречья представляла собой низменную равнину, созданную аллювием этих рек. Лишь север Месопотамии являлся холмистой равниной, постепенно переходящей в горные районы. В древнейшие времена русла Тигра и Евфрата находились значительно ближе друг к другу, и территория, расположенная между ними, была меньше. Эти протяженные реки (Тигр – около 1850 км, Евфрат – примерно 3065 км) представляли собой естественные пути, соединявшие Месопотамию с областью Персидского залива, Закавказьем и Малой Азией, Северной Сирией. Двуречье оказывается гораздо менее изолированным от окружающего мира, нежели Египет. Естественные природные ресурсы Двуречья не столь велики, как египетские. Здесь не было ни камня, ни металла, а основным материалом, имевшимся в распоряжении жителей этого района, являлась глина. Из нее делали кирпичи, заменявшие камень, столь популярный в Египте, бытовые изделия, из нее же производили материалы для письма. Беднее была флора и фауна. Но здесь, как и в других приречных районах, складываются благоприятные условия для развития земледельческого хозяйства. В древнее время жители Месопотамии акклиматизировали пшеницу и ячмень, использовали для производства масла кунжут, потребляли плоды финиковой пальмы, находили широчайшее хозяйственное применение дикорастущему тростнику, разводили коз, свиней, быков, птицу, занимались рыболовством. Умеренный и субтропический климат требовал от людей гораздо большего усердия и упорства в обработке земли, нежели тропический и субтропический климат Египта и Индии. Результаты труда здесь получались не так скоро и предполагали умелую организацию всей хозяйственной жизни. Тигр и Евфрат далеко не так спокойно несли свои воды, как размеренный Нил, внося в существование человека на территории речных долин элементы непредсказуемости и священного ужаса перед мощью природы.

Центр развития этой культуры располагался в южной части месопотамского ареала (в Древней Вавилонии). Северная Вавилония

называлась Аккадом, а Южная – Шумером. В северной части Двуречья располагалась Ассирия. Первые поселения на территории Месопотамии существовали еще в эпоху палеолита. В неолитический период, в VII-VI тысячелетии до н.э., происходит заселение речных долин сначала Северной, а затем, в V тысячелетии до н.э., – и Южной Месопотамии.

Древние племена, населявшие Двуречье в архаический период, жили среди болот, строя свои поселения на искусственно созданных земляных насыпях. В этот период были предприняты первые попытки создания искусственной системы орошения. Этнический состав этого древнейшего населения не известен. Возможно, это были племена, составлявшие древнейший этнический слой Передней Азии. В подтверждение их существования исследователи приводят тот факт, что многие топонимические названия, использовавшиеся шумерами, не могли родиться в шумерском языке, а, вероятно, остались от народа, ранее заселявшего этот регион и говорившего на отличном от шумерского языке¹. Однако, согласно общепринятому в научном мире мнению, подлинными творцами месопотамской культуры были шумеры и аккадцы. Первые, возможно, пришли из горных восточных областей и заселили в начале IV в. до н.э. территорию до наибольшего сближения Тигра и Евфрата. Язык шумеров не схож ни с одним из языков. Согласно шумерской мифологии, они прибыли с островов Персидского залива. Аккадцы представляли собой семитские племена, родственные скотоводческим племенам сирийско-месопотамской степи, Сирии и Аравии. Есть вероятность, что они появились из каких-то горных районов (об этом свидетельствует древнейший известный им способ изготовления кирпичей, напоминающих каменные блоки; форма зиккурата, явственно напоминающая гору и др.). Причем пришли они, скорее всего, морским путем (появились сначала в устьях рек; в древнейших верованиях особое место играл бог Энки, чей дом располагался на дне океана; обосновавшись в Месопотамии, шумеры сразу же начали строить ирригационные системы и занялись мореплаванием по рекам и каналам). Первый семитский город Двуречья – Аккад. В первой половине III тысячелетия до н.э. семитские племена заселили север Месопотамии. Древнейшие находки архаического периода (Эль-Обеида и Урук в Шумере, Джемдет-Насир в Аккаде) убедительно доказывают, что в этот древнейший период истории население Двуречья занимается земледелием и скотоводством. Появляются металлические орудия труда, развивается гончарное и ткацкое дело, возникают первые торговые связи, зарождается монументальная архитектура, возникает пиктографическая письменность, формируются религиозные верования (по преимуществу – земледельческие культы, среди которых видное место занимал культ

¹ Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1988. С.89-90.

богини-матери). Тем не менее, раскопки древнейших поселений Месопотамии не дают возможности ответить на вопрос, откуда пришли шумеры и аккадцы, позволяя сказать лишь, что между ними существовали значительные различия в языке, культуре, обычаях. К концу III тысячелетия до н.э. семиты, продвигаясь на юг, заселили всю Месопотамию.

Начиная с IV тысячелетия до н.э. и вплоть до слияния шумеров с вавилонянами в III тысячелетии до н.э., **Шумер** играл огромную роль в истории Междуречья. Возникнувшие на рубеже IV-III тысячелетия до н.э. первые шумерские города-государства – Ур, Лагаш, Ларса, Урук, Ниппур – управлялись лугальями («лугаль» дословно означает «большой человек», царь) или энси (так называли правителя большого города с прилегающей к нему местностью, возможно, потерявшего независимость). К началу третьего тысячелетия здесь существовало рабовладение, развитию и укреплению которого способствовали многочисленные войны между городами Шумера. Кроме того, существовала долговая кабала, при которой можно было попасть в рабство при невозможности возратить долги. Рабов в Шумере называли «саг» (дословно – «штука»). Основной отраслью шумерского хозяйства в этот период является земледелие. Выращивается ячмень, сорго, реже – пшеница, различные овощи и фрукты. Широко распространена финиковая пальма. Огромное значение играет животноводство: выращивают быков различных пород, молочный скот, овец, коз, ослов. Лошадь появляется значительно позднее (где-то во II тысячелетии до н.э.). Хотя и слабее, нежели в Египте, но развивалось ремесло. Основным материалом служила глина, из которой производили большинство предметов обихода – от сосудов до погребальных ящиков. Из глины с примесью соломы и камыша производили основной строительный материал – кирпич. Еще один важный материал – тростник, который использовали в строительстве домов, кораблей, в плетении бытовых изделий. В Шумере развивалась и металлургия, хотя собственного металла здесь не было. Железо привозили из Закавказья, золото – из Индии, серебро – из Малой Азии, медь – из Элама, Ирана, Ассирии. О высокой технике обработки металла свидетельствуют найденное оружие, топоры, статуэтки. Не менее драгоценным материалом, чем металл, считалось дерево, ввозившееся из соседствующих с Междуречьем северо-восточных горных районов. Оно использовалось при изготовлении деревянных плугов, повозок и колесниц, в кораблестроении. Высочайшего мастерства достигают шумерские ремесленники в технике выделки кожи – одного из немногочисленных видов местного сырья. Из нее производили простейшие доспехи – шлемы, панцири, упряжь для ездовых животных. В теснейшей связи с развитием хозяйства начинает расширяться торговля. Важнейшей функцией государства в шумерский период

является поддержание системы искусственного орошения. С населения взимается дань (по преимуществу натуральной продукцией земледелия, животноводства, ремесла).

В середине III тысячелетия до н.э. (2540-2370 гг. до н.э.) на главенство в Шумере начинают претендовать сильные правители Лагаша. Этот город достиг наивысшего расцвета и могущества при правителе Эаннатуме, присоединившем к Лагашу аккадские государства Киш, Ур, Урук, Ларсу, Эриду, т.е. практически всю южную Месопотамию. Но постоянные войны привели к серьезным социальным противоречиям внутри самого Лагаша, в результате чего в 2318 г. до н.э. к власти приходит Уруинимгина, которому удается провести широкие социальные реформы посредством первых известных нам правовых актов Двуречья. Были отменены поборы со жрецов, восстановлена независимость храма от государственных чиновников, уменьшено число налогов с ремесленников, ослаблены повинности на оросительных сооружениях, ликвидировано многомужество и др. Однако, пока Уруинимгина был занят реформами, на седьмом году его правления энси Уммы Лугальзагеси, поддерживаемый Уруком, захватил Лагаш, распространил свою власть на города Урук, Эрида, Ур, Ларса, Адаб, Ниппур. Лугальзагеси стал именовать себя царем Урука и царем Ура. Эти города, по сути, стали столицами созданного объединенного Шумерского царства. В период своего двадцатипятилетнего правления Лугальзагеси ставил своей задачей объединение Шумера и Аккада. Но на севере Месопотамии в это время уже существовало сильное аккадское государство, которое оказалось способным противостоять притязаниям Шумера.

Первым городом аккадцев, заселивших север Двуречья, был Аккад, впоследствии ставший столицей **государства Аккад**. Борьба между шумерским югом и семитским севером завершилась победой последнего при аккадском царе Саргоне I (стал правителем Аккада около 2334 г. до н.э.), подчинившим Шумер и объединившим большую часть Междуречья. После прихода к власти этот правитель принял имя «истинный царь» (Шаррукен). Согласно древней легенде, он был незнатного происхождения: мать родила его тайно и, не имея средств на его воспитание, отнесла в корзине на берег Евфрата, где его нашел водонос, вырастивший будущего правителя. Царем же Саргон стал благодаря благосклонности богини Иштар. Саргон стал основателем династии, которая правила Аккадом 150 лет. В этот период государство вело постоянную борьбу с восстаниями в подвластных городах и с соседними государствами. Последним представителем династии был Шаркалишарри (2200-2176 гг. до н.э.), звучное имя которого значило «Царь царей». При его правлении начинается распад могущественной Аккадской державы. Горное племя гутиев (кутиев) вторгается в

Двуречье с востока и завоевывает его к 2170 г. до н.э. Только в 2109 г. ополчению города Урука удалось изгнать гутиев.

Уруку не удалось сохранить влияние на всей территории Месопотамии, поскольку скоро власть перешла к Уру, где правила III династия Ура, основателем которой являлся Урнамму, имевший пышную титулатуру «царь Шумера и Аккада». В это время власть все более приобретает деспотические черты. Создается сильное централизованное управление. Царь сосредотачивает в своих руках управленческие, судебные, финансовые функции. Расцвета достигает крупное государственное хозяйство, в значительных объемах использующее труд рабов. В связи с развитием торговли начинается достаточно широкое применение металлических денег. Дальнейшее развитие получает земледелие, связанное с расширением оросительной системы. Развивается скотоводство, садоводство. Строятся большие ремесленные мастерские. В стране существовала разветвленная сеть дорог, по которым гонцы могли достигнуть любого уголка государства. При сыне Урнамму Шульге (2093-2046 гг. до н.э.) были разработаны древнейшие законы, основным отличительным свойством которых является принцип денежного возмещения пострадавшему. В последующих правовых кодексах этот принцип будет заменен принципом талиона («око за око, зуб за зуб»).

После правления Шульги, в конце III тысячелетия до н.э., Месопотамии начинают угрожать племена амореев – западно-семитских племен, совершавших набеги с территории Сирии, а также эламитов. В 2003 г. до н.э. III династия Ура была свергнута, последний царь Иббисуэн был уведен в плен в Элам. В то время как амореи захватывают обширные области в Аккаде и основывают город Вавилон в месте сближения Тигра и Евфрата, племена эламитов захватывают Шумер, делая своим опорным пунктом Ларсу. Между двумя иноземными захватчиками разгорается борьба за господство над всей Месопотамией. Победу в этой борьбе удалось одержать **Вавилонскому царству**. Наивысшего расцвета это государство достигает в эпоху правления Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.), который объединяет Двуречье под властью Вавилона, образуя крупное централизованное государство. Власть царя приобретает статус божественной. В управлении царь опирался на разветвленный бюрократический аппарат, в состав которого входили чиновники, управлявшие отраслями хозяйства в масштабах государства, а также наместники в отдельных административных районах. С населения взимались налоги в натуральном и денежном выражении (серебром). Этот период получил название **Старого Вавилона**. Важнейшее значение имел для жизни государства кодекс царя Хаммурапи, содержащий нормы, касающиеся уголовного права, судебного процесса, права собственности и др. Основным его принципом является принцип талиона. При Хаммурапи

значительно расширяется внешняя торговля Вавилонского царства. По-прежнему широко используется рабство, причем глава семьи мог продавать в рабство своих детей и жену (согласно статье 117 законов Хаммурапи, в этом случае кредитор мог удерживать в качестве рабов жену или детей должника не более 3-х лет). После смерти Хаммурапи Вавилонское государство пришло в упадок. В XVI в. до н.э. Вавилон был завоеван хеттами, а впоследствии касситами, власть которых держалась около четырех веков. Иноземные племена заимствуют шумеро-вавилонскую культуру. Этот период иноземного владычества является временем застоя в культуре Вавилона и продолжается вплоть до возвышения Нового Вавилона в VII в. до н.э.

С начала III тысячелетия до н.э. на территории Северной Месопотамии существовал город Ашшур, который дал название всей расположенной в среднем течении Тигра стране – **Ассирии**. Своим возвышением Ассирия обязана выгодному географическому положению, поскольку здесь проходили караванные пути из Египта, Северной Сирии, Малой Азии, Армении, имевшие огромное значение для Вавилона. Все это способствовало быстрому превращению Ассирии в крупный торговый центр, хотя страна эта была не слишком богата. Отличалась Ассирия от других государственных образований Двуречья и государственным устройством. Высшая власть находилась в руках совета старейшин, члены которого ежегодно менялись. Правитель не мог принимать важных решений без согласия совета старейшин, хотя его должность и была наследственной. В Ассирии так же, как и в других государствах Двуречья, огромное значение имело земледелие, но орошение носило здесь подсобный характер. Очень широко развивались ремесла (производство изразцов, кафеля, фаянса, камнерезное дело), в том числе и металлургия. Ассирийцы умели прекрасно изготавливать металлическое оружие, считавшееся лучшим на всем Древнем Востоке. Важное значение имела и торговля металлом. Большой высоты достигло в Ассирии военное искусство. В Ассирии была создана постоянная многочисленная армия, состоявшая из военных колонистов и рекрутов. В войсковые части входила пехота, конница, колесницы (из расчета 1 колесница и 10 всадников на 200 пехотинцев). Наиболее распространенными видами оружия были лук, копье, меч. Ассирия впервые ввела в состав армии строительные части, которые занимались прокладкой дорог, сооружением мостов и лагерей. Ассирийцы прекрасно строили постоянные лагеря крепостного типа, придавая им овальную или прямоугольную форму. Это искусство было заимствовано персами, от которых впоследствии перешло к римлянам. Здесь же появляются первые осадные орудия. Начиная со второй половины XIII века до н.э., Ассирия становится самым могущественным государством на всем Ближнем Востоке.

В IX в. до н.э. происходят значительные перемены в жизни Вавилонии. Важнейшую роль здесь начинают играть халдеи, занимая южную часть Вавилонии и одновременно с этим заимствуя вавилонскую культуру. Впоследствии халдеи занимают всю территорию Вавилонии. В VII в. до н.э. происходит новое возвышение Вавилона, которому в союзе с мидийцами удается разгромить Ассирию. Этот период получил название **Нового Вавилона**. Мидийцы захватили большую часть Ассирии, создав там свое государство – **Мидию**.

В 539 г. до н.э. на территорию Месопотамии вторглись новые захватчики – персы, сумевшие победить Мидию и захватить большую часть Вавилона. С этого момента Вавилон навсегда утрачивает свою независимость.

В начале разговора о Двуречье и одном из первых населявших ее народов – шумерах – память невольно обращается к словам одного из выдающихся шумерологов XX века Сэмюэла Ноя Крамера, открывшего миру многие литературные и религиозные памятники культуры шумеров: «Общественное и духовное развитие человечества зачастую идет медленно и таким извилистым путем, что его нелегко проследить. Могучие деревья вырастают порой за тысячи километров от того места, где зрели семена, из которых они поднялись, – иногда через тысячи лет после того, как эти семена созрели»¹. И в самом деле, вся история Месопотамии – одной из древнейших мировых цивилизаций – является прекрасной иллюстрацией этого образного высказывания. Здесь, в долинах Тигра и Евфрата появилось многое из того, что европейская культурная традиция необоснованно относила к собственным достижениям. Здесь, на не слишком богатой земле, совершаются великие культурные открытия: изобретается письменность, зарождается религия, развивается одно из высочайших искусств человека – искусство общения с другими народами, решаются сложнейшие хозяйственные задачи. Здесь создаются мифы и предания, удивительно похожие на библейские сказания. Здесь зарождается, достигает своего расцвета и гибнет древнейшая цивилизация, значительно повлиявшая на судьбу мировой культуры.

И все это было погребено под слоем многовековых наслоений почвы, казалось бы, навеки забыто, стерто из человеческой памяти. Но, к нашему счастью, пытливые археологи вновь открыли миру

¹ Крамер С.Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. Ф.Л.Мендельсона. М., 1991. С.40.

древние культуры Месопотамии, позволяя нам понять, где произросли те семена, из которых выросли современные культуры, давая возможность выяснить роль Востока в формировании античной культуры.

На первый взгляд, вроде бы и нет ничего удивительного в завоеваниях древнейших культур Двуречья: все это одновременно с ними «открывали» в Египте, Иране, Древнем Китае, каждый раз находя новые варианты решения одних и тех же стоящих перед человечеством задач. Люди так же, как и в других культурных ареалах, пытались выжить в противостоянии стихиям, приобретая опыт строительства и гончарного дела, акклиматизируя растения и строя системы орошения, так же стремились объяснить вселенную, слагая мифы о творении мира и борьбе добра со злом, так же учились писать и сочиняли первые поэмы, так же воевали и заключали перемирия, постигая науку сосуществования. Все это так, но есть в культуре шумеров, первых известных нам жителей Двуречья, одна характерная особенность: «Шумерская цивилизация, насколько мы можем судить в настоящее время, – единственная в своем роде: до нас дошло такое огромное количество письменных документов, как ни от какой другой древней культуры мира. Эти документы сообщают сведения буквально обо всех сторонах жизни древних людей. Даже от египетской, значительно превзошедшей шумерскую по числу памятников изобразительного искусства, не сохранилось памятников письменности в таком объеме»¹. В этом смысле шумеры благодаря возможности осветить многочисленные аспекты их существования представляют собой некоторый образец истории древней цивилизации, по которому мы можем соизмерять другие культуры, судьба которых была не столь любезна к письменным источникам – наиболее ценному научному материалу.

Первые целенаправленные раскопки на территории Древней Месопотамии начались еще в середине XIX века, когда П.Ботта нашел в Хоремхебе дворец Саргона I. В XIX веке в Двуречье работали такие археологи как Дж. Рич, Г. Лэйард, Х. Рассам, Э. де Сарзек. В XX веке раскопки приобрели систематический характер, позволив открыть множество памятников материальной культуры в

¹Афанасьева В.К. Шумеры, шумерологи и шумерология. Сэмюэл Ной Крамер // Крамер С.Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. Ф.Л.Мендельсона. М., 1991. С.6.

Уре, Эшнунне, Аккаде, Мари. Представшие миру образцы архитектуры, изобразительного искусства, утвари значительно уступали по красоте и великолепию уже известным египетским находкам, поскольку Месопотамия не столь богата твердым материалом, в котором ее жители могли бы запечатлеть рождающиеся образы. От больших сооружений остались лишь бесформенные холмы, расплылись русла древних каналов, истлели сплетенные из тростника бытовые предметы. Зато время заботливо донесло до наших дней письменные памятники – глиняные таблички с клинообразными надписями, которые продолжают находить и сегодня. Выбор материала для письма был поистине удачен, поскольку таблички из глины хорошо сохраняются в земле, где вряд ли могли бы столь хорошо сохраниться папирус или ткань. Эти документы истории правдиво повествуют о жизни людей древности. «Глиняная табличка, испещренная клинописными значками, могла бы служить таким же символом древнего Двуречья, каким для Египта являются пирамиды»¹. Первые попытки расшифровать клинопись делались еще в XVIII в. датчанином Карстеном Нибуrom. В XIX в. над этим работали Гротефенд, Бюрнуф, Роулинсон. Предметом истинного научного увлечения расшифровка клинописных значков оставалась и для ученых XX века – Б.Ландсбергера, А.Фалькенштейна, Т.Якобсена, С.Крамера. Среди исследователей, внесших лепту в изучение Месопотамии, есть имена и наших соотечественников - Н.П.Лихачева, М.В.Никольского, В.К.Шилейко, А.П.Рифтина, В.В.Струве, И.М.Дьяконова, Л.А.Липина.

Большая часть шумерских литературных текстов дошла в копиях конца III – начала II тысячелетия до н.э. Это было время, когда шумерский язык уже изучался в школах как язык делопроизводства, литературы и культа мертвых. Когда же в результате археологических работ в 50-х гг. нашего века были обнаружены памятники шумерской литературы эпохи расцвета этой культуры (середина III тысячелетия до н.э.), ученые были поражены бережностью отношения аккадцев, начавших доминировать в Междуречье, к «писаному слову». При сопоставлении текстов, дошедших до нас в двух версиях – поздней (конца III – начала II тыс. до н.э.) и древней (сер. III тыс. до н.э.) – оказалось, что за более чем пятисотлетний период, отделяющий их друг от друга, они мало изменялись, сохраняя изначальную

¹ Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989. С.113.

композицию, общие приемы, структуру произведений («Поучение мудреца Шуруппака своему сыну», «Гимн храму города Кеша»). За этим фактом стоит одна значительная черта культуры Шумера и Аккада – уважение к письменному источнику, к «слову запечатленному», в том числе и к слову, записанному на языке другого народа. Не только в III-м, но и во II-м, и в I-м тысячелетии до н.э. можно увидеть то же отношение к литературным источникам. Как в свое время аккадский (вавилонский) разговорный язык вытеснил шумерский, так и сам он впоследствии сменялся аморейским, затем арамейским, а литературные источники на аккадском продолжали бережно сохранять, переписывать, изучать. И что еще более удивительно, сочиняются новые произведения на аккадском и даже на шумерском языках. В Месопотамии, как и в Египте, отношение к письменному знаку было священным – как к части миропорядка, созданного богами. Все это значительно облегчает труд исследователя, стремящегося воссоздать облик древней цивилизации. И, тем не менее, всегда остаются проблемы, которые чрезвычайно трудно разрешить.

При изучении истории какой-либо культуры один из первых вопросов, который встает перед учеными – вопрос о том, как появились на данной территории те или иные племена, ставшие основателями местной культуры, были ли они пришлыми или аборигенными. По отношению к шумерам с достоверностью можно сказать лишь то, что были они пришельцами. Особенности их культурного наследия позволяют говорить об их прародине как о горной стране (в шумерском языке всегда слова «страна» и «гора» имели одинаковое написание; мифы определяли местом жительства верховного бога шумерского пантеона Энлиля высокую гору; в форме шумерского храма – зиккурота, возводившегося на искусственной опоре или на холме-террасе, явственно прослеживается стремление устроить возвышение как некое подобие горы, что свойственно, как правило, горным народам, приносящим жертвы богам на горных вершинах). Однако, исконная родина шумеров была, вероятно, расположена таким образом, что ее жители смогли освоить искусство мореплавания, так что добирались на территорию Двуречья они морским путем, о чем свидетельствует их появление прежде всего в устьях рек. Ко времени своего появления на новой земле шумеры уже умели строить и водить суда, ориентироваться на воде, и это

позволило им организовать судоходство по рекам и каналам. Кроме того, они безотлагательно приступили к созданию ирригационной системы. Сами шумеры в мифах упоминают некий Дильмун, который называют раем первых людей и откуда, вероятно, они начали свою миграцию. Но вот о том, что это за Дильмун, ученые спорят с начала нашего столетия. В качестве прародины шумеров называли Кавказ (Ш.Оттен), Тибет (В.Христиан), Индию (Й.Клима, С.Гэдд), Иран (Н.Никольский), остров Бахрейн (В.Афанасьева) и др. Неизвестно, что сдвинуло шумеров с их места, были ли они кочевыми племенами или к переселению их подтолкнула какая-то природная или социальная катастрофа, но они стали мигрировать, в том числе и в Двуречье (ориентировочно в VI-V тысячелетии до н.э.). Попав в Месопотамию, шумеры обрели новую родину, где было с избытком земли, способной давать большие урожаи. Однако жизнь и здесь не была простой и требовала от шумеров напряжения сил и неустанной работы по «приручению» природной стихии. «Земля Шумера была расположена примерно в пределах южной части современного Ирака. Это плоская равнина наносного происхождения с чрезвычайно жарким, засушливым климатом. Невозделываемые земли, обдуваемые ветрами, в большинстве своем засушливы и бесплодны. По существу, здесь нет ни полезных ископаемых, ни камня, ни какого-либо строительного материала, за исключением зарослей тростника на болотах. Это была «богом проклятая» земля, казалось бы, обреченная на нищету и запустение. Однако, люди, заселявшие эту страну и называвшиеся начиная с III тысячелетия до н.э. шумерами, были наделены способностью к созиданию и практическим складом ума. Они сделали замечательные технические изобретения и умели настойчиво и упорно трудиться, добиваясь удовлетворения всех своих нужд. Несмотря на неблагоприятные природные условия, они превратили Шумер в истинный «сад Эдема»¹. Освоив ремесло, строительство, металлургию, гончарное дело (примерно с середины III тыс. до н.э. шумеры стали применять для изготовления керамики гончарный круг), древние жители Месопотамии не уставали трудиться и помнили, что отнюдь не всегда успех дела зависит от их упорства и настойчивости, что есть силы, значительно превосходящие их собственные – смертоносные стихии, и разливы

¹ Крамер С.Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. Ф.Л.Мендельсона. М., 1991. С.84.

Тигра и Евфрата, засухи и плодоносные дожди: их можно предсказать и предвидеть, попытаться предотвратить или вызвать, но вряд ли можно подчинить. Это часть божественного, не подвластного человеку. Как знать, может быть, в этом сакральном отношении к природе следует искать одно из основных отличий мировоззрения древнего человека, и особенно – человека восточного, от нашего миропонимания с его непоколебимой верой в мощь своего разума и своих рук, способных поворачивать реки, разгонять тучи и уничтожать «во благо цивилизации» лесные массивы.

Мироустройство для шумера священно и сакрально, и человек способен своими усилиями поддержать его путем оказания почестей богам, повиновения царю, соблюдения законов. Человек активен. Не только богами, но и его трудом обеспечивается существование мира: пока богам приносятся жертвы и строятся храмы, пока каждый смертный неукоснительно и безропотно исполняет царские повеления, мир стоит нерушимо, иначе – гибель, хаос, вражда, воспринимаемые как гнев богов на небрежение людей к своим обязанностям. Подобные воззрения закрепились в мифологических преданиях и были характерны для многих древних народов - египтян, ацтеков, индийцев, иранцев, хотя в зависимости от особенностей исторического развития того или иного народа получали своеобразную окраску.

Шумеры пытались найти объяснение окружающему их миру, который далеко не всегда был доброжелателен по отношению к человеку, попытаться понять его сущность и исток. Хотя невозможно говорить о существовании в Шумере философии, ибо она в это время еще не выделилась в самостоятельную сферу знания, все же жители страны много размышляли о природе сущего, об устройстве вселенной и законах ее развития. Они не были еще способны найти абстрактные составляющие видимого мира, которые с легкостью удавалось позднее находить классикам древнегреческой философии (идеи, атомы и пустота, материя и форма). Шумеры были еще очень наивны в своих попытках создать простейшую космологию, обожествляя видимое, осязаемое и близкое. По мнению шумеров, основными элементами мироздания были земля и небо, а потому обозначали вселенную они словом «ан-ки», что значит «небо-земля». Земля представлялась плоским диском, а небо – пустым пространством, опирающимся сверху и снизу на твердую

металлическую поверхность. Скорее всего, эта поверхность представлялась состоящей из олова, который шумеры почитательно именовали «небесным металлом». Между землей и небом располагался третий элемент – воздух «лиль» (имеет также значения «дуновение», «ветер», «дух»), главное свойство которого – движение, способность менять местоположение, подвижность. Солнце, Луна, планеты также созданы из «лиля», но наделены способностью светиться. Вселенная – «небо-земля» – со всех сторон объята бесконечным океаном, в котором она каким-то образом сохраняет неподвижность.

В соответствии с такими представлениями об устройстве миропорядка шумеры творили и космогонию – рассказ о возникновении, создании мира, а точнее – теогонию, поскольку вместе с другими древними народами они верили, что процесс рождения мира полностью совпадает с процессом рождения богов, ведь каждый бог являет собой какую-либо стихию, качество, явление. Шумеры не сомневались в том, что существует множество сходных с людьми живых существ, но наделенных сверхъестественным могуществом. Эти существа ежесекундно управляют мирозданием и действуют по строго установленным правилам. Один следит за землей, другой – за реками, третий – за воздухом, четвертый – за огнем. Они не только управляют ими, но и олицетворяют их, сами есть вода, земля, воздух, огонь. Последовательно рождаясь, они и составляют мир, являя собой его части и проявления.

В начале всего сущего был первозданный океан. Он породил гору как единство земли и неба (похожий миф существовал и у египтян), где подножием являлся низ земли, а вершиной – верхняя часть неба. Затем на этой горе появились боги в человеческом облике бог Ан (небо) и богиня Ки (земля), которые вступив в союз породили бога воздуха Энлиля. Последний, «дабы создать то, что полезно», отделил небо от земли. В то время как его отец Ан поднял небо, сам Энлиль опустил землю и, вступив с ней в брак породил других богов, положив тем самым начало космосу. От браков богов родились бог луны Син (Нанна), от луны – бог солнца Уту и богиня Венеры Инанна и другие боги и богини вплоть до самых «мелких» (а в шумерском пантеоне были не только боги, управляющие мощными стихиями и масштабными природными явлениями, но даже божества для орудий труда – мотыги и плуга, формы для выделки кирпичей). В III

тысячелетии до н.э. шумерский пантеон состоял из нескольких сотен богов, хотя определить их точное число не представляется возможным, поскольку у одного бога было множество различных имен, прозвищ, эпитетов, которые мы ошибочно можем принимать за имя отдельного бога. Но были в обширном пантеоне шумеров особо почитаемые боги. Таков бог неба Ан, являвшийся изначально верховным богом шумерского пантеона, но «уступивший» свое место Энлилию примерно к 2500 году до н.э. Главное святилище Ана находилось в Уруке, а этот город также долгое время играл ведущую роль в политической истории Шумера. Бог Энлиль – бог воздуха, «Владыка-ветер» – обладал множеством разнообразных титулов – «царь неба и земли», «отец богов», «владыка всех стран». Он считался покровителем царской власти, и, по мнению шумеров, непосредственно наделял правителя царскими полномочиями. Он называл имя царя, вручал ему скипетр и помогал в осуществлении полномочий. В более поздних мифах Энлиль предстает как творец мироздания: это он сотворил день, населил землю, изобрел мотыгу и плуг. Он же является божеством грозы и бурь, носителем высшей справедливости. Видную роль в шумерской мифологии занимает Энки – владыка водной стихии и одновременно с этим бог мудрости. Энки упорядочил жизнь на земле в соответствии с волей верховного бога Энлиля: посылает дождь и вместе с ним плодородие, наполняет реки водой, пускает в них рыб, создает разнообразные формы животной и растительной жизни, а также загоны для скота, определяет функции других богов и т.п.

Я – господин, чье слово свято, всех я превыше, я властелин!

По Слову моему загон построен, хлев возведен,

Слово мое к небесам приблизилось – с небес дождит изобилие!

Слово мое к земле приблизилось – рыб потоки несет половодие¹.

Энки оказывается необычайно терпим по отношению к людям, и во многих случаях выступает их защитником перед Энлилем, который склонен уничтожить человечество, например, за то, что производимый людьми шум мешает ему спать, как рассказывается в мифе об Атрахасисе. Широко почитаема в Шумере была богиня-мать Нинхурсаг. Она имела также имена Нинмах («высокая госпожа») и Нинту («госпожа, давшая жизнь»). Вероятно, в мифах о рождении

¹ Крамер С.Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. Ф.Л.Мендельсона. М., 1991. С.107.

богов именно она именуется Ки – богиней-землей, женой Ана, прародительницей всего живого. Согласно шумерским мифам, она выполняет важнейшие функции при сотворении человека. Поклонялись древние шумеры Инанне – богине любви, Сину – богу луны, Уту – богу солнца. Богиней загробного мира считалась богиня Эрешкигаль, а ее супругом был бог войны Нергал. Шумеры, равно как и все древние народы, старались обожествить буквально все, что имело значение для их повседневной жизни, что служило орудием труда или средством пропитания. В шумерском пантеоне мы находим бога-пастуха Думузи, бога строительства Мушдамма, и даже бога кирпича Кабта. Древние жители Двуречья считали, что боги обитают «на горе небес и земли», там, где восходит солнце.

Шумерский миф о сотворении человека является прекрасной иллюстрацией представлений древнего человека о миропорядке, в котором боги сосуществуют с людьми, а люди являются их слугами, созданными с целью освободить богов от какой бы то ни было работы. Согласно этому мифу, боги, в особенности женские божества, стали испытывать затруднения в добывании пищи и стали жаловаться на неудобства. Однако спящий в глубокой водной бездне Энки не слышал их сетований, и тогда к нему обратилась его мать – Намму, призывая его создать то, что избавило бы богов от трудов по поиску пропитания:

Встань же сын мой со своего ложа, покажи свою
искусность и мудрость,

Создай нечто, что богов заменит, пусть оставят свои корзины!

Бог Энки устроил пир по поводу сотворения человека, и на нем богиня Нинмах, развлекаясь, слепила из глины шесть человеческих уродов, среди которых была бесплодная женщина и существо, лишённое пола. Энки определил этим существам судьбу (ткать и быть слугой во дворце соответственно), а затем, чтобы не отстать от Нинмах, сам сотворил существо из глины, которое оказалось слабым как телом, так и духом. Как заканчивается миф, к сожалению, понять невозможно ввиду повреждения табличек. Однако, этот миф, вероятно, был основой староавилонского мифа об Атрахасисе, донесшим до нас историю о сотворении человека и всемирном потопе. В нем рассказывается, что Энки для создания человека, на которого можно было бы переложить бремя богов, требует на

собрании богов убить одного из них, чтобы очистить остальных и замешать на крови убитого глину:

В собранье ответили: «Так да будет!»

Аннунаки великие, вершащие судьбы.

В день первый, седьмой и пятнадцатый

Совершил омовение (Энки).

Бога Ве-ила, имевшего разум,

В собранье своем они убили¹.

Человеческая жизнь оказывается купленной дорогой ценой – ценой крови бога, а, значит, эта жертва не должна быть пустой, и человек обязан оправдать свое предназначение, выполнить свою функцию по поддержанию миропорядка. Божественная жертва требовала ответной жертвы со стороны человека в виде зерна, мяса жертвенных животных, пива, золотых украшений и т.п. И, может быть, здесь следует искать исток прекрасного развития в Древнем Шумере культовой стороны религии. Святилища богов были густо расположены по всей территории страны. В храмах находились статуи богов, которые жрецы окружали многочисленными почестями, в том числе и умывали, одевали, «кормили» и «поили». «Богам в храме Урука еда подавалась два раза в день. Первая и основная трапеза приходилась на утро, когда храм открывался, вторая – на вечер, очевидно, на время непосредственно перед закрытием дверей святилища... Каждая трапеза состояла из двух блюд, называемых «основное» и «второе». Блюда различались между собой скорее по количеству, чем по составу продуктов. Церемониал, характер и число блюд, входивших в божественную трапезу, приближаются к человеческим меркам, вообще характерным для месопотамских богов»². Трудно сказать, как представляли себе шумеры соотношение между богом и его изваянием – верили ли, что изваяние и есть бог, думали ли, что бог в определенное время нисходит в свое материальное изображение, считали ли, что скульптуры являются воплощением бога. Но точно известно, что, попадая в беду, люди обнимали изображение божества, чтобы на них перешла божественная благодать, обращались к изваяниям богов, стремясь

¹ Цит. по.: Ключков И. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. С.38.

² Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. М., 1990. С. 149.

достичь успеха в осуществлении задуманного дела – будь то торговая операция или вступление в брак.

В свою очередь, и боги несут обязанности по обеспечению порядка во вселенной. Они являются разумными правителями, имеют свои строго обозначенные функции. Они управляют миром и живущими в нем людьми, карают, милуют и вознаграждают. Судьбы всего космоса, отдельных событий, стихий и людей решаются на общем божественном совете – своеобразном собрании богов. Они созидаются, утверждаются и поддерживаются объединенными волями великих сил мира, олицетворенных богами, и приводятся в исполнение Энлилем – богом грозы. Одним из первых благодеяний, оказанных богами космосу и живущему в нем человеку, было установление божественного распорядка, обозначаемого термином «ме». Смысл этого понятия до сих пор до конца не выяснен, поскольку было оно очень объемно и многозначно. Это естественный, «правильный» ход вещей, обеспечивающий порядок и спокойствие в мире; это субстанция, внутренняя сила, энергия каждого предмета; это все социальные, политические, идеологические, этические правила и нормы поведения; это закон в самом широком смысле этого слова. В шумерском мифе о богине Инанне имеется перечень законов «ме», охватывающий более ста наименований разнообразных сфер жизни, управлявшихся этими божественными правилами и законами. Здесь мы находим «верховную власть», «власть богов», «царский трон», «истину», «нисхождение в подземное царство», «восхождение из подземного царства», «героизм», «власть», «вражду», «ложь», «доброту», «правосудие», «искусство обработки дерева», «искусство обработки металла», «искусство писца», «раздоры», «мир» и др. Как хорошо видно, были божественные «ме» не только для благого, но и для злого, например, для раздоров, лжи, войн, угнетения, насилия. Шумеры вряд ли искали ответа на вопрос, зачем боги внесли зло в мир, не силясь постигнуть замысел и волю богов. Здесь, видимо, проявилась уверенность древнего человека в том, что все существующее существует именно так, как должно, имеет непреложный закон бытия, а, значит, в равной мере необходимо. Мир таков, каков он есть, и в этом – его судьба. Все законы и правила были созданы богами, но, будучи созданными, продолжают жить независимо от богов, более того, подчиняют себе богов, ибо установлены непоколебимые законы и для власти богов. И

боги подчинялись своей судьбе, выполняя возложенные на них обязанности по управлению миром и человеческими судьбами. В таком понимании «ме» есть что-то родственное понятию рока, необходимости в античной мифологии, где с роковой неизбежностью сбывается установленное и для человека, и для песчинки, и для Афины.

О важности принципов «ме» свидетельствует мифологический рассказ о том, как Инанна украла эти божественные установления у их хранителя Энки, дабы упрочить свое могущество. Инанна, являвшаяся покровительницей города Урука, решила возвеличить себя и свой город, сделав его центром шумерской культуры. Для этого она решила перенести божественные законы из дома Энки (Абзу), находившегося в Эриде, в Урук. Однако сделать это возможно было лишь хитростью, поскольку владетель законов был богом мудрости, познавшим все тайны. Инанне удалось очаровать мудрого Энки, который устроил в честь богини любви пир. Охмелев, он дарит ей законы:

Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Доблесть, Могучесть, Неправедность, Праведность,
Градов Ограбление, Плачей Устройство, Радость Сердечную,
Чистая Инанна в обладание да получит,
Именем моей силы, именем моего Абзу!

Естественно, по прошествии некоторого времени Энки опомнился и бросился вслед за Инанной, однако, при помощи различных хитростей ей удастся доставить законы в Урук, прославив свой город.

Законы «ме» пронизывали всю жизнь человека, наполняя ее целесообразностью и направленностью, творили высокую мораль. Боги же, установившие «ме», неусыпно следят за их исполнением, карая непокорных людей за небрежение к божественным установлениям, поскольку предпочитают нравственное безнравственному. Нравственность наряду с почитанием богов представлялась шумерам гарантом сохранения устойчивости мира. Не случайно в шумерской мифологии все главные божества восхваляются за их приверженность добру, справедливости, истине. В функции бога Солнца Уту входит непосредственный надзор за соблюдением морали, поскольку его око способно охватить весь мир и ежедневно отслеживать каждого человека. В шумерский пантеон входила, кроме того, богиня Нанше – хранительница истины,

правосудия и милосердия. Она защищала обездоленных, противостояла произволу сильных, карала обидчиков:

Дабы сирот утешить, вдов обеспечить,
Дабы власти сильного положить предел,
Дабы сильного отдать слабому,

Взоры Нанше проникают в сердца людей¹.

Древние шумеры не питали иллюзий на счет добродетельности человеческого рода. утверждая, что «ни одно человечье дитя не выходит безгрешным из женского лона, издревле не бывало в мире беспорочного отрока», однако, считали при этом, что большинство несчастий все-таки происходит по вине самих людей, а вовсе не богов, сотворивших мировое зло.

И все же, достаточно трезвое отношение к жизни и себе, характеризовавшее мировоззрение шумеров, не обходило стороной и богов, которые не всегда оставались благими по отношению к сотворенному ими человеку. В Древнем Шумере появляется на свет первая мифическая история о потопе, которая была заимствована создателями Ветхого Завета. Впервые история о великом потопе была обнаружена Джорджем Смитом при расшифровке одиннадцатой таблички вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». Смит, занимавшийся сортировкой и копированием клинописных текстов по поручению Г.Роулинсона и самостоятельно изучивший ассиро-вавилонский язык, был потрясен своим открытием, ибо, как всякий англичанин, с детства помнил аналогичный библейский рассказ. Он немедленно приступил к переводу этого мифа. В конце 1872 года миф был опубликован и вызвал всеобщий интерес, так что владельцы газеты «Дэйли телеграф» вызвались оплатить поездку Смита в Ниневию и проведение археологических работ с целью найти недостающие части мифа, а Совет попечителей Британского музея дал ему шестимесячную командировку. Уже в мае 1873 года талантливому самоучке удалось обнаружить 17 недостающих строк рассказа о потопе, а вскоре и практически все части «Эпоса о Гильгамеше». Анализируя ассиро-вавилонский текст, Смит предположил, что оригинальным языком эпоса был более древний шумерский язык, а сам он был написан в городе Уруке. Эти выводы подтолкнули ученых к поискам оригинальной версии мифа, и немного спустя она была

¹ Цит. по: Крамер С.Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. Ф.Л.Мендельсона. М., 1991. С.117.

обнаружена. В 1914 году Арио Пёбель опубликовал часть шумерской таблички из Ниппурской коллекции Музея Пенсильванского университета (Филадельфия), посвященной потопу. Оказалось, что «из всех имеющихся в литературе легенд о великом потопе наиболее древняя – вавилонская или, правильнее – шумерийская: известно, что как ни стара сама по себе вавилонская версия этой легенды, она была заимствована вавилонянами от их еще более древних предшественников – шумерийцев, от которых семитические обитатели Вавилонии, по-видимому, переняли основные элементы своей цивилизации»¹. Несмотря на фрагментарность шумерского текста, несомненно, что именно он был основой аккадского сказания о потопе, изложенного и в эпосе о Гильгамеше, и в эпосе об Атрахасисе.

В шумерском мифе о потопе говорится о том, что царю и жрецу бога Энки Зиусудре божественный глас сообщает о решении богов обрушить на землю потоп. Та часть таблички, где говорилось о строительстве корабля, утеряна. Рассказ возобновляется лишь там, где буря и дождь обрушились на страну и не прекращались семь дней и семь ночей. На восьмой день снова появилось солнце Уту, перед которым спасшийся Зиусудра преклонился и совершил жертвоприношения. Здесь текст снова имеет пробел и возобновляется на повествовании о том, что преклонившийся перед богами Энлилем и Аном Зиусудра получает дар бессмертия и обожествляется, после чего боги переносят его в Дильмун, где восходит Уту. Более длинная и значительно более полно сохранившаяся аккадская версия истории о потопе в основных частях совпадает с шумерской, хотя в ней действует герой Утнапиштим, которому бог мудрости Эа сообщает о предстоящем потопе. В вавилонских эпосах подробно описывается строительство корабля-ковчега, помещение на него семьи Утнапиштима, домашних и диких животных, ремесленников, длительное плавание среди потоков воды, гнев Энлиля, узнавшего о спасении людей и заступничество бога Эа за них, обожествление Утнапиштима и его жены.

Если принять во внимание, что «Эпос о Гильгамеше» был известен уже в III тысячелетии до н.э., а Библию начали писать только в XIII в. до н.э., становится ясной связь между культурным наследием древнего Двуречья и культурой древних евреев. Трудно сказать, как и

¹ Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989. С.69.

когда составители Ветхого Завета познакомились с месопотамскими легендами. Они могли попасть к евреям, пришедшим с Аравийского полуострова и кочевавшим по Вавилонии и Ассирии; древние евреи могли их также узнать во время пленения царем Саргоном II или вавилонского пленения; а, может быть, этот миф имел широкое распространение и перекочевал к другим народам, в том числе и к евреям в Палестину. Точки зрения ученых в этом вопросе расходятся, хотя многие из них сходятся во мнении, что легенда о потопе вряд ли могла возникнуть самостоятельно в очень засушливой и безречной Палестине, тогда как Месопотамия нередко переживала катастрофические наводнения. Неудивительно, что наводнения, распространявшиеся на значительные территории, а иногда почти на все занимаемое шумерами пространство, казались им всемирными, хотя, конечно же, не могли быть таковыми в действительности. Мифы о потопах «под мифической оболочкой содержат зерно истины. Возможно, что они скрывают в себе воспоминания о наводнениях, которые действительно произошли в отдельных местах, но, передаваемые народной памятью из поколения в поколение, приняли со временем грандиозные размеры мировых катастроф»¹.

Не склонны были шумеры идеализировать и современное состояние мира, поскольку, в отличие от египетского мировоззрения, воспринимавшего миропорядок как раз и навсегда установленную данность и потому не знающего идеи Эдема или Золотого века, шумерское мировосприятие включает в себя представление о более блаженных временах. Примером тому – эпическое сказание «Энмеркар и правитель Араты», где изложена одна из первых легенд о золотом веке, которая была столь популярна в античном мире. Это было время блаженства, когда земля изобиловала пищей и не было злобных диких зверей, когда был един язык населявших землю людей.

В стародавние времена змей не было, скорпионов не было!

Гиен не было, львов не было,

Собак и волков не было,

Страха и ужасания не было,

В те годы страны горные Шубур-Хамази,

Многоязыкий Шумер, Гора великая Сутей княжественных,

Аккад, Гора вседостойная,

¹ Там же. С.165.

Марду, страна горная, что в безопасности покоится,
Вся вселенная, в попечении божьем,
Славили Энлиля на одном языке.¹

Однако это счастливое время кончилось, поскольку Энки по каким-то причинам выступил против власти Энлиля, в результате чего период мира и спокойствия закончился и наступил период вражды, войн и раздоров.

Уровень культуры, достигнутый шумерами и их понимание божественного порядка «ме» привели к разработке норм и законов для всех сторон общественной жизни. Шумерское законодательство, имеющее очень древнее происхождение, лежит в основе всех последующих месопотамских правовых систем. Первую попытку реформирования социально-правовой системы Шумера предпринял правитель Лагаша Уруинимгина (последняя треть IV тысячелетия до н.э.), который «восстановил законность и порядок», «признал свободу» граждан. Этот законодатель отозвал сборщиков налогов, избавил город от ростовщиков и воров. В созданных им законах содержались установления, несколько облегчающие жизнь простых тружеников: «если сын бедняка соорудит рыбный садок, никто не украдет теперь его рыбу», никогда богатый чиновник не посмеет врываться больше в сад матери бедняка, отрясать деревья и уносить плоды, никогда сироты и вдовы не будут более страдать от произвола сильных. Спустя несколько столетий, при основателе III династии Ура правителе Ур-Намму в Шумере уже существовал свод законов. Иными словами, первое шумерское законодательство появилось за 300 лет до знаменитых вавилонских законов Хаммурапи. Как и его предшественники, Ур-Намму стремился позаботиться о том, «чтобы сирота не становился жертвой богача», «вдова – жертвой сильного», «человек одного шекеля – жертвой человека мины», прилагал усилия к избавлению города от вымогателей и взяточников. Примечательно, что эти древнейшие в истории права законы не знали принципа талиона – «око за око, зуб за зуб», который был широко распространен у других народов и в гораздо более поздние времена. Основным наказанием за преступление здесь выступает денежный штраф: «Если (человек человеку орудием...) его... отрезал ногу, 10 шекелей серебром он должен заплатить»; «Если человек человеку

¹ Цит. по: Крамер С.Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. Ф.Л.Мендельсона. М., 1991. С.221.

оружием кости... перебил, 1 мину серебром он должен заплатить»; «Если человек человеку орудием «гешпу» отрезал нос, 2/3 мины серебром он должен заплатить». Сохранившиеся фрагменты кодекса Ур-Намму свидетельствуют также о применении в судопроизводстве испытания водой. Кодекс Ур-Намму послужил основой для последующих законов Шульги. Законы Шульги (2093-2046 гг. до н.э.) свидетельствовали о существовании хорошо налаженной судебной системы. В них было предусмотрено наказание за привод беглого раба, вводились наказания за различные виды преступлений.

Шумер отличался развитой экономической жизнью, охватывающей земледелие с необходимой ирригацией, ремесло, строительство, внутреннюю и внешнюю торговлю. Развитие хозяйства и управления закономерно требовало отчетности и сохранения сведений о произведенной продукции и действиях с нею. «В IX-IV тыс. до н.э. обитатели ближневосточных поселений от Западной Сирии до Центрального Ирана использовали для учета различных продуктов и товаров трехмерные символы – маленькие глиняные шарики, конусы и т.п. В IV тыс. до н.э. наборы таких фишек, регистрировавшие какие-то акты передачи тех или иных продуктов, начали заключать в глиняные оболочки размером с кулак. На внешней стенке «конверта» иногда оттискивали фишки, заключаемые внутрь, чтобы иметь возможность вести точные подсчеты, не полагаясь на память и не разбивая опечатанных оболочек. Необходимость в самих фишках, таким образом, отпадала – достаточно было одних оттисков. Позже оттиски были заменены процарапанными палочкой значками-рисунками. Такая теория происхождения древнемесопотамского письма объясняет выбор глины в качестве писчего материала и специфическую, подушко- или линзообразную форму древнейших табличек»¹. Так, вероятно, возникло пиктографическое письмо, в котором было более полутора тысяч знаков-рисунков, каждый из которых обозначал слово или несколько слов. Процесс развития письменности постепенно приводил к уменьшению числа знаков, их схематизации (постепенному превращению рисунка в линейную схему, а затем – в сочетание вертикальных и горизонтальных косых клиньев, оставляемых трехгранной палочкой) и фонетизации (обозначению

¹ Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989. С.113-114.

звуковой стороны слова – фонемы). Развитая клинописная система сложилась к середине III тыс. до н.э., и с этого времени ее начинают использовать семитские народы, населявшие среднюю и северную части Двуречья, а также эблаиты в Западной Сирии. Позднее (в начале II тыс. до н.э.) клинопись заимствуется хеттами, затем – жителями Угарита, которые на ее основе создают упрощенную слоговую клинопись, повлиявшую на финикийскую письменность. В I тыс. до н.э. месопотамская клинопись заимствуется Урарту и Персией.

Письменность в Шумере служила основой образования, о хорошей организации которого свидетельствуют многочисленные археологические находки. Школа в Шумере называлась «эдуббой» (что значит «дом табличек»), ее начальник – «отцом дома табличек», а учителя – «старшими братьями». Обучение проходило посредством копирования отдельных знаков и целых текстов. По мере развития системы школ, расширения учебных программ, школы становились очагами культуры. В них учили мифологии, зоологии, ботанике, географии, математике, грамматике, шумерскому языку. Даже тогда, когда шумерский язык перестал быть живым разговорным языком, его изучение было неотъемлемой частью школьной программы: «Что это за писец, если не знает шумерского языка!» При школах существовали обширные библиотеки с подборкой табличек по многим отраслям знания.

Развитие письменности определяет жанровое разнообразие литературы шумеров, включающей списки богов, гимны, мифы, эпические произведения, историческую литературу, публицистику, сказки, басни, пословицы и поговорки. Сегодня мы знаем, что в Шумере был не только замечательный эпос (сказания об Эрмеркаре, Лугальбанде, Гильгамеше), но и, к примеру, прекрасные, басни, в которых совершенно в духе Эзопа в образах животных рисуются и высмеиваются человеческие пороки. Вот одна из них. Однажды лиса потребовала у бога Энлиля рога дикого быка, и бог выполнил ее желание. Но стоило только подняться ветру и пойти дождю, и лиса из-за вновь обретенных рогов не смогла укрыться в свою нору. В течение всей ночи ей пришлось сносить холодный северный ветер и тучи. Лишь под утро мокрая и продрогшая лиса отправилась к богу Энлилю, чтобы попросить избавить ее от рогов, столь необдуманно выпрошенных у бога. Умели создавать шумеры проникновенные

любовные песни, являвшиеся, вероятно, частью связанной с таинством брака культовой поэзии и делающие их чувства понятными и близкими современным людям:

Ты, пьянящий сердце мое, любимый мой,
Что за краса твоя радостная, сладостная - душистый мед,
Ты, пронзивший сердце мое, любимый мой,
Что за краса твоя радостная, сладостная - душистый мед.
Ты хватчик мой, все дрожит во мне,
Желанный, влеки же скорее на ложе,
Ты хватчик мой, все дрожит во мне,
Желанный, влеки же скорее на ложе¹.

Дошли до наших дней и поговорки, прекрасно отражающие житейскую мудрость шумеров («Счастье – в женитьбе, а подумав – в разводе», «Дружба длится день, родство длится вечно», «Увернулся от дикого быка – натолкнулся на дикую корову»). В 70-х гг. прошлого века при раскопках в Абу-Салябихе были открыты литературные памятники Шумера, относящиеся примерно к середине III тыс. до н.э., а в их числе – «Поучения мудреца Шуруппака», представляющие собой сборник афоризмов и пословиц. Это древнейший сборник такого рода.

Культура Шумера отличалась высокоразвитым изобразительным искусством и архитектурой. Прежде всего, нужно упомянуть о своеобразии созданных шумерами типов храма, дворца, жилого дома. Храм города, своеобразная архитектурная доминанта, посвящался богу-покровителю и строился на возвышенном месте на высокой платформе, к которой с двух сторон вели лестницы или пандусы. Непосредственно святилище прямоугольной или овальной формы располагалось на краю платформы и имело открытый внутренний двор. Наиболее ранний образец храмовой архитектуры шумеров – храм в Телль-Укайре. К концу III тыс. до н.э. в Шумере рождается особый тип храма – храм на нескольких платформах (зиккурат). Так, например, храм в Уре имел три ступени, и до сих пор возвышается на 20 метров. Его верхние, сравнительно невысокие ярусы, опирались на большую прямоугольную усеченную пирамиду высотой около 15 метров. Наклонные поверхности расчленялись плоскими нишами, а сплошные террасы имели различные цвета – черный, красный, белый.

¹ Цит. по: Крамер С.Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. Ф.Л.Мендельсона. М., 1991. С.213.

Иногда число платформ в зиккуратах Двуречья доходило до семи. При строительстве дворцов правителей с середины III тысячелетия до н.э. шумеры стали сочетать элементы светского здания и крепости, обнося внутренние прямоугольные постройки с обязательным внутренним двориком системой глинобитных стен. Таков, например, «дворец А» в Кише. Городская архитектура планировалась таким образом, что все постройки группировались изначально вокруг храма, а позднее – вокруг дворцового комплекса. Как правило, какой бы то ни было план отсутствовал, застройка производилась стихийно. Улицы были узкими и кривыми. Дома по преимуществу были прямоугольные, без окон, и освещались только через дверной проем. В целом же, архитектура Шумера сохранилась плохо: «Век сырцовой постройки недолог, а глина, точнее, сырцовый кирпич, формованный из нее, часто с примесью рубленой соломы или тростника, был единственным строительным материалом в Двуречье. Деревянными были балки перекрытия и двери, причем привозное дерево ценилось так дорого, что переезжающий из одного дома в другой обычно увозил с собой деревянные части дома»¹. Для облицовки зданий применяли глазурованные кирпичи.

Была развита в Шумере скульптура, хотя в основном она являлась культовой. В соответствии с представлениями шумеров, следовало поставить в храме небольшую статуэтку с посвящением богу, чтобы исполнилась просьба, обращенная к нему. Статуэтки эти достаточно однотипны. У многих из них огромные уши, символизировавшие безграничную мудрость (в шумерском языке слово «нгештук» означает одновременно «мудрость» и «ухо»). Единый канон даже к концу III тыс. до н.э. так и не был выработан, хотя отличительные черты шумерских изображений выявить достаточно легко: глаза и брови инкрустируются, подчеркиваются уши, брови и прическа изображаются также при помощи одинаковых приемов (статуэтка молящейся, пожертвованная в храм богини Аштарат; статуя царя Ику-Шамагана из храма в Нинни-Заза и др.). Широкое распространение получил в Шумере невысокий рельеф. Рельефное изображение характеризуется суммарной трактовкой деталей и изображением людей с неестественно большими глазами. На шумерских рельефах можно проследить некоторые черты,

¹ Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. М., 1976. С.55.

роднящие их с египетскими рельефами: люди изображаются таким образом, что голова и ноги повернуты в профиль, а плечи в фас, боги и правители изображаются более крупными, нежели их подданные. Интересным примером шумерского рельефа является изображение Ур-Нанше, правителя Лагаша, размещавшееся, по-видимому, на дверях храма. Были шумеры хорошо знакомы с техникой обработки драгоценных металлов и камней, комбинировали золото с ляпис лазурью, серебром, раковинами, драгоценными камнями (статуэтка козлика, опирающегося на куст, из царских могил в Уре и др.). Для украшения золотых, серебряных, медных шлемов, топоров кинжалов, входивших в состав погребальных предметов, использовались чеканка, гравировка и зернь. Хотя говорить о каких-либо особо значительных достижениях шумерского искусства вряд ли стоит, его стиль, бесспорно, был воспринят вавилонской, ассирийской и халдейской культурами.

Где шумерам удалось оставить глубокий след – так это в области научных знаний, некоторыми из которых мы пользуемся по сей день. Они создали шестидесятеричную систему счета, в основу которой были положены числа 1, 60, 600, 3600. И хотя впоследствии в самой Месопотамии возникла десятичная система, древняя шестидесятеричная система продолжает служить нам: мы по-прежнему делим круг на 360° , часы – на 60 минут, а минуты – на 60 секунд, и никому в голову не приходит, что можно делить час или минуты иначе, используя десятичную систему. О высоком развитии математики у шумеров свидетельствуют математические тексты, в которых упоминаются возведение в степень, извлечение корней (квадратных и кубических), число π , вычисление объемов усеченной пирамиды, длины окружности и площади круга, арифметические и геометрические прогрессии, дроби. Существовала система мер и веса. В качестве наименьшей весовой меры применялся шеум («зерно», 0,046г), а в качестве наибольшей – талант (30,3 кг). Нужды хозяйственной жизни определили развитие шумерской астрономии, опиравшейся на систематические наблюдения жрецов, закрепляемые в храмовых записях (в Уре обнаружен свод астрономических наблюдений, проведенных халдейскими жрецами за 360 лет). Был создан лунный календарь, каждый месяц которого имел 29-30 дней, а год составлял 12 месяцев (354 дня). Расхождение с солнечным календарем составляло 11 дней ежегодно, и для «выравнивания»

каждые три года вводился дополнительный 13-й месяц. Кроме того, каждый город Шумера имел свой календарь, составленный в соответствии с ходом сельскохозяйственных работ, где месяцы именовались «сев», «жатва», «праздник вкушения ячменя» и т.д. шумерские астрономы умели предсказывать солнечные и лунные затмения.

Медицина не достигла в Шумере таких успехов, как в Египте. Лечение, в основном, было тесно связано с магическими действиями. Тем не менее, в Шумере существовали врачи различных специализаций – терапевты, хирурги, ветеринары, акушеры. Шумерские врачеватели умели снимать катаракту с глаза, вскрывать нарывы, сращивать переломы. Была им известна и фармакология. Пример тому – «Ниппурский справочник врача», датирующийся XXIV в. до н.э. и включающий 15 рецептов микстур, припарок, мазей.

Достижения шумерской культуры оказали сильное влияние на культуры древних евреев, персов, греков, а через них – на современные культуры, но, наверное, более всего животворный дух Шумера обогатил другие цивилизации Месопотамии – Аккад, Вавилон и Ассирию. Возникавшие в Месопотамии государства принимали достижения древних шумеров, но не были слепыми подражателями, становясь творцами собственных культур, каждая из которых оставила заметный след в истории.

Возьмем, к примеру, Аккад, царям которого удалось установить власть над всем шумером и подчинить Элам. Это государство семитов стало преемником культуры шумеров, включив их самих в состав своих жителей. И хотя просуществовал Аккад не долго, его культура оставила след в истории. Так, например, при Саргоне Древнем было создано первое в истории профессиональное войско, состоявшее из 5400 солдат, которые находились на царском обеспечении, введена единая для всей Месопотамии система мер и весов, налажена внешняя торговля с Индией и Аравией. Не осталась незамеченной в истории культуры не только деятельность Саргона I, но и история его жизни. Саргон Древний был незнатного происхождения и некоторое время работал садовником в Кише. Став царем, он распространил легенду о своем рождении и жизни, в которой говорилось о том, что царская власть вручена ему богиней Иштар.

Я – Шаррукин, царь могучий, царь Аккада,

Мать моя – жрица, отца я не ведал.
Брат моего отца в горах обитает.
Град мой – Ацупирану, что лежит на берегу Евфрата.
Понесла меня мать моя жрица, родила меня в тайне.
Положила в тростниковый ящик, вход мой закрыла смолою,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
Акки, водонос, багром меня поднял,
Акки, водонос, воспитал меня, как сына¹.

Хотя в этой легенде используется шумерская мифологическая история о богине Инанне и садовнике Шукалитуде, именно в аккадском варианте она впоследствии много раз будет повторяться в мифологии уже других народов. С ней связаны легенды о персидском царе Кире, а также хорошо известная европейцам легенда о Ромуле и Реме, матерью которых тоже была жрица и которые речным течением были вынесены на берег, где их обнаружил пастух. Легенда о Саргоне Древнем, возможно, стала основой рассказа о Моисее, изложенного в книге «Исход» Ветхого Завета: родившая Моисея мать в течение трех месяцев скрывала его, но, не имея средств на его воспитание, положила его в корзину и оставила на берегу Нила, где мальчик был обнаружен дочерью фараона.

При аккадском царе Нарам-Суэне (2236-2200 гг. до н.э.), когда Аккад достиг наибольшего могущества, впервые в истории Двуречья было введено поклонению царю как богу, подобное культу фараона в Древнем Египте. Нарам-Суэн именовал себя «могущественным богом Аккада» и изображался в головном уборе, украшенном рогами, считавшимися в то далекое время символом бога.

До нас дошло одно из наиболее известных месопотамских произведений – аккадский «Эпос о Гильгамеше», о котором уже шла речь выше, и в котором нашли отражение многие шумеро-аккадские представления. Гильгамеш был реальным историческим лицом, царем Урука в XXVII-XXVI вв. до н.э. Он стал героем ряда поэм, на основе которых позднее сформировался цельный эпос. В этом литературном произведении ярко проявляется общая для шумеров и аккадцев вера в неизбежность определенной богами судьбы. Конец человеческой жизни – смерть, которая столь же неминуема, как ежевечерний закат

¹ Цит. по: Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1989.

солнца или осеннее увядание растительности. Это отношение перешло, вероятно, и к вавилонянам, многое позаимствовавшим из шумеро-аккадской культуры:

Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали¹.

При этом в отличие от египтян с их верой в посмертное блаженство, шумерам и аккадцам загробный мир рисовался очень и очень мрачными красками, что и отразилось в «Эпосе о Гильгамеше»:

В дом мрака, в жилище Иркаллы,
В дом, откуда вошедший никогда не выходит,
В путь, по которому не выйти обратно,
В дом, где живущие лишаются света,
Где их пища – прах и еда их – глина,
А одеты, как птицы, одеждою крыльев,
И света не видят, но во тьме обитают,
А засовы и двери покрыты пылью!²

Таким образом, бесплотный дух, по представлению древних жителей Месопотамии, спускается в темный и мрачный подземный мир, где влачит жалкое существование. Из этого следовало, что в своей заботе о богах, о миропорядке, о посмертном существовании не стоит забывать о земных радостях, поскольку эта жизнь вряд ли когда повторится:

Ты же Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью пляши ты!³

Такие мотивы нередко проявляются во время социокультурных кризисов, когда разрушаются многие ценности, когда человек пытается понять быстрые изменения окружающего мира и пересматривает свои жизненные ориентиры.

Определенных успехов по сравнению с шумерами добились аккадцы и в искусстве. Они значительно свободнее и ближе к оригиналу, особенно в рельефе, изображали человеческое тело. На

¹ Цит. по: Ключков И. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. С.138.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 139.

широко известной стелле Нарам-Суэна с большой живостью изображен царь, поднимающийся на гору во главе отряда воинов, перед которым падает пораженный копьем неприятельский воин. Фигура царя изображена мощно и уверенно, показывая победу обожествленного правителя над побежденными врагами.

Вряд ли стоит кого-либо убеждать в том, что культура Вавилонии была значительна и величественна, тем более что сегодня мы еще помним такие выражения как «вавилонская башня», «вавилонское столпотворение», «вавилонская блудница». Семитские племена амореев, вторгшиеся на территорию Двуречья в конце III тыс. до н.э., слились с аккадцами и шумерами, синтезировав новую культуру на основе семитской и шумерской культур. Они избрали в качестве своей столицы шумерский город Кадингир, что значило «врата бога», и перевели его название на свой язык – Баб-Илу (Вавилон), что точно совпадало с его шумерским названием – «Врата бога». Начиная с этого времени, роль Вавилона в культурной жизни Двуречья постоянно росла. Город этот, по описаниям очевидцев, был удивительно красив. «Построен Вавилон вот как. Лежит он на обширной равнине, образуя четырехугольник, каждая сторона которого 120 стадий длины. Окружность всех четырех сторон города составляет 480 стадий. Вавилон был не только большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю. Прежде всего город окружен глубоким, широким и полным водой рвом, затем идет стена шириной в 50 царских локтей, а высотой в 200, царский же локоть на 3 пальца больше обыкновенного. ...Город же состоит из двух частей. Через него протекает река по имени Евфрат, берущая начало в Армении... По обеим сторонам реки стена, изгибаясь, доходит до самой реки, а отсюда по обеим берегам идет стена из обожженных кирпичей. Город же сам состоит сплошь из трех- и четырехэтажных домов и пересечен прямыми улицами, идущими частью вдоль, а частью поперек реки. На каждой поперечной улице в стене вдоль реки было столько же маленьких ворот, сколько и самих улиц. ...Храмовый священный участок - четырехугольный, каждая сторона его длиной в две стадии. В середине этого храмового священного участка воздвигнута громадная башня, длиной и шириной в 1 стадию. На этой башне стоит вторая, а на ней – еще башня, в общем восемь башен – одна на другой. Наружная лестница ведет наверх вокруг всех этих башен. На середине лестницы

находятся скамьи, должно быть, для отдыха. На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. ...Есть в священном храмовом участке в Вавилоне внизу еще и другое святилище, где находится огромная золотая статуя сидящего Зевса¹. Рядом же стоит большой золотой стол, скамейка для ног и трон – также золотые. ...Была еще в священном участке в то время, о котором идет речь, золотая статуя бога, целиком из золота, 12 локтей высоты»². Здесь, в Вавилоне, находилось одно из величайших творений человеческих рук, одно из чудес света – «Висячие сады Семирамиды». Созданы они были при царе Навуходоносоре II в VI в. до н.э. и предназначались для его прекрасной жены Амиты. Сады эти не имели непосредственного отношения к ассирийской царице конца IX в. до н.э. Семирамиде (Шаммурамат), с именем которой традиция и молва связали их впоследствии, отдавая дань широкой строительной и военной деятельности этой правительницы. Но кем бы не были построены и выращены эти замечательные террасные сады, они были замечательны, и сегодня то и дело возникают проекты их возрождения.

Величие Вавилона было настолько велико, что даже после окончательной утраты независимости Нововавилонским государством в октябре 539 г. до н.э. после захвата его персами, он сохранял положение культурного центра и оставался одним из значительных городов мира. Даже Александр Македонский, видевший не одну столицу, решил, что Вавилон в Месопотамии, наряду с Александрией в Египте, достоин стать столицей его огромной империи. Здесь он принес жертвы Мардуку, короновался и дал приказ восстановить древние храмы. Именно здесь, в Вавилоне, этот завоеватель и умер 13 июня 323 г. до н.э. Впрочем, красота этого месопотамского города не помешала Александру Великому разрушить один из самых примечательных вавилонских архитектурных ансамблей – семярусный зиккурат Этеменанки («Вавилонскую башню»), которая столь поразила создателей Ветхого Завета и вдохновила их на создание одного из самых красивых рассказов о происхождении языков. «Комментаторы, вероятно,

¹ «Зевсом» Геродот называет верховного бога вавилонян Мардука.

² Геродот. История. Л., 1972. С.67-69.

правы, приписывая происхождение сказания тому глубокому впечатлению, которое великий город произвел на простодушных кочевников-семитов, попавших сюда прямо из уединенной и безмолвной пустыни. Они были поражены неумолчным шумом улиц и базаров, ослеплены калейдоскопом красок в суетливой толпе, оглушены трескотней людского говора на непонятных для них языках. Их пугали высокие здания, в особенности огромные террасообразные храмы с крышами, сверкавшими глазурированным кирпичом и упиравшимися, как им казалось, в самое небо. Неудивительно, если эти простодушные жители шалашей представляли себе, что люди, взобравшиеся по длинной лестнице на вершину огромного столба, откуда они казались движущимися точками, действительно соседствовали с богами»¹.

Даже прекратив свое существование, Вавилония продолжала оказывать влияние на судьбы мировой культуры, питая ее своими мифами, государственно-правовыми установлениями, художественными традициями. В Вавилонии был создан космогонический миф о сотворении мира «Энума элиш...» («Когда вверху...»), полностью заимствованный впоследствии ассирийской мифологией. В этом широко распространенном в Двуречье и исполняемом регулярно во время празднования вавилонского Нового года рассказе нашло отражение возвышение вавилонского бога Мардука (бога весеннего солнца и его творческой мировой силы). В первоизданном состоянии не существовало ничего, кроме океана пресной воды Апсу и океана соленой воды Тиамат. От их союза родились круглые горизонты неба и земли – Аншар и Кишар, в свою очередь породившие бога неба Ану и бога земли и воды Эю. Эя порождает Мардука. Младшее поколение богов вызвало недовольство Апсу и Тиамат постоянным шумом, и Апсу вместе со своим советником Мумму решил убить своих потомков, хотя Тиамат и была противницей этого. Однако бог мудрости Эя проведал об их планах, усыпил Апсу и умертвил его. Тиамат, узнав о смерти Апсу, сотворила войско чудовищ, чтобы наслать их на богов и отомстить за смерть Апсу. Эя по каким-то причинам отказался расправиться с Апсу, и Мардук решается на это при условии, что боги наделят его полной властью и что его слово будет неотвратно вершить судьбы. Ему удастся победить темные силы злого хаоса в лице Тиамат и

¹ Фрэзер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989. С.173.

создать из ее тела целую вселенную. Он распределяет созвездия, устанавливает их движение, создает человека. По совету Эи, Мардук решает, что для создания человека необходимо умертвить предводителя мятежников – чудовище Кингу и замешать на его крови глину. Человек же, как повествуется в «Энума элиш...» должен освободить богов от физической работы. В этом рассказе «легко проследить лежащие в его основе шумерские элементы. Но в «Энума элиш...» разбросанные во многих шумерских мифах мотивы соединены и спаяны в единое целое»¹.

Вавилонская литературная традиция подарила нам представляющие огромный интерес произведения – «Поэму об Атрахасисе», повествующую о сотворении человека и всемирном потопе, «Вавилонскую теодицею», «Разговор господина с рабом» и др. В «Вавилонской теодицее» звучат нотки, предвосхищающие тему библейской книги Иова. В ней повествуется о невинном страдальце, обижаемом незаслуженно своим богом:

Что получил я от бога, которому поклонялся?
Пред тем, кто ниже меня, я склоняюсь,
Презирают меня (и) последний, (и) богатый, и гордый...
Вгляделся я в мир – дела (обстоят) по-другому:
Демону бог не закрыл дороги,
Отец по каналам волочит лодку,
(А) сын его (взрослый) разлегся в постели².

Трудно найти нечто более известное из достижений вавилонской культуры, нежели законы царя Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.), при котором Старый Вавилон достиг своего наивысшего могущества. С этим древнейшим восточным правовым кодексом знаком каждый, кто интересовался историей государства и права. Целью этого свода законов было провозглашено восстановление справедливости. В нем установлены различные виды наказаний за широкий спектр правонарушений, в том числе за членовредительство, должностные преступления, воровство, халатность при выполнении работы. Этот судебник позволяет сделать вывод о социальном составе вавилонского общества. В нем выделяются три категории людей – полноправные граждане, мушкенумы (зависимые царские люди),

¹ Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М.: Наука, 1991. С. 37.

² Цит. по.: Ключков И. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. С.35, 85-86.

рабы – ответственность которых за преступления определялась по-разному. Кодекс Хаммурапи признавал собственность как институт, регламентировал условия найма и его оплаты, аренды, залога имущества. Наказания за преступления были очень суровыми («Если сын ударил своего отца, то ему отрежут руки»), и преступник нередко карался смертной казнью. Основное отличие законов Хаммурапи от более древних месопотамских кодексов состоит в том, что основной принцип назначения наказания – талион:

«196. Если кто-нибудь повредил глаз у сына мужа, то повредят глаз ему [самому].

197. Если он сломал кость у сына мужа, то сломают кость ему»¹. Законы Хаммурапи знают квалифицированную смертную казнь – сожжение за инцест с матерью, посажение на кол жены за участие в убийстве мужа и др. Этот кодекс стал образцом законодательства вплоть до эллинистического и даже до парфянского периода в истории Вавилона. С именем Хаммурапи связан и один из наиболее интересных рельефов Вавилона – изображение этого царя перед богом солнца Шамашем, помещенное на верхней части столба с текстом законов. В изображении сохранено портретное сходство.

Вавилон прославился в древнем мире еще и своей наукой, и в особенности – математической астрономией, расцвет которой пришелся на V в. до н.э., когда работали школы в Уруке, Сиппаре, Вавилоне, Борсиппе. Вавилонскому астроному Набуриану удалось создать систему определения лунных фаз, а Киден открыл солнечные прецессии. Большинство из того, что можно увидеть без телескопа, было нанесено на звездную карту именно в Вавилоне, и уже оттуда попало в Средиземноморье. Существует версия о том, что Пифагор заимствовал свою теорему у вавилонских математиков.

И, наконец, Ассирия. Эта страна, обладавшая высокой культурой, стала преемницей шумеро-аккадского и вавилонского наследия. Ассирийцы заимствовали систему клинообразной письменности, многие религиозные верования и мифы, эпические произведения, типичные элементы искусства, в том числе форму храма, ряд научных знаний, элементы права у своих предшественников – шумеров, аккадцев, вавилонян. Именно в Ассирии традиции месопотамской культуры получают свое полное выражение. Здесь создаются научные произведения и лексические

¹ Хрестоматия по древней истории: В 2 т. Под ред. В.В.Струве. М., 1936. С.54.

справочники, энциклопедии и покаянные псалмы, и даже обширные летописи ассирийских царей. Здесь собирались первые систематически составленные крупные библиотеки (примером тому – библиотека царя Ашшурбанапала в Ниневии, обнаруженная при раскопках холма около деревни Куянджик в 1853 г.). именно этим библиотекам мы обязаны сохранением шумерских, аккадских, вавилонских литературных памятников. Здесь строились замечательные дворцы (например, дворец Ашшурназирпала в Калахе), поражающие своей грандиозностью и обилием декоративной орнаментации. Но основное значение Ассирии заключается в том, что это было первое в мире государство, поставившее целью объединение под своей властью всего известного в то время мира. На пути достижения подобных замыслов Ассирии удалось многого достичь: в XIV-IX вв. до н.э. она неоднократно покоряла всю Северную Месопотамию и прилегающие к ней районы, от Ирана на востоке до Средиземного моря на западе, от Закавказья на севере до Эфиопии на юге. Имперский дух ассирийских царей прекрасно передал В.Брюсов в стихотворении «Ассаргадон»:

Я – вождь земных царей и царь Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.
Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей – как тень в бездумном сне.
Мечта о подвигах – как детская забава.
Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я – вождь земных царей и царь – Ассаргадон.

Армия и система управления Ассирии на многие века стала образцом для других народов, включая персов, эллинов, римлян. Достаточно сказать, что система деления державы на провинции и принцип разделения военной и гражданской властей в провинциях был заимствован Ахеменидами из Ассирии. Положенные в основу персидского государства, они надолго обеспечили последнему

стабильность. Порядки и обычаи месопотамского царского двора оказали сильнейшее влияние на придворный церемониал персов, эллинистических правителей, а вслед за ними – и римских императоров.

Многие из тех современных явлений, об истоках которых мы никогда не задумываемся, берут свое начало в Древнем Двуречье: там были созданы первые в мире зоопарки и солнечные часы, оттуда пошла традиция и само название карнавала, там, как утверждают авторитетные литературоведы, зародился любовный роман, там составлялись первые коллекции минералов и растений, собирались первые библиотеки. Анализ великих культур Месопотамии, подаривших миру множество значительных цивилизационных открытий и обращенных в прах неумолимым временем, заставляет вслед за А.С.Пушкиным задуматься о бренности всего существующего на этом свете:

Гусар! все тленно под луною;

Как волны следом за волною,

Приходят царства и века.

Скажи, где стены Вавилона?

Литература

1. Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. М., 1976.
2. Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989.
3. Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979.
4. Клочков И. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983.
5. Крамер С.Н. История начинается в Шумере. 2-е изд. Пер. Ф.Л.Мендельсона. М., 1991.
6. Матвеев К.П., Сазонов А.А. Когда заговорила клинопись. М., 1979.
7. Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. М., 1990.
8. Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М., 1991.
9. Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1989.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ИРАНА

Краткая историческая справка. Название «Иран» происходит от «Арьянам» – «страна ариев». Древний Иран представлял собой нечто вроде естественной крепости, поскольку Иранское плоскогорье, на котором располагалась эта страна, оказалось со всех сторон надежно защищенным горными массивами: на юге и юго-западе – южноиранской горной грядой, на северо-западе – горами Загра, на Востоке – горами Брагуй и Соломоновыми горами, на севере – Копетдагом и Гиндукушем. Так сама природа надолго изолировала эту территорию от других земель – Месопотамии, Индии, Средней Азии. Это определило тот факт, что народы иранского плоскогорья несколько позднее других восточных народов заявили о себе. Только юго-западная часть Ирана – Элам – благодаря близости к Месопотамии была включена в торговые и культурные связи Древнего Востока. Сухость континентального климата требовала создания искусственной системы орошения, которая использовала воду тающих горных снегов, подземных водоемов и горных озер. Не слишком мягкие природные условия, где реки не успевают дойти до моря, пропадая в сухих почвах степей и пустынь, природа с лихвой окупила чрезвычайным богатством природных ресурсов: здесь есть железная руда, медь, олово, свинец, серебро, золото, которые население с успехом использовало еще в глубокую древность. В достаточном количестве имеется дерево, поскольку склоны гор в менее засушливых местностях Ирана и долины покрыты лесами. Там где было трудно пройти иноземным завоевателям, могли пройти торговые караваны: пригодные для этого пути вели в Индию, Среднюю Азию, Закавказье.

Население Древнего Ирана состояло из многообразных племен, имевших собственные ареалы расселения. В конце IV – начале III тысячелетия до н.э. на юго-западе Ирана появилась древнейшая культура эламитов, которые были родственны, если основываться на родстве языка, протодравидам, обитавшим в Индостане. Именно они составляли исконное население Иранского плоскогорья. Севернее территории эламитов располагались племена лулубеев, имевших неиндоевропейское происхождение и подвергшихся сильному влиянию Двуречья. К неиндоевропейскому населению относят также хурритов, маннеев и др. Несколько позднее на территорию Древнего Ирана проникли народы индоиранской языковой группы, именовавшие себя ариями. От названия этого племени и происходит название «Иран». Племена мидян и персов появляются здесь примерно в XII -XI в. до н.э. Им удается слиться с коренным населением и занять большую часть Древнего Ирана.

Современная историческая наука выделяет в истории Древнего Ирана несколько периодов. Первый из них – **период Эламского государства (конец IV тыс. до н.э. - VII в. до н.э.)**. Элам занимал юго-западную часть Ирана. В этой области, в долинах рек Карун и Керха (древние реки Улаи и Укну), складывались благоприятные условия для развития земледелия. Возможно, что в этом районе население ранее, чем в горных областях, перешло к оседлому земледелию. К концу IV тыс. до н.э. эламиты выращивали ячмень, эммер, просо, пшеницу. Природные условия способствовали плодоводству: выращивали виноград, персики, абрикосы, другие плодовые деревья. Из кормовых растений особо широкое распространение получила люцерна. Высокого уровня достигли ткацкое и гончарное дело, керамика. Начинает развиваться металлургия. Здесь возникает письменность, которая впоследствии была трансформирована на основе месопотамской клинописи. Уже в период перехода от кочевого скотоводства к оседлому земледелию происходит формирование религиозных представлений: почиталась Пинекир – великая мать, Иншушинак – бог преисподней, Наххунте – бог солнца. В начале III тыс. до н.э. появляются первые государственные объединения: государства Аван, Аншан, Кимаш, Симаш, Сузы. Постепенно, к середине III тыс. до н.э., начинает складываться особый тип государственного устройства. Высшая власть принадлежала правителю – суккалмах, что означает «великий посланец». Второе место в государственной иерархии принадлежало суккалу – «посланцу» Элама и Симаша, которым становился будущий преемник правителя, как правило, его младший брат. Следующим должностным лицом в государстве был наместник Суз, которым становился старший сын царя, в случае гибели «посланца» занимавший его место. Мелкими административными территориями управляли «отцы» – выходцы из местной знати, находившиеся под властью «великого посланца». Власть «отцов» была наследственной: после их смерти она переходила к племянникам – «сыновьям сестры». Наследование по материнской линии сохранялось достаточно долго, и только с XIII века до н.э. престол стали передаваться по отцовской линии – от отца к старшему сыну. Основой экономической жизни Элама являлась в III тыс. до н.э. сельская община, в которую входили свободные люди, совместно владевшие землей и совместно обрабатывавшие ее. Управлял общиной выборный старейшина. Но с начала II тыс. до н.э. собственность на землю стала переходить к наиболее богатым семьям, что привело к концу тысячелетия к вырождению сельских общин, которые сменились общиной домашней на тех же принципах коллективной собственности. Разложение домашней общины привело к возникновению частновладельческого хозяйства. В Эламе большое значение имело также царское и храмовое хозяйство. При этом последнее существовало до I тысячелетия до н.э. Законы Элама регулировали

многие сферы социальной жизни: наследование и раздел имущества, куплю-продажу земельных участков, вопросы наказания преступников. Эламитами удалось создать самобытную культуру, в которой, тем не менее явно прослеживаются связи с Месопотамией. Так, например, эламский язык был усовершенствован на основе месопотамской письменности, есть множество параллелей в религиозных верованиях и т.д. Политическая история Элама на протяжении многих веков также была теснейшим образом связана с Месопотамией. В древнейших памятниках письменности Двуречья имеются сведения о непрерывной борьбе Шумера и Аккада против эламитов, об успешных походах правителей Двуречья в Элам. После падения III династии Ура Эламскому царству удалось вернуть себе независимость (во второй половине XXI в. до н.э.) и даже перейти в ответное наступление, обосновавшись в южном Двуречье (в Ларсе). Только после объединения значительной части Месопотамии под властью Хаммурапи эламиты были изгнаны из этого региона. До середины XIV в. до н.э. Элам сохранял независимость, а затем долгое время находился под властью Вавилона. Около 1180 г. до н.э. эламскому правителю Шутрук-Наххунте удалось разгромить Вавилон. Позднее уже ассирийским царям приходилось бороться с Эламом. В VIII в. до н.э. эламиты стали союзниками Вавилона, который боролся с Ассирией, и оказался перед необходимостью войны с ассирийцами, царям которой (Саргону II, Синахерибу) не удавалось окончательно победить Элам. Только Ашшурбанипал сумел нанести эламитами поражение, опустошив эту страну. Позднее, в 549 г. до н.э., Элам был захвачен персами, потеряв свою независимость навсегда.

В VIII в. до н.э. Элам был захвачен мидийцами. Началась **Мидийская эпоха (VIII - сер. VI в. до н.э.)** в истории Древнего Ирана. Мидийцы, появившиеся вместе с родственными племенами персов на северо-западе Ирана в XII-XI вв. до н.э., уже к VIII в. до н.э. составляли большинство населения в западном Иране, в том числе и на будущем месте Мидийской державы. Постепенно стал активно проходить процесс вытеснения автохтонных племен Древнего Ирана иранскими племенами мидийцев и персов. Процесс образования Мидийского государства достаточно сложно проследить ввиду скудости источников. Но уже около 672 г. до н.э. у мидийцев существовало самостоятельное государство, которое в союзе с киммерийцами и скифами подняло восстание против Ассирии. После перехода скифов на сторону ассирийцев, мидийцам удалось продолжить борьбу и добиться независимости. Мидийское государство к середине VII в. до н.э. стало вровень с Ассирией и Эламом. В 653 г. до н.э. Мидия предприняла поход против Ассирии, но будучи вынужденной бороться также и со скифами, потерпела поражение, после чего в Мидии установилось господство скифов (653-624 гг. до н.э.). Победил скифов мидийский

царь Киаксар (Хвахшатр) в 624 г. до н.э., основав единое государство со столицей в Экбатанах. Свои военные победы Киаксар подкреплял династическими браками, выдав дочь замуж за вавилонского царя Навуходоносора II, а сына Астиага женив на дочери царя Лидии. Одним из первых шагов Киаксара стала реорганизация армии, которая приобрела характер регулярной (взамен существовавшего ополчения) и стала делиться по видам оружия, включая копьеносцев, лучников, конницу. Это в огромной мере способствовало повышению маневренности армии. В союзе с вавилонянами Мидия в 612 г. до н.э. разгромила Ассирию, присоединив ее территорию к своей. В 624 г. до н.э. была завоевана Персия, затем – Парфия, Гиркания, Армения, Манну, Урарту. В VII – первой половине VI вв. до н.э. Мидия являлась центром культурной жизни Древнего Ирана, уступив затем это ведущее место Персидской державе, после того как последний царь Мидии Астиаг потерпел поражение в борьбе с персидским царем Киром II. Мидия окончила свое существование в 550 (549) г. до н.э.

Одновременно с мидийцами на территории Древнего Ирана появились персы. Впервые они упоминаются в ассирийских письменных памятниках, относимых к IX в. Так, в датируемой 843 г. до н.э. надписи ассирийского царя Салмансара III указывается область Парсуа, расположенная, по всей вероятности, в центре горного массива Загрос. В это время персы управлялись многочисленными вождями, которые платили дань Ассирии. В VIII в. до н.э. в ассирийских источниках появляются сведения о стране Парсумаш, расположенной северо-западной Элама. К VI в. до н.э. персы заняли большие территории на юге и юго-западе Ирана, несколько ранее отделившись от родственных им мидийских племен. Земли, на которых обосновались персидские племена, получили название «Парса». С середины VI века до н.э. начинается **Ахеменидский период (VI в. до н.э. - 330 г. до н.э.)**, название которого связано с династией Ахеменидов. Приблизительно с 600 по 559 гг. до н.э. правителем персов был Камбиз I из рода Ахеменидов. Влатсь его была еще подчинена Мидии, но уже его сын Кир II в 550 г. до н.э. захватил Мидию, затем – Элам (549 г. до н.э.), Лидию (547 г. до н.э.), Вавилон (539 г. до н.э.). При Кире в Иране возникла денежная система. Он первым начал чеканить в Вавилоне, Сардах и Сузах золотые монеты «дарики», название которых, вероятно, происходит от персидского слова «дари» – «золото». Геродот изложил легенду о жизни Кира. Согласно этому рассказу, дочь мидийского царя Астиага Мандана, родила ребенка, которому было предсказано сменить деда на престоле и стать царем Передней Азии. Устрашившись, Астиаг велел своему родственнику Гарпагу умертвить ребенка, но тот переложил это дело на плечи пастуха. Жена пастуха, родившая в это время мертвого ребенка, уговорила мужа оставить и воспитать ребенка царского рода. При сыне Кира II – Камбизе II – персы захватили Египет,

где персидский царь стал основателем XXVII династии фараонов. После гибели при загадочных обстоятельствах Камбиза II, следовавшего в Иран для подавления восстания под предводительством мидийского жреца Гауматы, царем персов был избран представитель рода Ахеменидов Дарий I. Войскам Дария удалось значительно продвинуть пределы Ахеменидского государства. В 518 г. до н.э. был завоеван северо-запад Индии, в 517 г. до н.э. – Самос, в 516 г. до н.э. – греческие города южного Черноморского побережья. Возникла первая в истории мировая держава, в состав которой входило множество народов и стран. Персидский царь назывался «царем царей». Власть его рассматривалась как дарованная богом Ахурамаздой. В период правления Дария I были проведены крупные административно-финансовые реформы, которые привели к образованию классической восточной деспотии. Государство было разделено на два десятка административно-территориальных округов, во главе которых стояли гражданские наместники – сатрапы (от персидского «хшатрапаван» - «блюстители страны»), в функции которых входило правосудие, руководство экономической жизнью, сбор налогов и т.п. Во внутреннюю жизнь отдаленных провинций, входящих в состав сатрапий, государственная администрация вмешивалась редко, и управлялись они местными вождями (племена арабов, саков, эфиопов и др.). В некоторых сатрапиях (Иудея, Египет, Вавилон) сохранялось местное право, административное деление (Египет). Армия была непосредственно подчинена царю и независима от сатрапов. Ядро ее составляла «царская гвардия», включавшая всадников-аристократов и 10 тысяч «бессмертных» пехотинцев. Центральное управление сосредоточивалось в Сузах, высшие государственные чиновники состояли при царском дворе, ведая от имени царя важнейшими отраслями управления – финансами, судом, военным делом. Своими указами царь непосредственно вмешивался во все сферы государственного управления: давал распоряжения о постройке храмов, городов и крепостных стен, устанавливал налоговые льготы, рассматривал жалобы подданных и т.п. Каждый из царских указов при условии наличия царской печати считался законом. Система управления имела бюрократический характер, что влекло за собой развитие канцелярии. Надзор и контроль за работой чиновников осуществляло специальное должностное лицо – «око царя», деятельность которого распространялась и на отдельные области государства. Царь являлся крупнейшим землевладельцем и обладал обширным земельным фондом. В состав владений персидского царя входили большие поместья с прекрасными парками, которые греки называли «парадейсос» (отсюда происходит слово «парадиз», получившее впоследствии значение «рай»). При царских поместьях были леса для охоты, сады с диковинными растениями. Царю принадлежали ремесленные мастерские, в которых применялся рабский труд. Государственным

языком Персии считался арамейский язык. Между городами государства была налажена регулярная почтовая связь. Дарием I была введена новая система податей: каждая сатрапия обязана была выплачивать строго установленный налог серебром с учетом производительности их хозяйства. Налоги отдавались на откуп торговым домам или откупщикам. Была введена единая денежная единица – дарик (8,416 г золота), чеканка которой велась царем. От имени царя в малоазийских областях чеканилась ходовая монета сикль (5,6 г серебра). В экономике Персии, как и в других древневосточных государствах, преобладало натуральное хозяйство. Социально-экономическая и культурная жизнь персидского государства периода Ахеменидов оказала огромное влияние на империю Александра Македонского, государства Селевкидов, парфян и Сасанидов. На протяжении V-VI вв. до н.э. проходили греко-персидские войны, победу в которых одержала Греция.

В 334 г. до н.э. в поход против Персии выступил Александр Македонский. Первое его столкновение с войсками персидского царя Дария III на Геллеспонте при реке Гранике летом 334 г. до н.э. было выиграно Александром. Впоследствии македонским войском одержало победу при Иссе, открывшую путь в Сирию и Финикию. 1 октября 331 года до н.э. произошла решающая битва при Гавгамелах, в которой Дарий III бросил свое войско и бежал. Впоследствии Александр захватил города Сузы, Персеполь, Пасаргады. Дарий III бежал в Восточный Иран, где вскоре был убит наместником Бактрии Бессом, стремившимся захватить власть. В 329 г. до н.э. македоняне покорили и Бактрию. Персия вошла в **состав империи Александра Македонского**, после смерти которого Иран вошел в состав **государства сподвижника Александра Великого – Селевка**, ставшего основоположником династии Селевкидов.

Около 250г. до н.э. от империи Селевкидов отпадает Бактрия, на территории которой сначала было образовано **Греко-бактрийское царство**, существовавшее около ста лет, а затем – **Кушанская держава**, включившая в свою территорию северо-западную Индию. В III в. н.э. Кушанское государство терпит поражение от империи Сасанидов.

Приблизительно в том же, 250г. до н.э. выделяется в качестве самостоятельного государства и Парфия. **С середины III в. до н.э. приблизительно по 224г. н.э. длится парфянский период истории Древнего Ирана.** В годы правления Митридата I (171-138 гг. до н.э.) парфянцы захватывают территорию Мидии, а затем Месопотамии, свергнув Селевкидов. При Митридате II в состав Парфии вошел весь Иран. Около 224 г. до н.э. власть в Парфии захватил Арташир Сасанид из Персиды, положивший начало династии Сасанидов. **Сасанидский период** продлился с III по VII вв. н.э. В это время началась

феодализация иранского общества. В середине VII в. Иран был завоеван арабами и находился под властью Сельджуков.

Культура Древнего Ирана как культура восточная всегда притягивала взоры европейского человека, казалась окутанной дымкой тайны, загадочной, непостижимой, и вместе с тем потрясающей своей роскошью, великолепием, богатством и пышностью, а в силу всего этого – вдвойне привлекательной.

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.
Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.
Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внемли.
Не склоняйся к плитам головою.
Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помиришь лишь в сердце со врагом –
И тебя блаженством ошафранит¹.

Существенный интерес представляет культура Древнего Ирана и для серьезного исследователя. И интерес этот проистекает даже не столько из ее самобытности, сколько из потрясающей восприимчивости населявших в древности Иранское плоскогорье народов к достижениям соседних культур, иногда даже в ущерб собственной самобытности, из их умения учиться, заимствовать, понимать. Но здесь сразу же следует оговориться, что интерес этот подчас бывает нечем удовлетворить: древнеиранская культура, к сожалению, еще мало изучена. Особенно это относится к эламитами и мидийцам. На территории их расселения было найдено чрезвычайно мало памятников письменности. Большинство из найденных письменных источников относится уже к эпохе Ахеменидов.

¹ Есенин С. Собрание соч. В 3-х тт. Т.1. М., 1983. С.235.

Некоторую помощь оказывают здесь надписи и литература тех народов, которые вступали в непосредственный контакт с населявшими Иран племенами – египтян, вавилонян. Не имея такого обширного письменного материала, как в Месопотамии, ученые зачастую довольствуются объектами материальной культуры, искусства, религиозного культа. Они, будучи порождениями и немymi свидетелями древней старины, не остаются бессловесными и могут многое поведать о быте, обычаях, представлениях, верованиях, военных традициях и социальных устоях первых жителей Ирана.

Европейская цивилизация рано обратила свой взор на иранский культурный очаг. Географов и путешественников, посещавших территорию Ирана, поражали надписи и рельефы персепольских дворцов, копии с которых стали поступать в Европу в XV в. Однако расшифрована письменность была только в XIX в. Начиная уже с XVIII века, филологи и историки изучали Авесту – древнейший религиозный памятник, слои которого относятся к разным эпохам в истории Древнего Ирана. Французский ученый А.Дюперон в середине XVIII в. некоторое время прожил среди парсов, поклонников зороастризма, изучая авестийские тексты, рукописи которых он впоследствии, в 1762 году, привез в Париж. Около десяти лет ушло на их перевод, оказавшийся неудачным. В середине прошлого столетия были начаты серьезные археологические исследования. Фланден и Коста осуществили первые раскопки Персепольского дворца, попытавшись восстановить тронный зал персидских царей. Большие раскопки в конце XIX в. провел де-Морган, которому удалось открыть несколько археологических слоев от архаики до расцвета Персидского государства. В начале прошлого века был раскопан Персеполь, являвшийся столицей Персидского государства. Сделанные археологами, филологами, историками открытия впечатляют, но Древний Иран позволил нам проникнуть далеко еще не во все свои тайны.

У истоков культуры Древнего Ирана стояло племя эламитов. Они оставили существенный след в истории этого региона, поскольку их культура была широко распространена в начале III тысячелетия до н.э. Этим древнейшим жителям юго-западной части Иранского плоскогорья удалось перейти к земледелию, развить ремесла (ткачество, гончарное дело, металлургию), создать специфический тип государственности, где правил страной «великий посланец»

(суккалмах), а власть длительное время передавалась племянникам – «сыновьям сестры», в чем ученые видят пережитки матриархата. Одним из залогов наследования власти являлась женитьба брата умершего правителя на его вдове. Для эламского общества характерны были и браки братьев с сестрами.

Эламская государственность не смогла бы существовать без системы законов, считавшихся здесь не менее священными, нежели в Египте или Месопотамии. По представлениям эламитов, они даны людям богами, а следить за их исполнением призван бог солнца Наххунте, взирающий ежедневно на землю своим всевидящим оком. Он же карает за неисполнение законов. Законы государства не только предполагали соблюдение религиозных обрядов и оказание почестей богам, но и регулирование повседневной жизни. Они определяли правила купли-продажи земли, наследования имущества и др. Кроме того, известны были эламитами договоры ссуды с процентами, залога, передачи земли в общинное пользование и др. И так же, как и всякое другое древнее общество, Элам не отличался милосердием по отношению к людям, преступившим закон. Наказания и казни для преступников были очень жестокими: за ложную клятву отрезали руку и язык или топили, за кражу также отрезали руку. Смертная казнь была чрезвычайно широко распространена, и ее могли применить даже к стороне, нарушившей договор. Здесь казнь выполняет не только превентивную, но еще и устрашающую функцию.

К 3000 г. до н.э. эламиты изобрели пиктографическое письмо (так называемое протоэламское). В нем полторы сотни знаков обозначали различные слова и понятия. Эта письменность пока не поддается расшифровке, хотя образцы ее найдены во многих местах Древнего Ирана: в Сузах, Аншане, в Центральном Иране, на Тепе-Яхья. На смену пиктографии пришло линейное слоговое (силлабическое) письмо (вторая половина III тыс. до н.э.), не связанное с протоэламским. В этой древней системе письменности насчитывалось примерно 80 знаков, состоящих из комбинаций различных геометрических линий. Слоговое письмо было гораздо более динамичным, нежели пиктографическое, позволяя записывать сложные понятия и термины. Разнообразные тексты записывались на камне, металле, глине. При всем удобстве такой письменности, применение ее оказалось недолгим. Уже к концу III тысячелетия до

н.э. эламиты переняли шумеро-аккадскую клинопись, ставшую на длительное время (до сер. V в. до н.э.) основной. Со второй половины II тысячелетия до н.э. появляются документы на эламском языке, но записанные при помощи клинописи.

Не многое знаем мы о религии эламитов. Известно, что верования их были связаны с религиозными воззрениями жителей Месопотамии, но во многих чертах являлись самобытными. «Первоначально во главе эламского пантеона стояла Пинекир, «великая богиня», считавшаяся матерью богов, что свидетельствует о сильном влиянии пережитков матриархального права в эламском обществе. Большое значение имел также культ Иншушинака, покровителя Суз, а позднее и бога преисподней. К середине II тыс. до н.э. главенствующее положение в эламском пантеоне занял бог Хумбан. Бог солнца Наххунте считался создателем дня»¹. Почитался и бог луны Напиру. В целом, можно говорить о том, что пантеон жителей Элама был очень многочисленным. В одной надписи XXIII века до н.э. упоминается 37 богов, большинство из которых почитались до V в. до н.э. Центром эламских культов был город Сузы. Святилища богов – храмы – были не только очагами культа, но и крупными хозяйственными единицами. Они обладали обширной собственностью, становясь в один ряд с царскими хозяйствами и в большом объеме занимаясь торговлей и ростовщичеством, получая проценты от дачи в долг зерна, денег, земли.

Эламиты создали и своеобразное искусство, которое продолжает жить в открытых археологами памятниках этой культуры, хотя их не слишком много. К IV тыс. до н.э. относят разнообразные сосуды, украшенные геометрическими узорами и выдержанными в геометрическом стиле изображениями птиц, животных, людей. В III тыс. до н.э. на каменных сосудах появляются новые мотивы – рисунки крупного рогатого скота. По-прежнему активно используют эламские ремесленники и художники изображения птиц и зверей. Этим же периодом датируются эламские печати, изобилующие рисунками демонов, крылатых львов, грифонов. Тесное общение Элама с Вавилоном не могло не оказать влияния на эламское искусство, и уже ко II тыс. до н.э. оно полно заимствованными у вавилонян формами и сюжетами. Особенно ярко это проявляется в скульптуре этого периода, находящейся под непосредственным

¹ Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989. С.139.

влиянием вавилонской традиции круглой скульптуры (например, статуя царицы Напирасу, выполненная из бронзы и датированная XIII в. до н.э.). Подлинным достижением эламской монументальной архитектуры по праву считается зиккурат, построенный царем Унташ-Напирише в XIII в. до н.э. в Дур-Унташ, который находился в нескольких десятках километров от Суз и был разрушен в VII в. до н.э. ассирийцами. Вход в зиккурат «охраняли» скульптурные изображения реальных и фантастических животных – грифонов, львов, быков. Здесь было множество статуй богов и правителей Элама. Строение это поражало своей массивностью: «Длина сторон нижнего этажа зиккурата равнялась 105 м. Зиккурат имел семь ворот и был четырехэтажным. Общая высота строения составляла 42 м. На его сооружение были израсходованы миллионы кирпичей и сотни тысяч камней. В руинах зиккурата французские археологи, проводившие там планомерные раскопки, нашли много посвященных сосудов из металла, мрамора и стекла, а также сотни царских надписей»¹.

Если эламиты принадлежали к исконному населению Передней Азии, то мидийцы относились к пришлым иранским племенам (ариям), которые в древности занимали огромные области от Северного Причерноморья до сегодняшнего Афганистана. В научном мире существует множество предположений относительно родины тех иранских племен, которые заселили Иранское плоскогорье. Одни ученые утверждают, что прародина их находилась в Средней Азии, откуда в IX-VIII вв. до н.э. началось их переселение. Другие в качестве изначальной родины мидян и персов называют южнорусские степи, из которых через Кавказ они попали в Иран. Немало и других предположений. С достоверностью можно сказать лишь то, что начиная с I тыс. до н.э. они были на Иранском плато, и к этому времени они обладали своим культурным запасом, развитие которого привело к возникновению сначала мидийской, а затем и персидской культуры, напитанной достижениями Мидии. К тому времени, когда мидийцы осели в Иране, они представляли собой союз нескольких племен, живших в условиях древнего родового быта, занимавшихся скотоводством, коневодством, земледелием, владеющих техникой обработки металлов, использующих колесо. Но вскоре развитие земледелия и скотоводства привело к имущественному расслоению,

¹ Там же. С.139-140.

которое нашло свое отражение в древнейшем религиозном памятнике Ирана «Авесте». В ней среди героев древности упоминаются богачи-скотоводы, называемые «богатый стадами», «богатый конями». Говорится в «Авесте» также о жрецах священного огня (атраванах) и знатных колесничих, являвшихся родовой знатью. Все это способствовало тому, что в IX в. до н.э. начался переход к классовому обществу и возникли мелкие княжества, включавшие как мидийцев, так и коренное население. Постоянные нападения ассирийцев привели к осознанию необходимости объединения, значительно ускорив процесс формирования единого государства. И уже в VII в. до н.э. Мидия стала не менее значительным государственным образованием, чем угрожавшая ей Ассирия. Столицей Мидии был Экбатан. Описание этого величественного города находим у древнегреческого историка Геродота: «Крепостные стены были построены так, что одно кольцо [стен] выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству [стен], однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго – черные, третьего – желто-красные, четвертого – темно-синие, пятого – сандаракового цвета. Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы последнего были посеребренные, а другого – позолоченные»¹. Настоящего культурного расцвета Мидия достигла при царе Киаксаре (ок. 625-585/584гг. до н.э.).

Пристальное изучение мидийской культуры началось по историческим меркам совсем недавно – каких-нибудь пятьдесят-шестьдесят лет назад, и многое ученым еще предстоит открыть. К крупным находкам мидийской эпохи относятся раскопки холма Хасанлу (археологические исследования были начаты в 1951 г.), где было открыто укрепленное здание с многочисленными башнями, могильника Марлик (раскопки 1961-1962гг.), мидийской крепости в Нуш-и Джантепе, обнаруженного местными жителями клада из Саккыза, на месте которого, вероятно, располагалась в VIII-VII вв. до н.э. крепость. Найденные вещи позволяют многое сказать о культуре

¹ Геродот. История. Л., 1972. С.43.

мидян. Золотые и серебряные изделия (нагрудные украшения, диадемы, фигурки, сосуды) дают возможность предположить существование высокой техники обработки драгоценного металла. Многие предметы орнаментированы фигурками зайца, барана, оленя, грифа. Открытые в могильнике Марлик фигурки обезьянолюдей, возможно, указывают на неизвестные исконному населению Иранского плоскогорья культы. Укрепленные сооружения в Хасанлу и Нуш-и Джантепе, несомненно, свидетельствуют о серьезных познаниях в области строительного и военного дела. Так, здание, погребенное под холмом Хасанлу, возможно, было царским дворцом. Оно окружено стеной с 12 башнями и включает большой «колонный зал», который мог использоваться для торжественных приемов и аудиенций. За крепостными стенами в Нуш-и Джантепе имелось все необходимое для нормальной жизни – административные здания, жилые покои правителя и аристократии, храмы огня. Может быть, краткость существования государства мидийцев не позволила им оставить потомкам такие грандиозные сооружения, какие остались от персидского периода, а, возможно, новые открытия мидийской культуры еще впереди.

Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что в эпоху Ахеменидов дух древних иранских племен находит свое совершенное воплощение в замечательной культуре, созданной персами на основе синкретичного сочетания и использования достижений соседних народов. Древнегреческий историк Геродот так писал об удивительной любви персов к использованию чужого: «Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи»¹. И, действительно, «отец истории» не ошибся в такой оценке персидских племен, ибо очень и очень многим они были обязаны соседствовавшим с ними культурам. Так, например, у вавилонян были заимствованы техника изготовления многоцветной поливной глазури кирпичей (изразцов), очень широко использовавшаяся при орнаментации зданий и создающая своеобразие персидского рельефа (на память сразу же приходят знаменитые «лучники Дария I» из Суз), опыт дорожного строительства, некоторые формы права. И этот список можно продолжать далее.

¹ Геродот. История. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972, с. 55.

Чтобы создать представление о персах, наверное, нужно привести и еще одну очень краткую, но чрезвычайно точную и меткую характеристику, данную им Геродотом: «Главная доблесть персов – мужество». В самом деле, этот народ отличался отвагой, которая может сравниться разве что со смелостью македонян, победивших войска Дария III, да с доблестью и мужеством римлян, сумевших силой оружия и духа на западе древнего мира создать не менее великое государство, нежели держава Ахеменидов на востоке. Империя Ахеменидов, созданная завоевательными походами персов, являлась гигантским механизмом, в который были включены примерно 10 миллионов человек различных национальностей и огромный ареал земли, ограниченный Грецией, Эфиопией, Ливией и Индией. Не случайно могильная надпись Дария I гласит: «Если ты подумаешь: «Как многочисленны были страны, подвластные царю Дарию», то посмотри на изображения, которые поддерживают трон; тогда ты узнаешь и будешь знать, [как] далеко проникло копьё персидского мужа; тогда ты будешь знать, [что] персидский муж далеко от Персии поражал врага». В персидское государство входили вавилоняне, сирийцы, финикийцы, египтяне, имевшие при этом самобытные, не менее развитые культуры, чем культура персов. К этому стоит добавить, что персидские правители покорили ряд племен, находившихся на гораздо более низкой ступени социального развития. Людям начала XXI века, пережившим крушение многонациональных государств (наиболее близкие и потому, наверное, более болезненные примеры – Советский Союз и Югославия), трудно понять, каким образом персидским правителям удавалось удерживать под своей властью такие гигантские по тем временам людские и территориальные массивы. Но стоит только обратиться к истории правления Ахеменидов, и сразу откроется смысл старой истины о том, что «все гениальное просто». Стойкость империи достигалась не только разветвленным государственным аппаратом, налаженной системой сообщения, но, прежде всего, вызывающей восторг терпимостью и уважением к социокультурным традициям подвластных народов. И этим держава Ахеменидов удивительно походит на империю инков, существовавшую немного позднее на другом полушарии Земли. Поделив огромную территорию страны на 23-24 сатрапии, персы обеспечили лояльность их населения сохранением некоторых элементов социокультурных традиций

местного населения. Так в Египте, Вавилоне, Иудее действовали исконные правовые нормы. Во многих сатрапиях было сохранено положение местного жречества, традиционные системы мер и весов, а иногда даже и установившееся административно-территориальное деление (примером тому – Египет, в котором продолжало действовать исторически сложившееся деление страны на номы). В сатрапиях продолжали оставаться живыми местные языки. Хотя официальным языком государства считался арамейский, язык законов и делопроизводства, писцы в областях владели несколькими языками и переводили полученные официальные документы на родной язык наместника сатрапии. Многие распоряжения на территориях, входивших в состав персидского государства, составлялись и на местных языках. Все это приводило к тому, что делопроизводство, как правило, осуществлялось на двух и более языках. Персидские цари по-возможности старались сохранить за местной знатью целый ряд управленческих функций, назначая их наместниками, судьями, начальниками арсеналов, сборщиками налогов, руководителями строительных работ. Именно таким образом происходило включение в культурную традицию персидского государства многовекового опыта автохтонного населения, его знаний местных условий и навыков жизни и деятельности в них. Так, например, сатрапами Киликии, Малой Азии, Сирии, Палестины, Средней Азии длительное время были представители местных правящих династий.

Важнейшим фактором, определявшим терпимость подвластных народов был учет при установлении податей для сатрапии ее экономических возможностей. Согласно введенной Дарием I в 519 г. до н. э. новой системе податей, каждая область государства обязана была ежегодно платить четко установленную для нее денежную сумму серебром, но сама эта сумма устанавливалась с учетом количества обрабатываемой земли, ее плодородности и урожайности. Вот уж, действительно, не стоит требовать от земли и обрабатывающих ее людей большего, чем они могут дать.

Вряд ли стоит долго говорить о том, что не последним условием единства страны было создание централизованной системы государственного управления. Так же, как и в других странах Древнего Востока, это было бюрократизированное деспотическое государство. Центром государственного управления был город Сузы. Высшая государственная власть была сосредоточена в руках

персидского царя, который вмешивался во многие вопросы жизни страны, разбирая жалобы подданных, давая указания чиновникам. Он распоряжался строительством храмов и крепостей, предоставлял налоговые привилегии, устанавливал размеры гарнизонов для каждой сатрапии. Царские указы на территории страны считались законом. Непосредственно при царском дворе состояли высшие государственные чиновники, управлявшие отдельными отраслями хозяйственной, военной, политической жизни страны. Не последнее место в системе управления занимали сатрапы, в руках которых была сосредоточена сужебная власть, контроль за хозяйственной деятельностью и взиманием налогов в сатрапии. При этом особо следует подчеркнуть, что власть сатрапов являлась исключительно гражданской, а армия находилась в ведении непосредственно подчиненных царю военачальников. Видимо, это должно было предотвратить узурпацию власти в областях. Вместе с тем, не следует думать, что все в государстве было безоблачно. Его, конечно же, потрясли восстания. Примером тому – восстания сатрапа Лидии Оройта и сатрапа Египта Арианда, произошедшие в эпоху Дария I.

Большое значение для управления страной и координации всей ее хозяйственной жизни имели дороги. Их по праву можно назвать гордостью персидского государства. Персы не только удачно использовали древние ассирийские и хеттские дороги, но и успешно прокладывали новые. Одна из крупнейших дорожных трасс, называвшаяся «царской дорогой», вела от центра Месопотамии до эгейского побережья Малой Азии. Крупные дороги шли от Эфеса на Сарды и Сузы, от Вавилона к бактрийской и индийской границам, от Исского залива до Синопа. Строительство и содержание таких дорог в порядке было живейшей необходимостью для Персии: нужды государственного управления требовали отлично налаженного почтового сообщения между различными сатрапиями. Древние историки сообщают о прекрасном состоянии персидских дорог. Наиболее крупные были обеспечены царскими станциями с постоянными дворами, расположенными на каждом двадцатом километре, т.е. на расстоянии дневного перехода. К примеру, на дороге от Сард до Суз, составляющей около 2470 км, находилось 111 таких станций, где имелись запасные лошади и гонцы, сменявшие прибывших, благодаря чему это достаточно значительное расстояние можно было преодолеть за неделю. Здесь же располагались царские

склады с продовольствием для гонцов и разъезжающих по служебным делам чиновников. Греческий писатель и историк Ксенофонт рассказывал, что в Персии «гонцы совершают свой путь быстрее, чем журавли». Вероятно, в это время для передачи особо важных сообщений пользовались сигнальными кострами. Особо важные дороги – проходящие через границы областей и пустынь, имеющие речные переправы – были снабжены военной охраной.

Персидская армия, конечно же, в то далекое время являла собой определённый «гарант стабильности» в государстве. Она была необходима для охраны границ государства, для подавления восстаний в стране. Основу персидского войска составляли представители иранских племен – персы и мидийцы. Из них формировалась и царская гвардия, состоявшая из всадников и пехоты. На ключевые посты в армии – высшие должности в подразделениях, в крепостях – назначались, как правило, только персы. Персы вообще являлись в каком-то смысле нацией военных, поскольку, если верить Геродоту, «детей с пяти- до двадцатилетнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости»¹. Начиная военную службу с двадцати лет, большая половина взрослых персов-мужчин являлась военной. В период ведения военных действий армия пополнялась ополченцами со всего государства. При этом каждая провинция обязана была предоставить определенное число воинов. Для поддержания порядка в покоренных странах оставлялись военные гарнизоны (к примеру, в Вавилонии постоянно содержалось войско в 10-12 тыс. человек). Основным принципом их формирования было отсутствие в них представителей коренного населения завоеванной местности. Ответственность за содержание таких гарнизонов возлагалась на сатрапов, которые за успешное обеспечение и содержание войска могли получить от царя подарок, а за плохое – отрешение от должности и тяжелое наказание. Царь вообще проявлял непосредственное участие в делах армии, производя ежегодные смотры войск, устанавливая размеры подразделений, число пехотинцев и всадников в них. Для охраны пограничных районов применялась система колоний, когда на границах персидского государства выделялась земля для воинов, основывавших там свои поселения. Во многих случаях такие гарнизоны были чрезвычайно многонациональными. При ведении

¹ Геродот. История. Л., 1972. С.55.

военных действий на море персы использовали корабли Финикии, Египта, Кипра. Нет ничего удивительного в том, что таким образом устроенная армия стала одной из сильнейших в древнем мире.

Обеспечить порядок в ахеменидском государстве должно было неукоснительное соблюдение законов. Хотя единый правовой кодекс здесь вряд ли существовал, несомненно, действовало некоторое подобие общего правового режима, установленного царем. Персы, имевшие, по всей видимости, примитивное обычное право, активно изучали правовые системы покоренных народов, в том числе и законы Хаммурапи. Законы завоеванной страны систематизировались и принимались в качестве действующих на территории данной страны. Право, таким образом, играло вполне определенную укрепляющую роль в отношениях огромной государственной машины с подвластными народами. Персидский царь обладал высшей законодательной властью. Его законы подлежали обязательному исполнению, и он мог издавать новые законы, апеллируя к воле Ахура-Мазды. Толкованием законов и обычаев занимались царские судьи, назначаемые пожизненно из знатных персов. Они же разрешали споры между гражданами персидского государства. Наказания за нарушения царских законов применялись жесточайшие. Чрезвычайно часто применялась смертная казнь и членовредительные наказания. Так, взяточника могли распять, снять с него кожу живьем. Смертной казнью карались преступления против царя и членов его семьи, восстания. Персы знали квалифицированную смертную казнь: отрубание головы и правой руки, расплющивание головы, распятие и др. Например, тирана Милета Гистия, восставшего против Дария, распяли, а царский судья Сисамн, уличенный во взяточничестве, был приговорен Дарием к сдиранию кожи. О широте применения членовредительных наказаний рассказывает Ксенофонт: по его словам, вдоль больших дорог во владениях персидского царя в Малой Азии можно было видеть массу преступников с отрубленными руками, ногами, выколотыми глазами. В целом же какие-либо кодексы законов эпохи Ахеменидов до нас не дошли, и вряд ли стоит говорить об их существовании. Нам известен лишь общий правовой принцип, отраженный в Бехистунской надписи Дария I: «Человека, который был верен мне, я вознаграждал, человека, который был вероломен, я строго наказывал». Такого рода наказания имели своей целью не только превенцию, но и устрашение подданных.

Была у державы Ахеменидов еще одна мощная «скрепа», о которой нельзя умолчать – терпимость к религиозным верованиям покоренных народов. Персам, включая и персидских царей, была свойственна не просто веротерпимость, но и совершенно непостижимая вера в богов покоренных народов, богов, которые, казалось бы, не смогли защитить своих приверженцев, богов, которые склонились перед завоевателями. Например, Кир II приносил жертвы верховному богу вавилонян Мардуку, поклонялся египетским богам и приносил им жертвы. Более того, он стремился к возрождению самой традиции почитания местных богов в покоренных странах, приказав восстановить разрушенные халдеями храмы в Вавилоне, Иудее, Эламе. Дарий I стал продолжателем этой ценнейшей в историко-культурном отношении традиции, строя храмы богам подвластных стран, поклоняясь Яхве и Зевсу, Амону и Мардуку, принося в их храмах жертвы от своего имени. Трудно сегодня сказать, чем были вызваны подобные действия – тончайшим политическим расчетом или искренним стремлением заручиться поддержкой всех возможных благих сил, каждой из которых подвластна своя территория (Малая Азия или Иудея, Месопотамия или Египет) и каждая из которых наиболее могущественна именно на этой своей территории. Но чем бы это не было продиктовано, персы были не единственными в таком отношении к богам завоеванных стран, поскольку так же поступали многие древние народы с неискоренимыми имперскими устремлениями – македоняне, римляне, инки.

Собственно же персидская религия была похожа на веру всех древних восточных народов. Древнейшие религиозные верования ираноариев – мидийцев и персов – были практически одинаковы и во многом примитивны. Здесь обожествлялись и почитались природные силы и явления – богиня воды и плодородия Анахита, бог солнца и света, бог-воитель Митра, который изначально, вероятно, был богом договора. Вплоть до времени Кира II и Камбиза Митра сохранял место верховного божества персидского пантеона. Культ его был широко распространен. В конце I тысячелетия до н.э. – начале I тысячелетия н.э. возник митраизм – религия поклонения Митре, чрезвычайно популярная среди римских легионеров, разнесенная ими по территории Римской империи и ставшая серьезной соперницей раннего христианства. «Авеста» сохранила древний гимн Митре:

Мы почитаем Митру...

Всесильного владыку,
Дающего блага,
Речистого, высокого,
К молитвам благосклонного,
Возвышенного, мудрого,
Божественное Слово
Вместившего в себе,
Могучего воителя,
Благого, мощнорукого¹.

В целом же, культ Митры и Анахиты был впитан новой, возникшей позднее на территории Персии религией – зороастризмом. Почитали древние персы бога огня Атара, победившего, согласно мифологическим сказаниям, трехголового дракона Дахаку. Священный огонь пользовался на земле Древнего Ирана особенным почитанием. В древности ему приносили жертвы на простых алтарях под открытым небом. Этот культ позже получил широкое распространение у народов Ирана и Средней Азии и сохраняется у персов-огнепоклонников. Обожествляли персы горы и реки. Многие древнеперсидские религиозные верования указывают на общность ираноариев и индоариев – вера во всеобщий закон природы, определяющий порядок всего существующего в природе и поведении человека (у индоариев – «рта», у ираноариев – «аша»), уважение торжественной клятвы и договора, использование в ритуалах священного напитка (у индоариев – «сома», у ираноариев – «хаома»), большое значение культа огня и т.д.² О родстве этих двух народов говорит сходство их религиозных памятников и даже языков. Вероятно, широкая ветвь ариев, двигавшихся из своих исконных мест по направлению к Персии и Индии разделилась на две ветви, одна из которых осела в Персии, а другая двинулась далее – в Индию, положив там начало ведийской культуре.

В первой половине I тысячелетия до н.э. в Восточном Иране, а, возможно, и в Средней Азии зародился зороастризм³.

¹ Авеста. Пер. И. Стеблина-Каменского. М., 1992. С. 276.

² См. подробнее: Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1988. С.15-16.

³ Есть веские основания полагать, что древнейшие части религиозного сборника «Авеста» созданы именно на территории Средней Азии. Некоторые предания утверждают, что «священный огонь» зороастризма был зажжен в

Основоположником учения считается Заратуштра (греческое произношение – Зороастр, откуда и название религии; этот греческий вариант ассоциируется с греческим словом «астрон» – звезда, а потому в греческих источниках Зороастр нередко изображается мудрецом-звездочетом. На самом же деле значение имени до конца не ясно. Возможно, оно означает «Тот, чьи верблюды стары» и является именем-оберегом). Скорее всего, его жизнь проходила в те времена, когда Средняя Азия еще не была под властью персов. Об этом реально жившем пророке и реформаторе религии было сложено множество легенд. Согласно одной из них, Заратуштра был единственным в мире ребенком, который при рождении засмеялся, а не заплакал, совершив таким образом свое первое чудо. Предание утверждает также, что изначально учение его не было понято на родине, и это вынудило пророка долгие годы скитаться, пока на территории современного Афганистана и Средней Азии он не был принят при дворе царя Кави-Виштаспы, где проповедуемая вера нашла приверженцев и последователей. Многочисленные истории о жизни этого человека доносят и рассказ о его гибели: жизнь Заратуштры оборвалась в возрасте 77 лет, когда один из жрецов-противников новой веры нанес ему удар в спину кинжалом. Проповеди основателя зороастризма сохранились в древнейшей части «Авесты» – «Гатах», написанных в стихотворной форме.

Гаты поветсвуют о том, что Заратуштра получил указание от бога Ахура-Мазды преобразовать древнюю религию и возвестить миру о вере в конечное торжество бога Ахура-Мазды. Из этого следует, что зороастризм являет собой религию откровения, подобную иудаизму или исламу. Она развивалась и трансформировалась в течение продолжительного времени, но основная сущность ее оставалась неизменной – утверждение неискоренимого дуализма добра и зла, который хотя и присутствовал в более древних персидских верованиях, но именно в зороастризме был окончательно абсолютизирован. «Есть два духа первичных, два

Хорезме. Соответствует климатическим и социокультурным условиям Хорезма и описание легендарной страны Айриана-вайджо, имеющееся в «Авесте». Кроме того, этот религиозный памятник не содержит никаких упоминаний о социально-политических институтах государства Ахеменидов – государственных налогах, чиновниках, царях, деньгах и т.п. «Авеста» более патриархальна, восхваляя жизнь земледельца и скотовода.

близнеца враждою славных. Мыслью, словом и делом – лучший и злой. Из двух благодатный правильно выбирает, но не злодей. Когда эти два духа впервые сошлись, то создали бытие и не-бытие... Из двух этих духов выбрал лживый худшие дела, но Истину, одетую в крепчайшую твердь, выбрал Дух Святейший и те, кто ублаготворяет Ахура-Мазду истинными поступками...»¹. Единственной всемогущей благой силой, воплощением добра, верховным богом является в зороастризме Ахура-Мазда (по-гречески – Ормузд), что примерно значит «Господь Мудрость». Он является символом света, истины, жизни. Ему противостоит враждебный дух зла Ангхро-Манью (по-гречески – Ариман), являющийся воплощением тьмы и смерти. Вокруг Ахура-Мазды группируются силы добра (шесть бессмертных святых (Амэша-Спэнта), созданных им первыми из всего благого творения и покровительствующих семи благим творениям – небу, земле, воде, растению, скоту, человеку, огню. Вокруг Ангхро-Маньи группируются силы зла (дэвы – злые демоны).

Борьба этих двух противоположных сил лежит в основе всего сущего, в том числе и человеческой жизни. Она проявилась уже в первые мгновения вновь сотворенного мира. Согласно зороастрийскому учению, в начале эпохи творения Ахура-Мазда сначала создал мир бестелесным, затем придал ему телесную оболочку, дав своему благому замыслу форму материального и осязаемого. И этот мир был лучше «бестелесного». Но, получив телесную оболочку, мир стал уязвим для злых сил. Ангхро-Манью стремительно проник в мир через нижнюю сферу каменного неба, погубив совершенство божественного творения. Он сделал большую долю воды соленой, образовал на земле пустыни, иссушил растения, убил первых сотворенных быка и человека, испортил огонь дымом. Нападение Ангхро-Манью на мир ознаменовало собой начало второй эпохи – Смещения. Благие силы объединились и сумели обратить деяния злого духа во благо: Бессмертие истолкло иссушенное растение и рассеяло его по миру с тучами и дождем, Луна и Солнце очистили семя уничтоженных единотворных быка и человека, способствовав тем самым порождению скота и людей. Однако вернуть мир в изначальное состояние им не удалось, и все в нем являло теперь смесь добра и зла.

¹ Ясна // Авеста в русских переводах (1861-1966). СПб., 1997. С.5.

Кроме того, злые силы породили не только материальное несовершенство мира, но и нравственные пороки и зло, причиняющие страдания людям, голод, болезни, смерть. Для того, чтобы устоять против враждебных сил, человек должен проникнуться благом настолько, чтобы в сердце просто не осталось места для слабости и порока. Сделать это возможно. Хотя человек и сотворен Ахура-Маздой свободным, а потому подвластным силам зла, его единственным предназначением, по замыслу благого бога, является борьба со злыми силами и восстановление мира в его первоначальном совершенном виде. Когда это произойдет, наступит третья эра – Разделение. В мир снизойдет саошьянт – спаситель из рода Заратуштры. Тогда произойдет полное отделение добра от зла с уничтожением последнего. Поскольку зло будет окончательно уничтожено, то эта счастливая эпоха безраздельного господства Ахура-Мазды продлится вечно.

В подобном учении о трех эрах в истории мира находит выражение традиционный принцип религии всех древних обществ – будь то Шумер или Египет, Иран или Мезоамерика. Это неискоренимая вера в необходимость сотрудничества человека и бога в целях осуществления идей добра. Однако, Заратуштра «придал этому сотрудничеству совершенно новое значение, видя в нем не только средство сохранения мира таким, каков он есть, но открыв, что оно имеет своей конечной целью восстановление идеала. Это открытие придавало человеку новое достоинство...»¹ Оказывалось, что человек не просто слуга бога, обеспечивающий жертвоприношениями и почитанием богов стабильность мироздания, но еще и союзник бога, без которого вряд ли будет возможным торжество добра.

Чтобы реализовать свое предназначение, человек должен следовать триаде зороастрийской этики – благо-мыслию, благо-словию, благо-деянию, избегая зло-мыслия, зло-словия, зло-деяния. От поведения человека зависит еще и посмертное существование души, которой могут быть уготовано либо блаженство и последующее воскресение, либо мучения в аду вместе со злыми силами вплоть до Последнего суда и уничтожения. Эти правила получают в «Авесте» конкретное воплощение: Заратуштра призывает защищать сельскохозяйственные посевы от вредителей и вредных

¹ Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М.: Наука, 1988. С.37.

животных, выращивать скот и охранять стада от кочевников, поднимать целину, строить мосты над текущей водой. Он отвергает кровавые жертвоприношения. Это и есть добродетельная жизнь патриархального сельского общества, не знающего городской жизни, денег и железа. Все это, скорее всего, было еще до Ахеменидов, однако, такая религия оказалась чрезвычайно привлекательной именно для персидского государства.

После своего зарождения зороастризм стал очень быстро распространяться по территории Древнего Ирана. К первой половине VI в. до н.э. он, возможно, стал официальной религией в Мидии (по крайней мере, у Геродота имеется сообщение о том, что придворными жрецами у мидийского царя Астиага были зороастрийские маги). В Персии учение Заратуштры стало влиятельным в эпоху правления Дария I, т.е. на рубеже VI-V вв. до н.э. Именно в это время с целью обоснования верховной власти царя был введен культ верховного благого бога Ахура-Мазды. Он изображался персами в виде небесного царя, находящегося в крылатом солнечном диске, то есть так, как изображали своего верховного бога Ашшура ассирийцы. Появившись при Дарии, этот символ не претерпевал никаких дальнейших изменений. Для превращенной в огромное государство Персии единый культ Ахура-Мазды был очень удобен, ибо способствовал дальнейшему единению государства. Верховенство могущественного благого бога в мире соответствовало верховенству персидского царя на территории огромного государства. С помощью такой религии оказывалось просто оправдать всевластие земного правителя. Так, уже Дарий I в своих надписях говорит, что Ахура-Мазда сделал его царем, дал ему в руки царство.

Еще большим стремлением к централизации культа отличались религиозные реформы Ксеркса, правившего с 486 по 465 гг. до н.э. Он начал грандиозные гонения на древние культы племенных богов, объявленных злыми духами – дэвами зороастризма. В знаменитой «Антидэвовской» надписи Ксеркса говорится: «Когда я стал царем, была среди стран, которые выше упоминаются, [такая, где было] волнение. Потом Ахура-Мазда мне помог. По воле Ахура-Мазды, эту страну я сокрушил и поставил ее на место. И среди этих стран была [такая], где прежде дэвы почитались. Потом, по воле Ахура-Мазды, я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: «Дэвов не почитай». Так, где прежде поклонялись дэвам, там я совершил поклонение

Ахура-Мазде...»¹ Однако, реформы Ксеркса оказались недолговечными, поскольку уже ко времени правления Артаксеркса II (405-359 гг. до н.э.) многие из отвергнутых божеств снова получили официальное признание (Митра, Анахита и др.). Тем не менее, зороастризм оказался удивительно живучим и даже сегодня сохраняется у парсов в Индии и гербов в Иране. Без него трудно понять процесс становления христианства и ислама.

Последним всплеском религиозной мысли Древнего Ирана стало манихейство, наряду с зороастризмом получившее распространение в Иране в III в. н.э. Его основоположником был иранский религиозный реформатор Мани (216-277 гг.н.э.). Его имя переводят самым разнообразным образом («сумасшедший», «безумный», «драгоценный камень» и др.), поскольку этимология этого имени не ясна. Как рассказывает предание, жизнь Мани закончилась мученической смертью: с него содрали живьем кожу, набив затем ее соломой и повесив на царских воротах. Основателем учения были созданы семь книг, составляющих канон манихейской литературы – «Евангелие Мани», «Сокровищница жизни», «Книга тайн», «Книга о гигантах», «Эпистолы», «Книга псалмов». К сожалению, они не сохранились в подлинниках, и все известное нам – это отрывочные выдержки из них, имеющиеся в христианских и мусульманских произведениях. В содержательном плане учение Мани представляет собой эклектическое соединение истин зороастризма, христианства, буддизма, гностицизма. Если попытаться кратко изложить содержание этого учения, то получится следующее.

Миру неоднократно возвещали истину пророки – Адам, Енох, Ной, Сим, Авраам. Причем наиболее значительными из них были Заратуштра, Будда и Иисус. Тем не менее, все они адресовали свою пока еще неполную и частичную истину лишь ограниченному кругу людей. Только Мани – последний из небесных посланников – пророк всего последнего поколения людей. По его проповеди, так же, как и в зороастризме, миру свойственен изначальный дуализм добра и зла, света и тьмы, и современный мир является смешением того и другого. Из буддизма Мани заимствовал идеи метемпсихоза и кармы, из гностицизма – учение о пленении частиц света тьмой, о первочеловеке, об освобождении как осознании истины. Манихейство

¹ Литература Древнего Востока (Иран, Индия, Китай): Тексты. М., 1984. С.44.

распространилось на огромной территории от Испании до Китая и значительно повлияло на дуалистические ереси Средневековья.

Вместе с тем, нужно учитывать, что учение пророка Мани вряд ли может соперничать с зороастризмом в том влиянии, которое последний оказал на литературу и искусство государства Ахеменидов. Прежде чем говорить о литературе, следует вспомнить о персидской письменности. А она являет собой феномен действительно примечательный. Персидская клинопись состояла всего из 43 знаков, тогда как, к примеру, в аккадской письменности было 600 знаков. И таким малым для древних времен количеством знаков персы умудрялись записывать массу информации. «Однако персидская письменность употреблялась в основном для царских торжественных надписей, которые украшали гробницы правителей, стены и колонны дворцов или вырезались на металлической посуде, оружии, каменных вазах и печатях»¹. Во время Ахеменидов арамейское письмо стало распространяться в Средней Азии и Индии, что способствовало возникновению парфянской, среднеперсидской, согдийской и хорезмийской идеографических систем письма. Некоторые древнеиранские слова были заимствованы санскритом. Зороастризм придавал отношению персов к письменности несколько мрачноватый оттенок: в отличие от большинства религий древних народов, приписывающих в своих мифах создание письменности благим богам мудрости и науки, зороастризм считает ее порождением злого духа Ангхро-Маньи. Именно поэтому персидская письменность считалась совершенно непригодной для записи священных текстов, и они передавались в рамках устной традиции. Только к эпохе Сасанидов была разработана специальная письменность на основе пехлевийского алфавита, которая была использована для записи текстов «Авесты». Так оказалось, что это религиозное произведение является единственным в мире памятником литературы, записанным при помощи искусственно созданного, так называемого авестийского алфавита.

Ценность «Авесты» состоит в ее принадлежности к древнейшей иранской литературе. Точный перевод этого названия не известен, но предположительно оно могло значить «наставление», «восхваление». Хотя возникла «Авеста» где-то в первой половине I тысячелетия до н.э., текст ее был кодифицирован только при Сасанидах. Древнейшая

¹ Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989. С.157.

дошедшая до нас рукопись этого памятника относится к 1288 году. «Авеста» содержит гимны божествам, религиозные и правовые предписания, молитвы. Ее древнейшие части – Гаты, являющиеся проповедями Заратуштры и написанные в стихотворной форме. Наибольшая часть «Авесты» – Младшая Авеста, составление основной части которой началось, видимо, в конце V в. до н.э. «Авеста» дошла до нас в двух редакциях. Первая из них записана на авестийском языке и состоит из трех частей – Вендидада (Видевдата), по названию которого именуется и вся данная редакция сборника, Веспереда и Ясны. Вторая редакция является расширенной: она состоит из тех же частей, но расположенных несколько в ином порядке и снабженных переводом на среднеперсидский язык с комментариями. Перевод этот называется Зендом, а потому и вторая редакция «Авесты» имеет название «Авеста и Зенд» («Зенд-Авеста»).

Ахемениды оставили потомкам большое число самых разнообразных надписей. Пожалуй, наиболее примечательная из них – Бехистунская надпись Дария I. Название ее происходит от названия несущей ее скалы, расположенной между городами Хамадан и Керманшах. Значительна она не только своим совершенством и той информацией, которую несет нам, но еще и своим культурным значением: она значительно помогла в расшифровке древних систем иранского письма¹. Повествует Бехистунская надпись о последних годах Камбиза и начале правления Дария. Высота ее вместе с рельефом составляет 7,8 метров, а ширина – 22 метра. Составлена Бехистунская надпись на трех языках – древнеперсидском, эламском, аккадском. В ней Дарий I, происходящий из боковой ветви дома Ахеменидов, сообщает о начавшихся после смерти Камбиза волнениях в стране, охвативших Вавилон, Мидию, Персию, Элам. Сообщается, что Дарию удалось убить одного из самозванцев – жреца Гаумату, объявившего себя братом Камбиза Бардией. Дарий сумел подавить восстания и возродить могущество и единство персидского государства. Эта надпись являлась чем-то вроде декларации

¹ В 1835 году Г.Роулинсон скопировал Бехистунскую надпись среди многих других клинообразных надписей и благодаря ей правильно определил 18 алфавитных знаков персидской письменности. Затем совместно с Норрисом ему удалось расшифровать около 200 знаков параллельных с персидскими новоэламских фраз. Только после этого Роулинсоном, Оппертом и Хинксом была прочитана и аккадская составляющая Бехистунской надписи.

победившего царя, возвещавшего о своих завоеваниях: «Вот что я совершил по воле Ахура-Мазды в течение одного года. После того, как я стал царем, я дал 19 сражений. По воле Ахура-Мазды я разбил [противников] и взял в плен 9 царей». Возвышенные слова, высеченные на скале высотой 105 метров по дороге, ведущей из Багдада в Тегеран, являлись вестью об установлении мира в стране, о восстановлении ее единства.

Собственно надпись сопровождается прекрасным рельефом, изображающим описанные события. Дарий I, попирающий ногой лежащего у его ног Гаумату, получает благословение на царство от верховного бога Ахура-Мазды. За спиной Дария изображены его копьеносец Гобрий и лучник Аспатин. За Гауматой изображены связанные одной цепью самозванцы-бунтовщики. Сохранились и другие надписи ахеменидского периода – в Персеполе, Сузах, Накши-Рустаме, Египте, Экбатане.

Были у персов и эпические произведения, сюжеты которых сохранились в эпосах других народов. К примеру, эпический рассказ о борьбе Кира с царицей массагетов Томилис продолжает жить в кара-калпакском эпосе, а многочисленные мотивы народной литературы Древнего Ирана нашли отражение в «Авесте» и позднее – в литературе восточных народов, в том числе и в широко известной поэме Фирдоуси (940-1025 гг.) «Шах-Наме». На парфянском языке была создан героический эпос «Поэма о сыне Зарера», несколько переработанный сюжет которой также вошел в «Шах-Наме». Написано это древнее эпическое произведение удивительно возвышенным, но в то же время и чувственно тонким, проникающим в глубину человеческой души языком:

Опора жизни моей!
Кто твою силу похитил?!
Доблестный мой отец!
Кто твою кровь пролил?
Кто Симургу подобного
Коня твоего похитил?
Ты хотел сражаться
Рядом со мною, -
Теперь убитым лежишь,
Лишенным дыханья¹.

¹ Поэма о сыне Зарера // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С.520-521.

Стремление к использованию культурных достижений других народов красной нитью проходило через всю художественную культуру Древнего Ирана. Оно легко угадывается и в архитектурных сооружениях, и в рельефах, и в гравировке металлических чаш. Заимствовались не только художественные формы, но и мотивы и образы. Своего царя персы изображали точно так, как рисовали шумеры своего героя Гильгамеша, а именно – поражающим мифологического зверя. Таким же благоприобретенным был и символ бога Ахура-Мазды, о чем уже упоминалось выше. Рельефы, обильно украшавшие стены персидских дворцов в Пасаргадах, Персеполе и Сузах по стилю и технике напоминают рельефы Ассирии и Нового Вавилона. И не секрет, что именно там персы заимствовали способ изготовления кирпичей, облитых цветной глазурью. Величественные колоннады египетских храмов вдохновили зодчих, соорудивших гробницы Дария I, Ксеркса, Артаксеркса II, Дария II. Широкое использование в архитектурных сооружениях лестниц, террас, статуй фантастических животных сближает персидские строения с архитектурой Месопотамии.

Все это так, но, тем не менее, совершенно нет смысла говорить о простой эклектике искусства персов, ибо они не просто смешивали разнородное и, казалось бы, мало совместимое, но смешивали творчески, привносили во всё животворный самобытный дух арийских племен, одухотворяли чужое искусство своей мифологией и преданиями, своей доблестью и чувством прекрасного. Только так могли родиться те шедевры, которые дошли до наших времен от славной эпохи Ахеменидов. Наверное, один из самых выдающихся – Персеполь. Этот древнеиранский город, находящийся к северо-востоку от Шираза, был одной из столиц Ахеменидов. Здесь один раз в год, во время празднования Нового года собирались царь, его двор, гвардия, представители сатрапий, чтобы совершать ритуальные действия. Это возвышенный и светлый архитектурный комплекс, возведенный на искусственно созданной платформе, производил на всех его видевших незабываемое впечатление. Но и его не пощадила рука завоевателя. В 330 г. до н.э. город был захвачен Александром Македонским, сожжен и заброшен. Только спустя много лет мир начал заново открывать для себя всю прелесть древней ахеменидской столицы. В середине XIX века Фланден и Коста начали археологические изыскания в Персеполе. Частично раскопан он был

только в XX столетии, открыв глазам ученых дворцы, храмы, скальные гробницы, рельефы. Строительство этого грандиозного комплекса началось около 520 г. до н.э. и длилось ориентировочно до 450 г. до н.э. При этом на строительстве ежегодно было занято приблизительно три тысячи человек. Весь комплекс занимал огромную территорию – 135 тыс. кв. км. Попасть в город можно было лишь по широкой каменной лестнице, насчитывающей 110 ступеней. Поднявшийся путник попадал в храм, который именовался «Воротами всех стран» и «охранялся» более чем десятиметровыми статуями человекобыков. Особенно поражают останки большого дворца Дария I, включающего несколько залов. Среди них – зал царских аудиенций, так называемая «ападану Дария». «Ападана» – это огромный, окруженный портиками зал, потолки которого поддерживались двадцатиметровыми каменными колоннами. Здесь проходили государственные приемы. «Ападана Дария» украшена рельефными изображениями. На лестницах и стенах мы видим солдат персидской армии – эламских воинов с копьями и луками, персидских «бессмертных», мидийцев. Здесь мы находим изображение длинной процессии 33 подвластных Ахеменидам народов, несущих царю разнообразные дары – вазы, кубки, кинжалы, диких и домашних животных. Фигуры Персепольских рельефов выполнены с большим мастерством, и благодаря таланту персидских зодчих характерные черты различных племен и народов легко узнаваемы.

По этим же рельефам возможно изучать специфику персидского изобразительного канона, который, сформировавшись к концу IV – началу V в. до н.э., оставался практически неизменным. Это, прежде всего, строжайшая симметрия, повторение одинаковых элементов, ритмичность. Здесь все размеренно, даже монотонно. Сцены повторяются абсолютно зеркально. Так, оба фаса дверных проемов дворца имеют как одинаковые рельефы, так и совершенно идентичные поясняющие надписи к ним. Согласно этим же правилам были выполнены изображения в Пасаргадах, Сузах.

Этому же канону соответствовали и произведения торевтики (чеканки по металлу) и глиптики (резьбы на полудрагоценных и драгоценных камнях), хотя они далеко не отличаются многообразием сюжетов. На кубках, вазах, ритонах, оружии, мы находим сцены, изображающие правителя на охоте, у жертвенника, на войне, в борьбе с чудовищами. Видим на рисунках его вельмож, разнообразных

животных. Но и здесь мы находим строгость канона, который делает произведения мастеров из различных областей персидской державы очень и очень похожими.

Возможно, вследствие того, что до нас дошло слишком мало письменных источников, не многое можно сказать о персидской науке. Она, скорее всего, особенно не отличалась от представлений других древнейших народов и была еще теснейшим образом связана с практикой и хозяйством. Совершенно ясно, что особыми достижениями в этой сфере Древний Иран похвастаться не может. Однако, уже в VI веке до н.э. персы пользовались лунным календарем, состоявшим из 12 месяцев по 29-30 дней в каждом. Названия месяцев были связаны с религиозными праздниками или сельскохозяйственными работами: месяц поклонения огню, месяц сбора чеснока и т.п. Лунный год, состоявший из 12 месяцев, оказывался на 11 дней короче солнечного года, а потому каждые три года к году прибавлялся дополнительный тринадцатый месяц. После утверждения зороастризма стал распространяться и зороастрийский календарь, состоявший из 12 месяцев по 30 дней, к которым добавлялись еще 5 дней, что в общей сложности составляло 365 дней в году. Месяцы в нем носили названия в честь божеств зороастризма. Изначально такой календарь использовался только в культовых целях, но в период правления Сасанидов получил статус официального государственного календаря.

Лояльное отношение иранцев к другим культурам предопределило расцвет науки не столько в самой Персии, сколько в подвластных ей странах. Так, в период Ахеменидов успешно развивается египетская, вавилонская медицина, огромных успехов добиваются вавилонские математики и астрономы (тут и решение сложнейших задач по вычислению площадей, и открытие солнечной прецессии, и вычисление лунных фаз, солнечных и лунных затмений). Все это теперь стало достоянием всего персидского государства, объединившего под своей властью многие талантливые народы.

В одном из первых в истории опытов объединения различных народов и создания системы, обеспечивающей их относительно стабильное существование в рамках единого государства, состояло, видимо, величайшее значение культуры Древнего Ирана. Сложная мозаика различных самобытных культур образовала ту синтетическую целостность, которую сегодня называют культурой

ахеменидского периода. Социально-культурные традиции Ахеменидов продолжали жить в империи Александра Великого, обеспечив торжество эллинизма на огромных восточных пространствах, в государствах Селевкида, Птолемея, Сасанидов. И сегодня они продолжают жить там, где мирно сосуществуют различные культуры, взаимно обогащаясь и не уставая перенимать опыт других. В таком обогащении и синтезе родились все великие достижения Древнего Ирана, повлиявшие на развитие мировой культуры. Сегодня так же, как и много столетий назад, человечество восхищается глубиной религиозно-философской мысли Древнего Ирана, находя в современном исламе различия и сходства с манихейства, возвращаясь мыслью к исконному учению Заратуштры при чтении не менее вдохновенных строк Фридриха Ницше. В наши дни, говоря о деспотизме и бюрократии, мы обращаемся к их первым историческим проявлениям в стремлении найти истоки и сущность подобных общественных болезней. Государство Ахеменидов снова и снова предоставляет для изучения свой опыт и свою историю, обогащая уже нас новыми знаниями и пониманием нелегкой науки управления большой империей.

Литература

1. Авеста. Пер. И.Стеблина-Каменского. М., 1992.
2. Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1988.
3. Брагинский И.С. Иранская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
4. Геродот. История. Л., 1972.
5. Гриненко Г.В. Хрестоматия по истории мировой культуры. М., 1998.
6. Дабистан-и Мазахиб // Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. акад. С.Д. Сказкина. М., 1961.
7. Древние цивилизации. Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989.
8. Литература Древнего Востока (Иран, Индия, Китай): Тексты. М., 1984.
9. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
10. Ясна // Авеста в русских переводах (1861-1966). СПб., 1997.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Краткая историческая справка. Современное наименование Индия получила от персов и греков, называвших эту страну «землей Синдху» по названию реки Инд (Синдху). В персидском языке слово «Синдху» трансформировалось в «Хинду», употреблявшееся в средневековых мусульманских текстах. От «Хинду» и происходит современное название «Индия». Собственно индийское название страны - Бхаратаварша, что значит «страна Бхараты». Пураны повествуют о том, что Бхарата был великим правителем этой земли.

Страна, лежащая к северу от океана
И к югу от снежных гор,
Называется Бхарата,
Ибо ее обитатели - потомки Бхараты.
(Вишну пурана, II, 3.1)

Такое название своей страны индийцы употребляют и сегодня (например, оно используется в действующей Конституции Индии).

Территория Индии представляет собой достаточно изолированный от соседних стран полуостров, отделенный Индийским океаном, Бенгальским заливом и Аравийским морем от Африки, Малайзии, островов Индонезии и горными хребтами Гималаев от Тибета, Китая, других азиатских стран. С окружающим миром Индию соединяли в древности лишь немногочисленные горные проходы, ущелья и долины. Плодородные наносные почвы Инда и Ганга сделали наиболее удобной для заселения северную Индию, где рано сформировалась самобытная культура. Здесь складывались прекрасные условия для развития искусственного орошения. Все это способствовало достаточно раннему появлению в Северной Индии орошаемого земледелия. Географические условия Южной Индии (особенно юго-западного Малабарского берега) оказались наиболее благоприятными для развития мореходства и морской торговли.

Древнейшие земледельческие поселения в долине реки Инд возникли в V-IV тыс. до н.э. В III тысячелетии до н.э. (2800-2500 гг. до н.э.) в долине Инда существовала цивилизация, условно называемая **культурой Хараппы (Синд) и Мохенджо-Даро (Пенджаб) или Индской культурой**. Здесь, в долине Инда, были найдены наиболее значительные свидетельства существования древнейших городов на территории Индии. Аналогичные поселения были обнаружены в бассейне нижнего Инда и на берегу реки Сетледж. Существуют предположения, что на огромной территории от Южного Белуджистана и побережья Аравийского моря до северо-восточной части бассейна Инда располагалось одно большое государство с важнейшими центрами в Хараппе и Мохенджо-Даро (площадь этих городов около 2,5 кв. км).

Эта культура существовала примерно в то же время, что египетская и месопотамские культуры. Тем не менее, ученым не удается удовлетворительно решить вопросы о том, была ли она специфически индийской или происходит от другой культуры, где она зародилась, какие народы ее населяли. Никаких письменных сведений, которые позволяли бы составить какое бы то ни было представление об этой культуре, не сохранилось. Письменность, на которой сделаны надписи на печатях, обнаруженных в Мохенджо-Даро и Хараппе, не расшифрована до сих пор. А потому, все знания об этой культуре получены путем тщательного анализа объектов материальной культуры, найденных в долине Инда. Особенно хорошо сохранились постройки Мохенджо-Даро, что на языке синдхи значит «холм мертвых». Так же, как и Хараппа, Мохенджо-Даро представлял собой город, обнесенный крепостными стенами. Застройка велась по плану, улицы шли точно с севера на юг и с востока на запад, пересекаясь под прямым углом, причем фасады домов образовывали прямую линию. Многочисленные жилые дома построены из сырцового или обожженного кирпича. В городах имелась система канализации. Не обнаружены остатки каких-либо зданий, которые можно было бы принять за храмы, священные гробницы, алтари. Однако было установлено, что в Индской культуре был широко распространен культ богини-матери; почитали также мужское божество – Господина зверей, изображавшегося в позе йога (возможно, предтеча веры в Шиву). Верования населения Хараппы и Мохенджо-Даро характеризовал анимизм. Здесь разводили домашних животных, домашнюю птицу, употребляя их мясо в пищу. Выращивали пшеницу, ячмень, горох, дыни, хлопок. Употребляли плоды финиковой пальмы. Землю обрабатывали при помощи примитивного плуга. Известны были гончарный круг, металлургическое ремесло (в Мохенджо-Даро обнаружена дворцовая металлургическая мастерская), при обработке металла (меди, бронзы, олова, свинца, серебра, золота) использовались литье, ковка, заклепка. Однако, ремесло развивалось медленно и долгое время для изготовления орудий труда использовался камень. В Хараппе и Мохенджо-Даро развивалось ткацкое ремесло, изготовление стекла и фаянса, кораблестроение. Индская культура вела широкую и разветвленную торговлю. К числу особо важных находок археологи относят печати (из камня, слоновой кости, глины, стекловидной пасты), на которых имеются изображения различных животных – слона, антилопы, носорога, быка, причем изображения последнего преобладают. Следует также отметить, что нигде не было обнаружено рисунков лошади или коровы. На печатях имеются также пиктографические надписи, до настоящего времени не расшифрованные. Печати древнеиндийского типа обнаружены были и в развалинах некоторых шумерских и аккадских городов (Киша, Эшнунны), что указывает, на существование культурных и торговых

связей между Индской цивилизацией и культурами Месопотамии. Кроме того, исследования показывают наличие существенных различий между культурой Хараппы и индоарийской культурой: в отличие от ариев, жителям Хараппы и Мохенджо-Даро не известны лошадь и железо, не является здесь священным животным корова, нет в Индской культуре культа огня, население живет в крупных городах, тогда как арии селятся в деревнях, в Хараппе и Мохенджо-Даро повсеместно имеются изображения божеств, а арийские племена таких изображений не признают и т.п. Во II тыс. до н.э. Индская культура приходит в упадок по непонятным причинам.

В конце II-начале I тыс. до н.э. на территорию Индии, вероятно, с северо-запада, проникают арийские племена кочевников, которые постепенно переходят к земледелию. Эти кочевые племена осваивают долину реки Ганг. Со своей первоначальной родины арии двинулись по направлению к Индии, оставив культурные следы своего пребывания в Митанни и Вавилонии (возможно, они жили здесь какое-то время до проникновения в Индию, но следы эти могут быть также результатом торговых и иных культурных связей населения Месопотамии с древними ариями). Ариев, пришедших в Индию с северо-запада, называют индоариями. Первоначально они пришли как мирные поселенцы, но все более наводняя плодородные равнины Пенджаба и верхнего Ганга, они вступали в конфликт с жившим в укрепленных поселениях коренным населением, становясь при этом завоевателями (так, в «Ригведе» есть описания вражеской крепости, которую осаждали арии, а главный бог Индра именуется Пурандарой (Разрушителем городов), кроме того, многие гимны «Вед» являются просьбами к богам о помощи в борьбе с врагами). Слово «арии» в санскрите означает «благородные, хорошего происхождения» и вероятно принадлежит самим завоевателям, тогда как коренное население Северной Индии в «Ригведе» именуется «млечхаса» (варвары) и «даса (дасью)» (враг). Впоследствии слово «даса» стало обозначать рабов, что, вероятно, является отражением обращения в рабство значительной части исконного индийского населения племенами ариев. Арии, предположительно, представляли собой более светлокожий, нежели исконные индийские племена, народ, что вместе с осознанием своей богоизбранности и силы привело к закреплению основ кастовой системы («варна» означает «цвет»; в более поздние времена вместо слова «варна» применяется слово «джати» – «рождение, род, положение, каста»). Тем не менее, впоследствии принадлежность к касте стала определяться не цветом кожи, а посвящением в тайны священного знания. Согласно «Ригведе», сохранившей указания на первоначальное расселение ариев на индийской территории, завоеватели изначально обосновались на территории от восточного Афганистана до долины верхнего Ганга, то есть они не дошли океана.

Восток и юг Индии они заселили позднее. Важнейшим культурным вкладом ариев в общий массив индийской культуры являются священные книги «Вед» (четыре сборника (самхиты) - «Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа», «Атхарваведа»). Эти тексты повлияли на формирование индуизма, становление философских школ и направлений, художественную культуру всех последующих периодов. Значение «Вед» для индийской культуры в целом настолько велико, что период с конца II до середины I тысячелетия до н.э. называют **«ведическим»**, который делится на «ранневедический» (период создания «Ригведы») и «поздневедический» (период создания остальных самхит, а также «Упанишад»). В **ранневедический** период арии были скотоводческими кочевыми племенами, разводили быков и коров, коз, овец, мулов, ослов, лошадей. Основными общественными единицами у них были семья и деревня. Группы деревень объединялись в округ, а округа – в племена. Действовал обычай первородства. Развивались ремесла – гончарное дело, деревообработка, текстильное дело (ткани делались из хлопка, шерсти, льна), металлообработка (известны медь, олово, свинец, железо). Находясь на более низком уровне развития, нежели коренное население, они, тем не менее, сумели поработить и вытеснить его. Арии быстро освоили земледелие, перенимая многое у покоренных народов. Широкое распространение получили ячмень, просо, овес, бобы, впоследствии – рис и кунжут. Известна меновая торговля, в которой единицей стоимости была корова; средством обмена, вероятно, служили также золотые ожерелья. Основными средствами передвижения были колесницы и повозки. Письменность в период создания «Ригведы» ариям не была известна, и важнейшие религиозные тексты передавались изустно. Врачевание не отделялось пока от магии. Религиозные верования древних ариев, насколько о них можно судить по «Ведам», отличалась простотой. Они обожествляли различные силы природы – гром, ветер, солнце, воздух, луну и т.д. В эпоху «Ригведы» насчитывается тридцать три божества. Важнейшие из них – Индра (бог дождя и грома; считалось, что он вызывает дождь и прекращает засуху), Варуна (бог неба, высшее божество ранневедического пантеона, нравственный руководитель других богов; вездесущий покровитель Вселенной, господин всех вод), Агни (особо почитаемый бог священного огня, доставляющий другим богам жертвоприношения), Сома (бог священного пьянящего напитка для ритуального использования, действие его дарует бессмертие и возносит к небесам; отождествлялся с Луной), Маруты (боги бури), Ваю и Вата (боги ветра), Рудра (бог грозы, грома и молнии) и др. Солнце почиталось как Митра (благоотворно действующее Солнце), Савитри (оживляющее Солнце), Сурья (Светоносное Солнце), Пушан (кормящее Солнце) и т.п. Позднее появляются более абстрактные божества – Шраддха (вера), Манью (гнев) и т.п. Уже в ранневедический период

появляются зачатки философии: в «Ригведе» имеются представления о мире как о достойном месте, лестнице в совершенствовании человеческой души, однако учение о переселении душ пока не развито. Последующая индийская культура, получившая название арийской представляет собой синтез культуры ариев и культур неарийских индийских племен. И индуизм, ставший влиятельным культурным феноменом, является результатом именно этого синтеза.

В **поздневедический период** арии распространяются по всей Индии. Наиболее сильные правители стали притязать на титул абсолютного правителя, выполняя главные военные и судебные обязанности. При этом преобладающей формой правления становится наследственная монархия. Происходит значительное ухудшение положения женщин, хотя они продолжают принимать участие в религиозных обрядах. Окончательно формируется кастовая система с четырьмя кастами: брахманы (учителя и наставники), кшатрии (правители, воины, защитники), вайшьи (ремесленники, торговцы), шудры (простолюдины, земледельцы). Основным занятием населения является земледелие, выращиваются рис, ячмень, пшеница и др. Быстро развивается ремесло (особенно металлообработка), расширяется торговля. Появляется слой наследственных торговцев, закладываются основы денежной системы. Тексты «Вед» по-прежнему передаются в устной традиции. Складывается индуизм, получающий распространение на всей территории Индии. Формируется философское учение о первопричине и творце (брахмане), о переселении душ, об определенности последующей судьбы суммой действий, совершенных в предыдущем рождении (карме), о возможности освобождения от дальнейших перерождений (мокше) и т.п. Создаются величайшие эпические произведения «Рамаяна» и «Махабхарата».

В середине I тыс. до н.э. на территории Индии складываются многочисленные государства на племенной основе, среди которых имеется 16 крупных (Магадха, Кошала, Аванти, Ватса, Каушамби и др.) с монархической и республиканской формой правления. В VI в. до н.э. Персидское государство Ахеменидов, расширяя свои пределы, сталкивается с индийскими племенами асвака и гандхара. Завоевательная политика Персии приводит к покорению значительной части Индии (северо-западный и восточный Пенджаб, Синд), включенной в державу Ахеменидов в качестве сатрапии, платившей огромную дань (около 360 талантов золотым песком) и поставлявшей воинов. Культуры Персии и Индии в этот период активно взаимодействуют (в частности, арамейская письменность повлияла на формирование широко распространенного алфавита кхароштки, персидское искусство повлияло на искусство эпохи Маурьев, персидские дворцовые обычаи определили некоторые ритуалы при дворе Маурьев). В VI в. до н.э. возникают джайнизм и буддизм. Буддизм

породил поклонение изображениям богов, чего не знала исконная религия ариев (впоследствии индуизм перенял статуи и храмы именно из буддизма), вызвал к жизни значительный массив литературы на разговорных языках, стал идейной основой своеобразного искусства. В V в. до н.э. государство Магадха, значительно укрепившее свое положение при правлении Бимбисары (582-554 гг. до н.э.) из династии Шайшунагов, завоевывает царство Кошала. В IV в. до н.э. Магадха становится ядром **государства Нандов**, объединившего все индийские государства в долине Ганга и часть центральной Индии.

В 327 г. до н.э. Александр Македонский, покоривший Персию и решивший продолжить завоевательную политику персидских царей, двинулся из Бактрии на северо-восток и вторгся в индийские области. По долине реки Кабул войска Александра Великого проникли до Инда и области Пятиречья. Некоторые племена и мелкие государства, находившиеся ранее под властью персидских царей, покорились и новым завоевателям, но некоторые из государств северо-западной Индии оказали ожесточенное сопротивление. Тем не менее, войскам Александра Македонского удалось одержать ряд блестящих побед и дойти до реки Гифазиса. Ввиду ослабления войска и его отказа продолжать длительный поход, Александр не решился сразиться с империей Нандов, и вынужден был уйти в 325 г. до н.э. из Индии, оставив на ее покоренной территории свои гарнизоны, чем способствовал приобщению Индии к эллинистической культуре. Это особенно сказалось в северной части западной Индии, где сложился особый эллинистически-индийский культурный стиль, хорошо просматривающийся в монетах и скульптуре (многие изображения Будды, относящиеся к периоду правления Канишки, созданы греко-бактрийскими скульпторами). В свою очередь, индийская культура оказала огромное влияние на развитие европейской философии и медицины.

Однако население Индии оказало греко-македонским гарнизонам сильнейшее сопротивление. Освободительное движение, которое привело в 317г. к их изгнанию с индийских земель, возглавил Чандрагупта (321-297 гг. до н.э.). Достоверных сведений о его жизни нет. Согласно одной легенде, он был незаконным сыном последнего представителя династии Нандов, по другой – был кшатрием, по третьей – шудрой. Предположительно, он выдвинулся в результате крупного народного восстания и, спасаясь от преследования властей, бежал в Пенджаб, где изучил военное дело эллинов. Впоследствии он же организовал и направил борьбу против династии Нандов, став основателем новой **династии Маурья**. В 305 г. до н.э. бывший военачальник Александра Великого Селевк предпринял попытку снова завоевать Индию, но потерпел поражение от Чандрагупты, уступив ему ряд областей Сирии. Завоевательные походы Чандрагупты и его

сыновей привели к образованию большого государства, включавшего в себя практически всю территорию Индии, за исключением крайних южных областей, где продолжали сохраняться независимые государства. Наибольшего расцвета империя Маурьев достигает при внуке Чандрагупты – царе Ашоке (268-231 гг. до н.э.), который считается одним из самых выдающихся правителей древней Индии. Этот царь под влиянием буддийского монаха Упагупты принял буддизм, и что, наверное, более важно – стал активным распространителем этой религии. Его деятельность во многом способствовала превращению буддизма в мировую религию посредством распространения его в соседних странах. В эпоху Маурьев в системе государственного управления важнейшее место занимал правитель, обладавший всей полнотой власти: он был верховным главнокомандующим, обладал высшей законодательной и судебной властью, осуществлял назначения на важнейшие государственные должности, определял общие направления политики. Из числа чиновников выбирались высшие министры (мантрины), помогавшие правителю в исполнении его функций. Управление в стране и судебные функции осуществляли чиновники. Страна была разделена на северную, южную, восточную, западную и центральную провинции, которыми управляли наместники (кумары), получавшие от правителя подробные инструкции. Определенные функции отводились и местному самоуправлению. Наказания за уголовные преступления были достаточно суровыми и не исключали членовредительских наказаний и смертной казни; гражданские дела решались на основе индусского права, изложенного в шастрах. Империя Маурьев обладала сильной армией, включавшей пехоту, кавалерию, боевых слонов, колесницы, флот. Была хорошо развита военная медицина и военное образование. Армия управлялась либо самим правителем, либо назначенным им главнокомандующим (сенапати). В это время развитие получила система налогообложения, в которой основное место занимали земельный налог, достигавший четверти урожая, пошлины с товаров, налоги с рудников и др. Как и в Древнем Египте, в Индии имелось специальное ведомство, управлявшее ирригационными работами и отвечавшее за сооружение и поддержание оросительных каналов. Успешно функционировало и ведомство общественных работ (дороги, мосты, источники питьевой воды и т.п.). В период Маурьев значительно укрепилось разделение на касты. Широкое распространение получило образование, сводившееся в основном к религиозному и литературному образованию, причем основным предметом считалась грамматика. Существовали крупные центры образования в Таксиле, Удждаине, Бенаресе. В религиозных верованиях популярным становится поклонение Шиве и Вишну. Главными религиями становятся брахманизм, буддизм, джайнизм. При этом буддизм занял

главенствующее положение в период правления Ашоки. В эпоху Маурьев, вероятно, были созданы «Артхашастра» Каутильи, каноническая книга буддизма «Катхаваттху», некоторые части «Махабхараты» и «Рамаяны». В это время были возведены многочисленные буддийские ступы (религиозные сооружения, строившиеся на месте захоронения останков Будды и буддийских святых и представлявшие собой куполообразные строения на круглом в плане основании), в т.ч. ступа Санчи около Бхопала. Искусство этого периода было по преимуществу придворным и не всегда соответствовало народным традициям.

После смерти Ашоки, при его внуках Дашаратхе и Сампрати, происходит ослабление империи. Последний правитель из династии Маурьев, Бхрихадратха, был убит военачальником Пушьямитрой Шунга в 184 г. до н.э. Шунга стал основателем **династии Шунгов**, правившей более ста лет. В это время начинает возрождаться ведическая религия (в том числе и жертвоприношения), в котором выделяются два основных направления – вишнуизм (бхагаватизм) и шиваизм. Тем не менее, буддизм и джайнизм также продолжали развиваться. Широко распространяется санскрит. К памятникам архитектуры и искусства эпохи Шунгов относятся знаменитая вихара (монастырь) в Бхадже, чайтьи (пещеры для богослужения, молитв и размышлений) в Насике и Аджанте, ступа в Амаравати, колонны Гаруды в Беснагаре и др.

Династию Шунгов сменила династия Канвов (75-30 гг. до н.э.). На юге утвердилась андхрская династия Сатаваханов. Во II – I вв. до н.э. ряд территорий северо-западной Индии находился под властью греков, скифов, а позднее – парфян.

В I в. н.э. на севере Индии возникает огромная **Кушанская империя**, завоевавшая часть Афганистана, Центральной и Средней Азии. Наиболее известным правителем Кушанской империи был полупоупендарный Канишка, считающийся ярым сторонником и покровителем буддизма. При кушанах широко распространяется одна из форм буддизма – махаяна. Высочайшего развития достигает искусство, литература, философия. В это время живут и творят Ашвагхоша (автор таких известнейших произведений как «Буддачарита», «Важрасучи», «Сарипутра-пракарана»), знаменитый буддийский теолог Васумитра, автор многочисленных трудов по медицине Чарака. С развитием махаяны связано возникновение гандхарской школы в изобразительном искусстве, учитывавшей не только индийские традиции, но и эллинистически-римское искусство, чем объясняется стремление к реалистичному изображению человеческого тела. Таковы скульптурные изображения Будды и бодхисатв, найденные в Таксиле. Однако власть кушан над индийскими землями была недолгой, и уже к III в. н.э. им принадлежали лишь незначительные области по среднему течению Инда.

На юге Индии в I-V вв. н.э. существовал ряд самостоятельных государств, но сведений о них мало.

В IV в. н.э. Магдха снова становится ядром нового государственного образования – **империи Гуптов**, которая существовала до VI в. н.э. Время правления Гуптов нередко называют культурным возрождением Индии. Значительного развития достигает экономика и торговля, в т.ч. и торговые связи с Западом. Правитель сосредотачивал в своих руках административную, военную, судебную власть. Все наместники, губернаторы, чиновники назначались им и были подотчетны ему. Государственное управление осуществлялось разнообразными ведомствами. Основным источником государственных доходов по-прежнему оставался земельный налог. Происходят значительные изменения в религиозных верованиях. В индуизме распространение получает культ бхакти, предполагающий веру в олицетворенное божество (Шиву, Вишну и т.п.), поклонение скульптурным изображениям божеств, набожную любовь и преданность богу. Окончательной канонизации подверглись священные книги, в индуизм были привнесены элементы буддизма и джайнизма. Начинает широко распространяться вишнуизм. Крупнейший центр индуизма существовал в Мадхьядеше. Гупты, являвшиеся сторонниками брахманизма, были исключительно терпимы по отношению к буддизму и джайнизму. Важную социокультурную роль играли центры буддизма в Аджанте, Эллоре, Бхадже, Каушамби, Матхуре. Работали выдающиеся буддийские мудрецы и философы – Асанга, Дигнага, Кумараджива. В период Гуптов были утверждены исправленные джайнские священные тексты. В период Гуптов работали выдающиеся индийские литераторы – Калидаса, Ватсабхатти, Субандху и др. Значительного развития достигает наука. В математике введены представления о нуле. Астроном Арьябхатта установил причины затмений и заявил о вращении Земли вокруг Солнца. Знаменитый астроном и математик Брахмагупта задолго до Ньютона высказал предположение о существовании земного тяготения. Огромных успехов достигла индийская медицина. Небывалый подъем переживало искусство. К вершинам индийской скульптуры относятся изображение стоящего Будды, найденное в Матхуре, скульптура сидящего Будды, найденная в Сарнатхе, скульптурные сюжеты храма в Деогархе. Созданы прекрасные архитектурные сооружения – храмы в Бхитаргаоне, Деогархе, Тигаве, Начна-Кутхаре, пещерные храмы Аджанты и Эллары и др. Настенные фрески пещер Аджанты в Хайдарабаде являют собой высочайший взлет индийского живописного гения. Высокого развития достигает музыка и искусство танца. Изящество, утонченность линий и высокая духовность создают особый стиль искусства эпохи Гуптов.

После падения гуптов в Северной Индии наступил период политического распада. В результате возник ряд мелких государств.

При правлении Харши (606-647гг. н.э.) в Северной Индии вновь была создана мощная империя. Со смертью Харши последовал распад империи, с чем принято связывать конец древней истории Индии и начало средневековья.

В середине VII в. попытку вторжения в Индию предприняли арабы, но потерпели поражение. Тем не менее, в первой четверти VIII в. Мухаммед ибн Касим завоевал Мультан и Синд. Окончательно мусульманское правление в Индии было установлено Шихабом уд-дином Гури (1175-1206). После его смерти наместник Кутб уд-дин Айбек положил начало **династии Гулямов (1206-1290)**. Установился так называемый Делийский султанат. Мусульманское завоевание Индии имело огромные социокультурные последствия для Индии: произошел синтез исконной индийской и мусульманской культур. Возник особый религиозный феномен – индийские мусульмане, создавшие собственных богов, мифы и легенды, обычаи и церемонии, определенные влиянием индийских культурных традиций. Мусульмане восприняли сложившуюся в Индии систему образования и научные достижения индийских ученых. С течением времени некоторые идеи ислама были восприняты индуизмом. Начала развиваться литература на национальных языках, многие работы были переведены с санскрита на персидский язык, возникли произведения по истории Индии на персидском языке, являющиеся сегодня ценными историческими источниками. Мусульмане познакомили Индию с бумагой. Синтез с особой яркостью проявился в художественной культуре, где декоративность и пышность индийского канона сочеталась с простотой и строгостью мусульманского. В архитектуре Индии появились арки, минареты, купола, сложные геометрические орнаменты. В период Делийского султаната были созданы такие выдающиеся образцы мусульманской архитектуры как Кутб Минар, мечеть Кувват уль-ислам в Дели, мечеть Дхаидин ка Джхонпра в Аджмире.

В 1526 г. Захир уд-дин (Бабур) нанес поражение Делийскому султанату, положив начало правлению **Моголов**. «Золотым веком» могольского периода было правление Шах-Джахана (1627-1658гг.), во время которого был заложен город Шахджаханабад, построены Тадж Махал, Ранг Махал, Джами Масджид, Моти Масджид, разбиты парки в Дели, Агре, Кашмире, Лахоре.

В 1498 г. Васко да Гама высадился в Калькутте, и с этого момента начинается проникновение европейцев (португальцев, голландцев, французов, англичан) в Индию. До начала XVII в. доминирующее положение в торговле занимали португальцы, однако после создания в 1600г. английской Ост-Индской компании Англия заметно потеснила их, добившись привилегий от Моголов. С середины XVII в. в борьбу за господство в Индии включилась Франция. В середине XVIII в. Англия и Франция вели Карнатакские войны за

контроль над южной Индией, победа в которых была за англичанами. К 1856г. вся территория Индии в результате продолжительной военной борьбы оказалась под властью Британской империи. Крупнейшее антиколониальное восстание 1857-1859 гг. было жестоко подавлено. Добиться независимости Индии удалось только в 1947 г. (английское правительство предоставило независимость, разделив страну на два доминиона – Индийский Союз и Пакистан). В 1950г. Индийский Союз стал республикой.

С поражающей воображение индийской культурой мы знакомимся еще в детстве, когда с упоением читали вдохновенные строки «Книг Джунглей» Р.Киплинга о полной чудес жизни Маугли или сказку о неутомимой борьбе маленького мангуста Рикки-Тикки-Тави с Нагом и Нагайной, когда с замиранием сердца следили за восьмидесятидневным путешествием Филиаса Фога у Жюль Верна или переживали сюжеты прекрасных индийских сказок, где золотая антилопа наказывала раджу за жадность и жестокость. Детское воображение за, казалось бы, простыми строками Мудрости Джунглей улавливало глубинную мудрость древнего народа:

Сколько ни дашь им – всё будет мало,
ибо они ненасытны от века:

Коршуна клюв и утроба шакала,
лапа мартышки и глаз человека¹.

Наверное, еще тогда формировалось неповторимое чувство соприкосновения с чудом и тайной. Вряд ли стоит говорить, что никакое углубление в историю культуры этой великой страны не может истребить ощущение ее загадочности и некоторой таинственности, свойственное не только представителю европейской цивилизации, но и самим носителям индийской культуры. Эту рационально не объяснимую непостижимость глубин индийской истории и культуры великолепно выразил Джавахарлал Неру: «В ней есть что-то неуловимое, что-то от древней легенды. Кажется, что какие-то чары владеют ее душой. Она – миф и идея, мечта и видение и в то же самое время нечто совершенно реальное, осязаемое, осязаемое. Здесь можно увидеть и пугающие очертания темных коридоров, как будто бы уводящих назад, в первобытную ночь, но

¹ Киплинг Р. Маугли. Пер. с англ. Н.Дарузес. Стихи в пер. Н.Голя. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 280 с. С. 179.

здесь же можно почувствовать и полноту и теплоту дня. Временами она, эта дама с прошлым, ведет себя скандально и бывает отталкивающей, несговорчивой и упрямой, а подчас даже немного истеричной. Но она в высшей степени достойна любви, и никто из ее детей не может забыть ее, куда бы ни забросила их судьба и какая бы необыкновенная участь ни выпала на их долю»¹. Наверное, именно загадочность и неповторимость культуры Древней Индии заставляла ученых обращаться к ее исследованию.

Первая, наиболее яркая особенность индийской культуры – удивительное многообразие ее феноменов, и вместе с тем, ощущение целостности и единства всей культурной жизни в совокупности. Здесь можно встретить неповторимое климатическое разнообразие (от ледяного холода Гималаев до невероятной жары пустыни Раджастхана), множество этнических групп (хиндустанцы, телугу, бихарцы, бенгальцы, маратхи, тамилы, гуджаратцы, каннара, малаяли, раджастханцы, ассамцы, пенджабцы), массу языков (более 250 диалектов и 14 основных языков), религиозных верований (индуизм, буддизм, джайнизм, сикхизм, ислам, зороастризм, христианство), художественных стилей. И все же в этой многокрасочной палитре культурного полотна легко угадывается глубокое внутреннее единство, целостность жизни всего населения, позволяющее безошибочно выделять культуру Индии из всего многообразия мировых культурно-исторических типов. За разрозненностью и фрагментарностью открывается связанность в некую глубинную структуру, подчиненность общему началу. И вместе с тем, оказывается чрезвычайно трудно уловить объединяющий принцип этой интуитивно схватываемой целостности. В качестве такого принципа знатоки индийской культуры предлагали самые различные явления – религию индуизма (М.Сринивас), мировоззренческое стремление к поиску «подлежащего единства вещей» (С.Вивекананда), «непрерывную сеть» культурной деятельности – песни, танцы, религиозные повествования и ритуалы, скульптуру и живопись (М.Сингер) и др. Сегодня ясно, что «ни один из аспектов этой культуры, взятый в отдельности, - ни религия, ни язык, ни искусство, ни социальная система – не могут служить объединяющим принципом, но все вместе они составляют то сочетание внутреннего единства и многообразия форм, которое является одной из

¹ Неру Дж. Открытие Индии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. С.620.

важнейших черт культуры Индии»¹. И в этом смысле, основу целостности следует, видимо, искать в глубинных структурах мировоззрения, для которого с древнейших времен была свойственна идея единства. Она охватывала не только стремление к политическому единству под властью одного правителя, религиозной общности или языковому единообразию, но включала в себя гораздо более широкое представление о сущностном единстве внутреннего мира и внешней деятельности, человека и природы, о неискоренимом единстве времен – прошлого, настоящего и будущего. Как знать, может быть, в восприятии времени единым потоком, в ощущении плавности перехода от прошлого к настоящему и будущему, в осознании краткости нынешнего мгновения, тысячью невидимых нитей связанного с жизнью предшествующих и будущих поколений, в видении целостности мира следует искать основу внутреннего единства индийской культуры. Именно здесь находятся истоки традиционализма индийской культуры, объединяющего ее с культурой Древнего Китая.

Бережное и уважительное отношение к традиции – еще одно важнейшее свойство индийской культуры. Однако традиционализм не следует понимать как косность, статичность, отсутствие развития и творческого поиска, безоговорочное и неосмысленное следование авторитету. Вряд ли можно сказать, что Индия, породившая множество философских школ, идеями которой длительное время питалась европейская философия, Индия, выработавшая новые художественные стили посредством синтеза местных традиций и культурного опыта завоевывавших ее народов, ставшая родиной одной из мировых религий – буддизма, давшая простор различным типам социально-политического устройства, была омертвелой и нединамичной. Традиционализм ее выражался в особом характере происходящих культурных процессов и самом способе существования культуры, предполагающем сохранение культурного ядра и индивидуальности, преемственность основных ценностей, уважительное отношение к культурному наследию, веру в авторитет прошлого. То, что было опытом прошлых поколений, не забывалось по мере ухода из непосредственного использования, а становилось культурной традицией, скрытой энергией, запасом выработанных

¹ Шапинская Е.Н. Индийская культура / Очерки по истории мировой культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С.93.

способов решения социокультурных проблем, достоянием, которое может быть вновь использовано на каком-то новом витке культурного развития страны. Прошлое было истоком и одновременно моментом возможного возвращения в черед сменяющихся исторических этапов, а потому возвеличивалось и сакрализовалось. Посредством обращения к традиции, осуществлялась преемственность сменяющих друг друга поколений и культурных типов, при которой ни одна из существовавших на индийской земле культур не проходила бесследно.

Преемственность характеризует индийскую культуру с древнейших времен. И даже исчезнувшие культуры долины Инда оставили в ней свой осязаемый след, продолжая жить не только в обычаях дравидских этнических типов современной Индии, но и в величайшем культурном синтезе народа долины Инда и арийских племен, ставшем основой всей древнеиндийской культуры. Цивилизации долины Инда – Хараппа и Мохенджо-Даро – возникли задолго до того, как на территорию Индостана проникли арийские племена. Эти крупные города малоизученной культуры долины Инда (Индской культуры) расположены на значительном расстоянии друг от друга и, как многие выдающиеся археологические находки, были обнаружены совершенно случайно. Вероятно, это были наиболее крупные города единой индской цивилизации, остатки которой обнаружены и в других районах современной Индии (Катхиавар, Амбала). Сегодня невозможно с полной достоверностью определить, когда эта культура возникла, была ли она исконно индийской или ее принесли с собой переселенцы, каков был точный этнический состав ее населения, в чем причины ее гибели. Ряд исследователей придерживается мнения, что населявший ее народ был родственен шумерам, другие считают население Хараппы и Мохенджо-Даро дравидскими. Современные археологические находки позволяют с точностью сказать, что Индская культура относится к 2800-2500 гг. до н.э., и тот уровень, на котором ее постигла гибель, позволяет сделать вывод о длительном развитии, предшествовавшем этому моменту. По мнению большинства исследователей, культура Хараппы и Мохенджо-Даро является современницей Древнего Египта и Древнего Двуречья то есть может быть причислена к древнейшим очагам культуры на Земле. Между долиной Инда, Египтом, Месопотамией существовали обширные торговые связи. В Аккаде,

возможно, существовала даже индская торговая колония. Товары из долины Инда попадали на рынки Двуречья. В Египте и Шумере найдены многочисленные печати из Мохенджо-Даро с характерными изображениями животных. С другой стороны, в долине Инда воспроизводились предметы искусства Шумера. Существует предположение, что именно Индская культура познакомила мир с производством и использованием хлопка. Многие – пиктографическая письменность, гончарное дело, искусство строительства и планировки городов – объединяло цивилизацию долины Инда с Древним Египтом и Месопотамией.

Мохенджо-Даро и Хараппа представляли собой большие, хорошо спланированные города. Широко распространены здесь были украшения (ожерелья, браслеты, кольца из золота, серебра, слоновой кости, фаянса), которые носили как женщины, так и мужчины (возможно, что в Хараппе мужская половина населения украшения не использовала). Большим разнообразием отличаются и использовавшиеся сосуды – одноцветные и расписанные красной охрой, с геометрическим рисунком и изображениями растений, птиц, зверей. Здесь обнаружены различные орудия труда и предметы повседневного обихода – топоры, ножи, пилы, серпы, рыболовные крючки, иголки, бритвы. Людям Индской культуры было знакомо искусство изготовления детской игрушки. Разводили здесь многочисленных домашних животных – свиней, быков, овец, собак, слонов, верблюдов, но, по-видимому, не знали лошади, которая была хорошо известна арийским племенам, пришедшим впоследствии в долину Инда. Жители Хараппы и Мохенджо-Даро возделывали пшеницу, ячмень, просо, употребляли в пищу плоды финиковой пальмы. Широко распространено было домашнее прядение. Надписи на многочисленных печатях указывают на знание пиктографического письма, которое пока не удается расшифровать. Если пытаться как-то описать религиозные представления, характерные для людей существовавших в долине Инда культур, то следует отметить наличие культа богини-матери, по-видимому, считавшейся источником всего живого, изображения которой обнаружены на печатях, керамике, амулетах. Кроме того, почитали здесь мужское божество, изображавшееся на печатях в позе йога и в окружении зверей. Достаточно вероятным кажется предположение о том, что образ этого бога мог быть основой дальнейшего индуистского культа Шивы

(известно, что Шива нередко именуется «Великим йогом» и «Господином зверей»). В долине Инда почитали также разнообразных животных: существовал культ змеи, голубя, быка, тигра, крокодила и др. Возможно, распространен здесь был анимизм с его священным отношением к окружающему миру – животным, растениям, рекам. В Мохенджо-Даро в «цитадели» обнаружены круглые каменные оградки, в которых, согласно мнению археологов, росли священные деревья.

Найденные материальные образцы культуры в долине Инда позволяют сделать вывод не только о высоком уровне развития существовавшей цивилизации, но и о ее превосходстве в некоторых отношениях над Египтом и Месопотамией. Здесь заботились о благоустройстве города и удобстве населения так, как нигде более в это время. В городах не было огромных храмов, усыпальниц или роскошных дворцов, зато обнаружена система канализации, по которой грязная вода отводилась за пределы города, имелись здесь частные и общественные бани. Достаточно удобными и совершенными для того времени были дома простых жителей (двух- и трехэтажные, с внутренними двориками, купальнями, водостоками, помещениями для сторожей). Многие свидетельствуют о распространении найма жилых помещений. В Мохенджо-Даро на территории «цитадели» находились зернохранилище и крытый рынок, что, видимо, является свидетельством тесной связи верховной власти с торговлей и огромной роли последней в перераспределении прибавочного продукта. Следует также обратить внимание на самобытный характер индского искусства, которому по изяществу форм нет аналогов вплоть до античности. В Мохенджо-Даро и Хараппе были найдены фигурки баранов, быков, собак. Особо впечатляют изображения горбатых коротконогих быков, выполненных с прекрасным чувством пластической формы. Не менее примечательны немногочисленные человеческие фигурки – бронзовая фигурка танцовщицы, фрагмент каменной статуэтки мужчины в богатых одеждах из Мохенджо-Даро, каменный торс мужчины из Хараппы. Выразительная форма и чувство линии позволяют причислить их к лучшим образцам древней культуры.

Каким бы странным это ни показалось, культура долины Инда, столь не похожая на культуру занявших впоследствии доминирующее положение ариев, не исчезла бесследно, а оказала существенное

влияние на последующее развитие Индии. С достаточной долей уверенности можно говорить о том, что здесь находятся истоки поклонения образам и символам божеств, приношения цветов, фруктов и воды богам во время богослужения, чего не знали арии. Из долины Инда происходит, по всей видимости, культ Шивы и Шакти, йогическая практика, заклинания. Считается, что ряд до сегодняшнего дня сохранившихся обычаев – дружественные отношения жены с младшим братом мужа, использование в качестве одеяния цельного куска хлопчатобумажной ткани и искусство его ношения, брачные обряды и ритуалы, употребление в пищу творога и топленого масла – происходят из Хараппы и Мохенджо-Даро, ибо всего этого не знали пришедшие в Индию арии. Кроме того, отсюда пришло искусство мореплавания и судостроения, строительства и планирования городов. В достаточно высокоразвитой художественной культуре долины Инда закладывались основы древнеиндийского изобразительного канона. «На плечах каменного мужского торса из Хараппы имеются отверстия – пазы, приготовленные для прикрепления рук. Необычно только, что этих отверстий – две пары. Вероятно, они предназначались для двух пар рук. В этой связи заметим, что в дальнейшем развитии индийского искусства появится характерная тенденция указывать на определенные качества и функции, приводящая к преувеличению и преобразению естественных форм, первоначально изображавшихся близко к натуре. Эта тенденция обусловит создание в более позднем индийском искусстве диковинных образов божества, наделенных множеством голов, рук и ног, а в области композиции – тяготение к ритмизации и декоративному умножению отдельных фигур в целые группы»¹. Все это приводит к выводу о том, что древняя культура долины Инда, по непонятным причинам пришедшая в упадок, создала ту основу, ту ткань, на которую прекрасно ложились узоры арийских обычаев и религиозных верований, и которая в совокупности с ними породила неповторимый дух индийской культуры.

Однако все это отнюдь не значит, что несомненно находившиеся на более низкой стадии развития арийские племена по достоинству оценили достижения цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро. Напротив, литературные памятники донесли до нас отголоски явно пренебрежительного и презрительного отношения к неарийским

¹ Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1978. С.20.

народам. Так, в восьмой книге «Махабхараты» – «Карнапарве» есть описание «осквернивших дхарму»¹ бахликов, неарийского племени, вероятно, связанного с этносом цивилизации долины Инда: «И послушай, открою тебе, что тот благочестивый брахман еще рассказал о диких бахликах: “В многолюдном городе Шакале каждую четырнадцатую ночь темной половины месяца ракшаси [вероятно, маскированный персонаж, подававший начало празднеству] поет, ударяя в барабан: “Когда же вновь заведут громкие песни в Шакале, насытившись говядиной, напившись хмельного гауды?” Наряженные, вместе с пышнотелыми, светлокожими женщинами они пожирают в обилии баранину, заедая луком и (клубнями растения) гандуша. “Те, кто не едят свинины, говядины, птицы, мяса ослов и верблюдов, а также баранины, - зря живут на свете!” – так, опьянев от вина, приплясывая, поют и стар и млад из жителей Шакалы. Откуда же взяться среди них благодравью?!”»² Вряд ли стоит слишком строго судить ариев за их отношение к чужому как к скверне: такое отношение к инородному было свойственно многим древним народам.

Переселение ариев в Индию шло постепенно. Они, вероятно, пришли как мирные переселенцы, и в период «Ригведы» их территория ограничивалась Пенджабом и Северо-западным пограничным районом. Постепенно они смешивались с местным населением, продвигаясь все далее на восток. Поскольку территория Индии к этому моменту уже была заселена, продвижение арийских племен далеко не всегда было беспрепятственным: в «Ригведе» есть описания борьбы между правителем арийского племени бхаратов Диводасой и вождем дасью Самборой. Когда арии значительно продвинулись на восток Индо-Гангской равнины, там образовалась монархия бхаратов. Согласно «Ригведе», развернулась борьба правителя бхаратов Судасы с десятью царями более ранних арийских поселенцев, которые по преимуществу были «чистыми ариями». В новой же монархии бхаратов население не было однородным и включало в себя неариев. Это был один из первых опытов соединения

¹ Дхарма – высший закон мироздания и принцип следования этому закону, т.е. добродетель; отдельная дхарма – вытекающий из общего закона долг, следовать которому обязан человек или сословие.

² Махабхарата. VIII. 30. 27-33./ Цит. по: Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). Пер. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М.: Наука, 1990. С.111.

арийских и коренных племен, что положило начало ассимиляции двух культур, которая имела своим результатом древнеиндийскую цивилизацию, сохранившую наследие еще более древних культур.

Пришедшие арийские народы несли с собой не менее самобытную культуру, хотя, безусловно, находившуюся ко времени их проникновения на территорию Индии, на более низкой ступени развития, нежели Индская культура. В основе их общественной организации лежала семья, несколько семей составляли деревню. Существовало множество арийских племен – ану, друкью, пуру, турваса, яду и др. Преобладающей формой правления была монархия (по преимуществу наследственная). Определенными полномочиями по решению общих дел племени обладало и народное собрание (самити), в достаточной мере ограничивавшее власть правителя. У ариев существовало уважительное отношение к женщине, которая по уровню интеллекта не уступала мужчине. Причем, уже в ведическую эпоху наметился обычай свайямвара (выбор жениха самой невестой). Основным видом занятий было сельское хозяйство. Богатство определялось количеством коров, которые также служили единицей стоимости. Индоарии, как и все древние народы, поклонялись природным силам – солнцу, дождю, небу, воде. Имена некоторых арийских богов восходят к древнеперсидским (Индра, Чандра, Варуна, Совитар). У ариев существовали представления о переселении душ, посмертном существовании. Вряд ли можно назвать еще какой-нибудь элемент арийской культуры, который бы оказал столь значительное влияние на последующее развитие индийской культуры, как религиозные верования и священные книги «Вед».

«Веды» в культуре ариев играли огромную роль (думается, что название длительного исторического периода в развитии индийской культуры «ведическим» прекрасно отражает их значение): их влияние значительно превосходило роль простого религиозного писания, ибо они были важнейшим элементом культурной трансляции. Именно передача сакрального знания, содержащегося в этих священных сборниках, в устной форме от учителя (гуру) к ученику способствовала оформлению индийской культуры в качестве традиционной, где преобладает канон, где существует уважение к авторитету прошлого, в том числе и к авторитету гуру, обладающего способностью проникать в божественную истину и передавать ее.

Наверное, можно смело сказать, что образ духовного наставника, святого человека гуру является символической фигурой для Индии. В процессе трансляции «Вед» от учителя к ученику возникала удивительная сопричастность душ, благодаря которой знание предшествующих поколений становилось достоянием настоящего. Так изначально передавались религиозные, философские, эстетические трактаты, научные сведения, эпические поэмы. И ядром этого сакрального Текста были «Веды».

Наиболее древняя ведийская литература восходит ко II тысячелетию до н.э., но письменная ее фиксация появилась значительно позднее. «Веды» (от санскр. корня «vid» – «знать»; этот же корень в русском слове «ведать») – древнейшие сборники исполняемых при жертвоприношении гимнов. В совокупности все тексты ведийской традиции называются «Шрути» – полученные через «слышание», то есть благодаря божественному откровению. Изначально «Веды» состояли из трех сборников (самхит) – «Ригведы», «Самаведы», «Яджурведы». Древнейший из них – «Ригведа» – датируется концом II тысячелетия до н.э. и представляет собой собрание гимнов, обращенных к божествам и исполнявшихся во время жертвоприношений. Она состоит из 10 книг (мандал, букв. «кругов») и содержит 1028 гимнов. Рабиндранат Тагор называл гимны «Ригведы» поэтическим свидетельством «коллективного выражения народного восторга и благоговейного ужаса перед жизнью». «Самаведа» («Сборник напевов») – собрание гимнов по преимуществу из «Ригведы» с указаниями по их правильному исполнению (интонацией, ударениями, паузами). «Самаведа» представляла собой «инструкцию» для удгатара – жреца, обязанного исполнять гимны во время жертвоприношений. «Яджурведа» («Веда жертвенных формул») посвящена описанию древнего ритуала жертвоприношения, в состав которого и должны были входить религиозные гимны. «Яджурведа» предназначалась для жреца адхварью, исполнявшего этот ритуал. Позднее была канонизирована и включена в качестве четвертой в состав «Вед» «Атхарваведа» – собрание древних магических заклинаний и заговоров, относящееся к началу I тысячелетия до н.э. В ней есть заклинания на приобретение мужа, против сглаза, против проклинающего, от болезней и несчастий. Вот, например, отрывок из заговора от кашля:

Как мысль с помощью представлений

Стремительно улетает прочь,
Так пролети ты, кашель,
По просторам мысли!
Как хорошо отточенная стрела
Стремительно улетает прочь,
Так пролети ты, кашель,
По склону земли!¹

Структурно каждая из «Вед» состоит из самхиты (собственно гимнов, а для «Атхарваеды» – заклинаний и заговоров) и брахмана («объяснения Брахмана»; прозаического трактата, объясняющего ритуальные понятия гимнов, содержащего предписания и примеры). Брахманы относятся к X-VII в.в. до н.э. В составе брахманов выделяют особо араньяки (от «аранья» – «лес»; они считались настолько священными, что их чтение допускалось только в лесу, т.е. предназначались для отшельников) – последние книги, включающие в себя философские доктрины, толкования мистических обрядов и аллегорий самхит. К араньякам тесно примыкают упанишады (включены в араньяки или образуют приложения к ним; название происходит от глагольной основы «упа-ни-шад» – «сидеть подле» /наставника/) – эзотерическое знание, передаваемое от учителя к ученику из уст в уста, посвященное проблемам всемирной души, абсолюта, происхождению вселенной и т.д. Каноническими признаются 108 упанишад, созданных в период с IX-VIII вв. до н.э. по XIV-XV вв. н.э. Упанишады, являющиеся по сути философским дискурсом, оказали существенное влияние на развитие древнеиндийской мысли.

Значение «Вед» для истории культуры огромно. Прежде всего, она заложила основы индуизма, который оказал сильнейшее влияние на жизненный уклад, художественную культуру, обычаи Индии и который сегодня разделяют 83% индийцев. При этом следует отметить, что индуизм является не только основной религией современной Индии, но и специфически индийской религией, поскольку 95% всех исповедующих индуизм людей проживают в Индии. Основы же его следует искать именно в «Ведах», из важнейших религиозно-философских положений которых сформировались индуистские догматы. Ведийская религия,

¹ Атхарваведа: Избранное. Пер. Т.Я.Елизаренковой. М.: Наука, 1977. С.65.

заложившая основы индуизма, была крайне политеистичной: в «Ведах» упоминаются 3339 богов, из которых 33 основных.

Арии выделяли три важнейших сферы – воздух, небо и землю, разделяя всех богов на группы в зависимости от сферы их обитания: боги воздуха (Ваю - ветер, Рудра-Шива - гроза, Индра - молния, гром), боги неба (Сурья-солнце, Ушас-заря, Варуна-вода), боги земли (Агни - жертвенный огонь, Сома – священный хмельной напиток). Самым популярным и широко почитаемым богом был Индра, именуемый нередко «царем богов». Ему посвящено огромное число гимнов «Ригведы»:

Пой могучему, могущественному, полному могущества!
Возвеличивая, славь прислушивающегося Индру,
Который дерзкой силой покоряет оба мира,
Мужественный бык – (своей) мужественной природой¹.

Индра совершает множество подвигов, важнейший из которых – битва с Вритрой – заградителем небесных вод. Безногий и безрукий, гигантский дракон Вритра возлег на горах, свернувшись в девяносто девять колец. Он закрыл пути течению рек, поглотил все их воды и заключил их в своем чреве, вырастая ежедневно в каждую сторону на длину полета стрелы и грозя поглотить всю вселенную, и богов, и все живые существа. Боги уstraшили и воззвали к Индре, призывая его стать во главе небесного воинства в борьбе против змея Вритры. Но шипение дракона и пламя из его пасти уstraшили богов, которые отступили, покинув Индру. На поле боя вместе с Индрой остались лишь боги бури Маруты и Вишну. Вритру проглотил Индру, после чего заснул. Тогда бог Шива подослал к змею Зевоту, что помогло Индре освободиться. «Вишну вложил силу в оружие Индры. Широко размахнувшись, отважный победитель асуров нанес Вритре страшный удар своей ваджрой и рассек ему голову. Небо содрогнулось от рева смертельно раненного дракона. Самого Индру объял страх, и он бежал без оглядки за девяносто девять рек, на самый край света, и там, не зная еще, поразил ли он своего врага насмерть, спрятался в озере, в стебле лотоса. И все боги попрятались в страхе, и никто не смел приблизиться к дракону. Наконец, Индра послал Марутов разведать, жив ли Вритра, и те пошли и узнали, что Вритра, мертвый, лежит, распростершись на земле. Воды, плененные в его чреве, вырвались на свободу и устремились к океану... Это был

¹ Ригведа. Мандалы I-IV. Пер. Т.Я.Елизаренковой. М.: Наука, 1989. С.70.

величайший подвиг Индры...»¹ В ранневедический период верховным богом считался Варуна, который почитался не только как небесное божество вод, но и как устроитель мирового порядка, нравственный руководитель, вездесущий правитель вселенной. Большое значение имел Рудра («Ревун»), который является прототипом Шивы. Он олицетворял грозные, разрушительные, губительные силы природы – небесный огонь, грозу. Впоследствии (в поздневедический период) он все чаще будет именоваться Шивой (Благосклонным) и почитаться как верховный бог (Махадева). Важнейший бог арийской религии – Агни, олицетворение священного огня. По значению он уступал только Индре и представлялся посланником, доставлявшим богам жертвоприношения людей:

Вашего вестника вездесущего,
Относящего жертвы, бессмертного,
Я превозношу в (своей) песне как лучшего жертвователя.
Это он знает вместилище добра,
Великий знает подъем на небо.
Пусть привезет сюда он богов!²

Важность огня вполне объяснима: обряд жертвоприношения заключался в том, что молоко, зерно, мясо, топленое масло, сок сомы бросали в огонь под пение гимнов «Ригведы». Такое простое жертвоприношение должно было обеспечить благорасположение богов. Храмы, по-видимому, не строились, и жертвоприношения совершались на открытом месте. Не было также алтарей, божественных изображений, наследственных жрецов. В ранневедической религии отсутствовала божественная иерархия, и каждый из богов мог периодически выступать в качестве высшего бога, лучшего благодетеля людей, а потому то божество, к которому обращен гимн, называется самым могущественным из богов. Кроме того, в арийском пантеоне преобладали мужские божества, женские же занимали подчиненное положение (в отличие от религиозных представлений, существовавших в Хараппе и Мохенджо-Даро, для которых свойственно почитание богини-матери). В «Ригведе», особенно в ее поздних гимнах, обнаруживается тенденция к монотеизму: «Боги – это один и тот же бог, только мудрецы описывают его разными именами» («Ригведа», I, 164, 46).

¹ Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. М.: Наука, 1982. С.37-38.

² Ригведа. Мандалы I-IV. Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. С. 369.

Имеются и более глубокие философские откровения о том, что все сущее произошло из несущего, явное – из неявного (Х, 72, 2). Так зарождаются первые философские представления, которые впоследствии будут разработаны в упанишадах. В поздневедический период формируется представление о Брахмане – первопричине, всеобщей душе и абсолюте, который обитает во всем и руководит всем сущим. Постепенно начало складываться учение о переселении душ (пунарджанма), согласно которому душа после смерти переходит в другое тело до тех пор, пока, избавившись от всех пороков, не сольется с мировой душой. Формировалось также и соответствующее представление о карме (буквально – «деянии»), в соответствии с которым статус и судьба человека в нынешнем рождении определены совокупностью действий, которые он совершил в своем прежнем рождении. Освободиться от цепи перерождений и слиться со всеобщей душой можно только одним способом – достигнув состояния мокши, где отсутствует смерть и рождение и которое является высшим идеалом и целью духовных исканий. Формируется философское представление об Атмане – верховной субстанции вселенной, «не-эмпирическом», подлинном «Я» человека.

Все эти идеи и нашли закрепление в упанишадах. К примеру, в «Брихадараньяка-упанишаде» описывается начало мира: «Вначале [все] это было лишь Атманом в виде Пуруши¹. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. И прежде всего он произнес: “Я есмь”. Так возникло имя “Я”. Поэтому и поныне тот, кто спрошен, отвечает сначала: “Я есмь”, а затем называет другое имя, которое он носит. Перед началом всего этого он сжег все грехи, и поэтому он Пуруша. Поистине, знающий это, сжигает того, кто желает быть перед ним. Он боялся, поэтому [и поныне] тот, кто одинок, боится. И он подумал: “Ведь нет ничего, кроме меня, – чего же я боюсь?” И тогда боязнь его прошла, ибо чего ему было бояться. Поистине, [лишь] от второго приходит боязнь»². В большой степени позднейшая индийская мысль являла собой попытку решить проблемы, поставленные ведической литературой, а индуизм, который нередко называют объединяющим всю индийскую культуру началом, основывается на мифологии ведического периода.

¹ Пуруша – зд. «первочеловек».

² Цит. по: Гриненко Г.В. Хрестоматия по истории мировой культуры. М.: Юрайт, 1998. С.145.

В середине I тыс. до н.э. на первое место в ведийском пантеоне выдвигается триада богов: Брахма (творец мира) – Шива (разрушитель мира) – Вишну (хранитель мира). Это означало зарождение индуизма (сущность его изложена в упанишадах, «Бхагавад-Гите» и «Веданта Сутре»). Хотя его основы и закладываются в текстах «Вед», но он невозможен без представления о триединстве (тримуги) и иерархии богов. Брахма – один из трех великих богов индуизма – является прародителем всего существующего. Он – персонификация высшего абсолютного начала вселенной. Брахма как творец мира изображается четырехруким с цветком лотоса, обычно вместе со своей женой Сарасвати – богиней искусства. В процессе эволюции индуизма в этой религии на второй план отодвигается безличное начало Брахма – творец мира, а истинными и основными объектами поклонения становятся Вишну и Шива.

Вишну – олицетворение порядка, гармонии, мира во вселенной. Его жена Шри – богиня любви. Основная функция Вишну – спасение человечества в его бедствиях. Стремясь помочь человеку, спасти его от страданий и несчастий, Вишну нисходит в мир, принимая различные облики (аватары). Одно из двух основных направлений индуизма – вишнуизм – развивает учение об аватарах Вишну и почитает Вишну верховным богом. Всего выделяется 10 канонических аватар, где Вишна выступает в различных образах, в числе которых Рама (герой эпической поэмы «Рамаяна»), Будда, Кришна-Васудева. Вишнуизм распространен в Северной Индии.

Бог Шива представляет силы разрушения, но одновременно с этим является силой плодородия и творческой силы изменяющегося мира. В его образе выражается убеждение в диалектической противоположности мировых процессов, где разрушение предшествует созиданию, а вновь созданное будет рано или поздно разрушено, где за рождением неминуемо следует смерть, сама являющаяся лишь ступенькой на пути к будущему рождению. Именно поэтому в образе Шивы сочетаются, с одной стороны, представления о величайшем подвижничестве, аскетизме и самоотречении, а с другой, – о необузданном эротизме как воплощении сил созидания и разрушения. Шива, как правило, изображается многоруким медитирующим аскетом, на шее которого висит гирлянда черепов, а у ног течет Ганг. Множество рук его

отражает разнообразие сил вселенной, а танец – жизненную энергию, пульсацию вселенной. Шива в качестве высшего и наиболее могущественного из троицы бога почитается во втором важнейшем направлении индуизма – шиваизме, который сегодня распространен в Южной и Восточной Индии.

Помимо веры в тримуги, сущность индуистских верований определяется также учением о перевоплощении душ (сансаре), происходящим в соответствии с законом воздаяния (кармой) за добродетельное или порочное поведение. Добродетельность поведения определялась верой в Брахму-Шиву-Вишну, соблюдением религиозных культовых установлений и кастовых бытовых правил. Культовые обряды индуизма совершаются по сей день в священных местах, храмовых комплексах, местных святилищах, а также у домашних алтарей. Кроме того, в индуизме почитаются в качестве священных разнообразные объекты окружающего мира. Это могут быть реки (так, издавна священным для каждого индуса является Ганг – важнейшее место религиозного паломничества), растения (священный цветок лотоса), животные (змея, корова) и т.п. Индуизм в целом является множеством разнообразных верований и ценностей, принадлежащих различным кастам, все многообразие которых и образует единый комплекс индуистских догматов.

Если продолжать разговор о специфических социокультурных элементах, привнесенных на территорию Индии ариями, то нужно сказать о феномене, определившем специфику индийского социального уклада – кастовой системе¹. Уже в то время, когда арийские племена стали проникать в Индию, у них существовали варны (букв. – цвет, масть) – крупные социальные образования, в которые объединялись семьи. Сами арии делились, вероятно, на потомков жрецов (брахманов), людей из царского рода (кшатриев или раджаньев), рядовых свободных людей (вайшьев). Они образовали первые три касты и, по-видимому, отличались более светлой кожей, нежели их темнокожие противники. Последние образовали варну шудр. По-видимому, поэтому в послеведический период слово «арий» становится синонимом благородства и свободы. Вне системы варн стояли рабы («неприкасаемые»). О делении людей на брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр упоминается уже в ранних гимнах «Вед», а

¹ Слово «каста» происходит от латинского «castus» - чистый. Ему соответствует санскритское «джати».

в «Гимне творения» («Пуруша сукте»), в X книге «Ригведы» излагается миф о происхождении варн: первочеловек Пуруша был принесен в жертву, и из его уст возникли брахманы, из рук – кшатрии (воины), из бедер – вайшьи (торговцы, земледельцы, ремесленники), из ступней – шудры (слуги). Тем не менее, в период подчинения Индии арийскому влиянию вряд ли существовали запреты на перемену занятий, на браки между представителями различных варн, на употребление пищи, приготовленной шудрами, на прикосновение к «нечистым» кастам и т.п. Меняя род занятий, человек и даже целые семьи могли переходить из касты в касту. Более того, существуют исторические примеры достижения людьми из низших варн высокого социального положения. В дальнейшем деление на 4 варны значительно усложнилось. В отдельные касты (джати) обособились различные профессиональные группы (рыбаки, плотники, ткачи и т.д.), входившие в состав арийского общества аборигенные племена (раджбанси, гонды и др.), дети от браков представителей разных каст, исключенные из каст за несоблюдение правил и т.п. В том виде, в каком кастовая система стала характерной чертой и вместе с тем – проблемой социального уклада индийского общества, она оформилась в поздневедический и эпический периоды. В соответствии с ней общество разделилось на более чем три тысячи сильно изолированных друг от друга групп, что в значительной мере препятствовало единению страны (в 40-х гг. XX в. в Индии было 3,5 тысячи каст и подкаст). С течением времени различия между кастами становились все более заметными, а кастовые правила – все более строгими. Касты превращались в наследственные группы, и переход из одной в другую становился максимально затрудненным, практически невозможным. Вряд ли стоит специально говорить о том, что пережитки кастовой системы, имеющей более чем двухтысячелетнюю историю, страна ощущает и сегодня, несмотря на провозглашенное Конституцией Индии 1950г. равноправие каст.

Два важнейших культурных феномена – индуизм и кастовая система – вызвали к жизни джайнизм и буддизм, и если первый воспринимается как специфически индийское явление, то второй стал мировой религией. Джайнизм и буддизм возникли в VI в. до н.э., то есть в то самое время, когда в Древнем Китае учил Конфуций, в Древнем Иране проповедовал Зороастр, а в Древней Греции формировалась античная философия. В Индии это был век протеста

против сложности религиозного ритуала, социального неравенства и абсолютной власти жречества в духовной сфере. К VI в. до н.э. индуизм был отягощен сложнейшими обрядами и дорогостоящими жертвоприношениями, что вело к недоступности для простых людей многих ритуалов, предполагающих услуги брахманов. Сами же брахманы, претендовавшие на монопольное знание ведической истины, установили господство над всеми сферами жизни, так что в любой ситуации человек должен был обращаться за их помощью, и постепенно узурпировали даже важнейшие государственные посты. Одновременно с этим стал распространяться запрет для небрахманских каст следовать к освобождению души путем умерщвления плоти (тапас марга), что приводило к сужению возможных путей спасения для простых людей. Все это вызывало вполне обоснованный протест, нашедший выражение в реформаторских движениях буддизма и джайнизма, первоначально являвшихся лишь попытками видоизменения индуизма. И джайнизм и буддизм опирались на идеи, изложенные в «Ведах», араньяках, упанишадах, где говорится об аскетизме, умерщвлении плоти, излагаются основные законы морали и даже теория непричинения вреда живым существам (ахимса). Кроме того, в индуизме к этому времени уже существовала практика обособления групп аскетов, живущих по особым уставам. Джайнизм и буддизм не были единственными религиозными движениями (согласно палийским текстам, существовало не менее шестидесяти двух реформаторских сект, а в соответствии с буддийскими источниками, их насчитывалось около трехсот), но только им удалось перерасти в крупные религиозные движения и дожить до наших дней.

Джайнизм в современной Индии исповедует около трех миллионов человек. Его основателем считается Вардхамана Махавира (599-527 гг. до н.э.), родившийся в Кундаграме в кшатрийской семье. Он отверг авторитет «Вед» и выступил против господства брахманов. Вардхамана сохранил индуистское учение о перерождении и воздаянии за поступки. Только путем продолжительных усилий, жестоких лишений и испытаний в течение нескольких жизней можно достигнуть полного освобождения души (джива) от цепи перерождений. Для этого следует предотвращать образование новой кармы и постепенно разрушать существующую путем исполнения пяти обетов. Первый и важнейший из них – непричинение вреда

живому (ахимса). Согласно учению Вардхаманы, все существа и даже неодушевленные предметы обладают жизнью, наделены различной степенью сознания и чувствуют боль, если им причинять вред. Именно поэтому важно не причинять боль и страдание ни одному из существующих созданий, каким бы несовершенным оно ни казалось. Из этого принципа вытекают многие обычаи джайнов: ношение туфель с загнутыми вверх носками, чтобы при ходьбе не навредить малейшим проявлениям жизни – улиткам, жукам, мотылькам, червякам – дать им возможность укрыться; запрет кипятить воду, дабы не уничтожать живущие в ней организмы; вегетарианское питание как наименее губительное для окружающего мира и др. Помимо ахимсы, следовало соблюдать еще четыре обета: говорить правду (сатья), не красть (астея), не прелюбодействовать (брахмачарья), не стяжать (апариграха). Следуя этими правилами, может достигнуть спасения не только монах-джайн, но и простой селянин. Простота учения привлекла к Махавире множество сторонников. В числе его приверженцев был сам Чандрагупта Маурья. Крупными центрами джайнизма были Удджаин, Матхура, Сравана Белгола. Влияние этой религии на культуру Индии огромно. Она способствовала развитию местных народных языков, ибо джайны стремились приблизить свою проповедь к народу, способствуя тем самым развитию пракритов. Сторонники джайнизма создали богатую литературу на санскрите и местных языках. С джайнизмом связана прекрасная архитектура и скульптура, среди лучших образцов которой огромные статуи Бахубалина в Сравана Белгола и Каркале, гигантский рельеф в скале около Гвалиора в Мадхья Бхарате, джайнские пещеры в Эллоре, джайнская башня в Читторе в Раджастхане, храм у горы Абу в Раджастхане и др.

Начало буддизму положил Сиддхартха Гаутама (623-544 гг. до н.э.), происходивший из царского рода племени шакьев в Северной Индии. Отсюда происходит одно из имен Будды – «Шакьямуни», что значит «отшельник из шакьев». С молодых лет душу его волновали вопросы жизни и смерти, страданий и счастья. Это привело к тому, что в возрасте 29 лет, после рождения сына Рагулы, Сиддхартха Гаутама покинул семью и дом отца. После семи лет скитаний и аскетических подвигов на него снизошло Великое просветление, в результате чего Сиддхартха постиг, что Великий Мир находится в нем самом. С этих пор Сиддхартха стал именоваться Буддой

(Просветленным) и Татхагатой (Открывшим Истину), начав проповедь своего учения. Первоначально проповедь Будды была этическим учением, но уже вскоре после его смерти переросла в религию. Будда выступил против преобладающих в брахманизме внешних ритуальных форм и поставил своей целью освобождение человека от страданий. Путь к освобождению невозможен без постижения «четырех благородных истин»: а) жизнь человека в мире полна страдания; б) есть причина этих страданий; в) возможно прекратить эти страдания; г) есть путь, ведущий к прекращению страданий.

Страдание в жизни обусловлено самим рождением и представляет собой беспокойство, напряженности, желание, чувство привязанности к предметам. Освобождение возможно лишь с ликвидацией жажды жизни, с отказом от желаний. Такое состояние несвязанности человека с миром вещей, угасание страстности желаний называется нирваной. Это состояние высшей истины и освобождения от всех страданий, полной невозмутимости, безразличия и самообладания. Путь к нирване состоит из восьми ступеней: правильных взглядов, правильной решимости, правильной речи, правильного поведения, правильного образа жизни, правильного усилия, правильного направления мысли, правильного сосредоточения. «Результатом этого беспрепятственного сосредоточения на истине является совершенное провидение, высшая мудрость, перед которой раз и навсегда ясно раскрывается тайна существования. Неведение и желания искореняются, и источник страдания исчезает. Следовательно, совершенная мудрость, совершенная добродетель, совершенная невозмутимость – полное избавление от страданий – все это одновременно может быть достигнуто в нирване»¹. Для достижения нирваны в буддизме существует ряд специальных методов преобразования психики личности, важнейшая из которых – буддийская йога.

В буддизме не существует понятия о душе как неизменной субстанции, противопоставления субъекта и объекта, духа и материи, нет бога как творца и высшего существа. В нем постепенно сложился культ Будды, и возникли монашеские общины (сангхи). Около I в. до н.э. в буддизме оформились два основных направления – хинаяна (Малая колесница, или Узкий путь спасения), рассматривающая в

¹ Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М.: Селена, 1994. С.136.

качестве пути достижения личного спасения монашество, и махаяна (Большая колесница, или Широкий путь спасения), проповедующая возможность спасения каждого в мирской жизни. В связи со стремлением к спасению большого числа людей махаяна выдвигает учение о бодхисатвах – святых, которые смогли бы уйти в нирвану, но остаются для руководства людьми на их пути по восьмеричному пути к истине. Священная книга буддийского канона – «Трипитаки» (Типитаки), что буквально значит «Три корзины», состоящая из трех сводов: 1) «Винайпитака» (содержит обязанности буддийских монахов и организацию буддийской общины); 2) «Суттапитака» (собрание молитв и проповедей); 3) «Абхидхармапитака» (толкование основных положений буддизма). В состав «Суттапитаки» входят наиболее интересные тексты – «Дхаммапада» (сборник изречений Будды) и «Джатаки» (547 сохранившихся рассказов о предшествующих рожденьях Будды). Простота буддизма, проповедуемый им дух равенства, использование народных языков способствовали широкому распространению буддизма и его выходу за пределы Индии, вследствие чего он распространился в Юго-Восточной и Центральной Азии, отчасти в Средней Азии и Сибири. Расцвет буддизма в Индии приходится на V в. до н.э. – начало I тысячелетия н.э. Его расцвету в значительной степени способствовал Ашока (268-231 гг. до н.э.), принявший буддизм и придавший ему статус государственной религии. Буддистской этикой проникнуты многочисленные эдикты Ашоки, предписывающие подданным подражать благочестию царя, требующие почитания бродячих гуру, следования правилам буддизма, уважения браминов и аскетов. Буддийские воззрения Ашоки оказали существенное влияние на его политику «завоевания мира праведностью». Этот правитель посылал миссии в другие страны, главной целью которых была проповедь буддизма, смягчил правосудие, отменив пытки, был исключительно веротерпим. Вот отрывок из одной надписи царя Ашоки: «В прошлом, в течение многих столетий, всё учащались случаи лишения жизни, дурного обращения с живыми существами, плохих отношений между родственниками, неуважительного поведения по отношению к браминам и аскетам. Но в настоящее время, благодаря благочестию царя Пиадаси, любимого богами, барабанный бой стал сигналом благочестия, показывающим народу небесные колесницы, слонов, праздничные костры и другие небесные видения. Благодаря

насаждению благочестия царем Пиадаси, которого любят боги, в настоящее время наблюдается в размерах, которых не бывало в течение многих столетий, воздержание от лишения жизни, воздержание от дурного обращения с живыми существами, хорошее отношение между родственниками, хорошее поведение по отношению к браминам и аскетам, послушание отцу и матери, послушание старшим»¹. Значение буддизма для индийской культуры поистине колоссально. Он утвердил в индийском менталитете отвращение к кровопролитию и войне, положил начало широкому распространению идей равенства независимо от касты, пола, возраста, закрепил стремление к самостоятельному поиску истины. Буддизм в значительной мере повлиял на индуизм, способствуя включению в него доктрины ахимсы и уменьшению роли жертвоприношений. Специфическое для Индии поклонение изображениям божеств и строительство храмов перешли в индуизм от буддизма. И, безусловно, нельзя забыть о прекрасных образцах буддийского искусства: ступах в Санчи, Бхархуте, Амаравати, колонны Ашоки, пещерные храмы в Канхери, Карли, Насике, Аджанте.

Важнейшими чертами буддийского искусства является понимание единства всего живого, непрерывность изображаемых проявлений жизни – людей, животных, растений, условность изображения пространства. К лучшим образцам буддийского искусства и архитектуры следует отнести пещерные храмы в Аджанте (селение на берегу реки Вагхоры в Хайдарабаде). Они строились, по всей вероятности, с I-III по VII-IX вв. н.э., но основная работа приходилась на IV-VI вв. (эпоха Гуптов). Этот комплекс состоит из 29 храмовых помещений. В них сохранились прекрасные росписи, выполненные по сырой штукатурке. Но в отличие от европейской фрески, в которой используются краски на воде, в индийской настенной росписи применялись минеральные краски, растертые на яйце с добавлением патоки и клея. Все изображения можно разделить на чисто декоративные (в основном потолочные) и иллюстрирующие джатаки, то есть повествующие о предшествующих рожденьях Бодхисатвы, когда он воплощался в различных животных и людей. В росписях нет перспективного сокращения фигур, объемность

¹ Надпись царя Ашоки / Хрестоматия по древней истории: В 2 тт. Под ред. акад. В.В.Струве. М.: Учпедгиз, 1936. С.119.

изображения только слегка намечается произвольным размещением светотени, линия горизонта отсутствует. В потолочных росписях очень часто можно встретить изображение белого слона, купающегося в лotosовом озере (по одной из джатак, воплощением Будды был царственный белый слон, возглавлявший стадо из восьми тысяч слонов, купавшееся в озере с цветущими лotosами и отдыхавшее под баньянами). Росписи предельно насыщены фигурами, действие разворачивается среди пышной растительности, в окружении певиц, танцовщиц и музыкантов. В пещере V в. имеется изображение Бодхисатвы с цветком лotosа в руках. Его фигура выполнена в традиционной для индийского канона позе «трех наклонов» (ноги, корпус и голова изображаются отклоненными последовательно вправо и влево от вертикальной оси, образуя плавную извилистую линию) и дается обобщенно, но тело кажется полным жизненной энергии. Среди лучших образцов анджантских росписей – сцена смерти Сундари (жены раджи Нанды, брата Будды), изображение юного Бодхисатвы с супругой среди дворцовых покоев и др. В росписях пещер Анджанты сквозит удивительное уважение ко всему живому, вера в связь земного и небесного, во всеобщую одухотворенность мира. Не менее примечательны и скальные храмы Эллары, которые создавались последователя буддизма, джайнизма, индуизма. Из тесного единства верований рождалось взаимодействие художественных приемов. Так, храм Кайласа, посвященный Шиве, наполнен буддийскими образами.

Кастовая система и религиозные верования оказала влияние и на формирование древнеиндийской государственности, в которой господствующее положение принадлежало военной аристократии. Армия составляла важнейшую опору раджи – правителя государства. В период господства Маурьев многие высокие армейские и гражданские чины состояли с раджей в родстве. Из чиновничьей среды выбирались министры. Ирригацией, сбором налогов, горным делом, образованием ведал специальный секретариат, включавший в себя несколько ведомств. Судопроизводство делилось на гражданское (дхармастхейя) и уголовное (кантака содхана). Основы судопроизводства, принципы государственного устройства и кастового деления были закреплены в «Законах Ману», созданных во II в. до н.э. В этом памятнике древнеиндийской правовой мысли было закреплено особое положение государя, определены способы

законного приобретения имущества, правила наследования, принципы установления государственных налогов и т.п. «По зрелому размышлению государь должен всегда устанавливать в своих владениях пошлины, налоги таким образом, чтобы ему самому и человеку, который будет заниматься этим делом, это было выгодно»¹.

В III-IV вв. н.э. был создан политико-правовой трактат «Артхашастра», автором которого считается Каутилья. В этом памятнике излагается широкий круг вопросов государственного управления, ведения хозяйства, безопасности, войны и мира, международных отношений, ведения внутренней и внешней разведки. Особое внимание в трактате уделено идеалу и положению правителя, государственному устройству, взаимоотношениям между правителем и сановниками. «При этом идеал государя является следующим: он должен быть высокого рода, со счастливой судьбой, обладающим умом и положительными качествами, обращающим внимание на совет старых и опытных людей, справедливым, правдивым, не изменяющим своему слову, благодарным, щедрым, в высшей степени энергичным, не имеющим обыкновения медлить, господином своих вассалов, с сильной волей, не имеющим в своем окружении лиц негодных и охотно принимающим наставления. Вот качества, которыми он привлекает к себе людей. Он должен обладать любознательностью, способностью учиться, воспринимать, отвергать неуютное и проникать в истину. Вот качества ума, которые должны быть свойственны ему»².

Важнейшие религиозные верования индийцев (индуизм, джайнизм, буддизм) и кастовая система стали результатом глубокого синтеза культур населяющих Индию народов, опыта предков и новых веяний. Тем не менее, не всегда синтез взаимодействовавших культур был глубок: мусульмане стали первыми в истории Индии завоевателями, которые не растворились в культурном многообразии Индии, не составили с ней единого целого. Индийская культура традиционно считается культурой с высокой степенью ассимилятивности, способности органично включать в себя любой народ, религия которого могла быть вплетена в индуизм. Однако, ислам не затронул глубинных основ жизни индийцев, поскольку он

¹ Законы Ману // Хрестоматия по Древней истории: В 2 тт. Под ред. акад. В.В.Струве. Т.1 М.: Учпедгиз, 1936. С.118.

² Артхашастра. М.: Наука, 1993. С.284.

был абсолютно монотеистической религией и не допускал никаких уступок политеизму индуизма. И если греки, скифы, парфяне чрезвычайно быстро «индианизировались», то мусульманская община всегда оставалась в Индии достаточно обособленной, сохраняя свою систему государственного управления, свой язык, литературу, религию, что в XX в. привело к расчленению страны. Уступив политическое верховенство мусульманам, индусы не уступили им культурного верховенства, и вряд ли стоит говорить о том, что ислам коренным образом преобразовал индийскую культуру. Однако взаимодействие двух культур принесло свои плоды и в этом случае: и та и другая культуры в определенной степени повлияли друг на друга. Мусульманские правители переняли многие черты жизни при дворе раджпутских князей, были восприняты некоторые элементы кастовой системы и само понятие неприкасаемости, элементы налоговой системы и организации финансов. Многие были заимствованы из индийской философии (особенно из йоги и веданты), медицины и астрологии. Индийская религия и философия оказали влияние на верования и обычаи мусульманских общин (например, мусульмане суниты ханефитского толка в Гуджарте никогда не делали обрезания и не ели рыбы). Под действием индийской мифологии были созданы многие мусульманские легенды (так, на жизнь и дела Ханифы, брата Хасана и Хусейна Али, стали переноситься черты героев индусского эпоса Бхимы и Арджуны). Результатом общения мусульман и индусов стал новый язык – урду, в который вошли персидские, тюркские, санскритские элементы. В свою очередь, индийская культура испытала на себе влияние исламской культуры. Мусульмане повлияли на административную систему и делопроизводство. Индусы почитали мусульманских святых (и наоборот), что постепенно привело к общему поклонению «святому человеку». Мусульманские проповедники стали распространять в Индии ислам (в современной Индии ислам исповедуют 11% населения). Многие были заимствованы индийскими учеными из мусульманской астрономии, географии, календаря. Индусы познакомились с производством бумаги, глазури, освоили искусство мозаики. Во многом под воздействием ислама возникли религиозные реформаторские движения, отвергавшие идолопоклонство и кастовую систему, проповедовавшие равенство, единобожие и культ бхакти (любовь и самозабвенное поклонение богу). Среди реформаторов-

проповедников были Рамануджа, Мадхава, Кабир и др. Взаимодействие культур привело к появлению новых стилей в музыке, архитектуре, сочетавших декоративность и пышность индийского с величавостью мусульманского стиля. Наверное, архитектура стала наиболее наглядным выражением синтеза двух культур. Мусульманские правители редко приводили с собой ремесленников, и их дворцы и мечети строили местные умельцы, зачастую с использованием фундамента и украшений индусских строений. Все это породило особый индо-мусульманский стиль сооружений, получивший распространение по всей Индии и представленный такими выдающимися образцами как мечети Кувват уль-ислам в Дели и Дхаидин ка Джхонпра в Аджмире, минарет Кутб-Минар в Дели.

Однако высший взлет архитектуры происходит при Великих Моголах, когда формируется единый для всей страны архитектурный стиль, органично сочетавший персидские и индийские элементы. Моголы ввели традицию сооружения мавзолеев среди огромных, окруженных прекрасной оградой парков. Характерными элементами могольских построек являются угловые купола на тонких колоннах, выпуклый свод, дворцовый зал и ажурные ворота. Жемчужиной этого стиля стал Тадж Махал – изумительный по красоте мраморный мавзолей в Агре, построенный в 1650 году Шах-Джаханом (1627-1658) над могилой своей жены Мумтаз Махал. Он открывает множество рукотворных чудес: тончайшие перегородки и ограды из резного мрамора, вызывающие у русского человека невольную ассоциацию с вологодским кружевом и отражающие в своих изящных сплетениях союз человеческого гения и упорного труда, устремленные ввысь минареты, символизирующие вечную жажду возвышенного и бессмертного, огромный, четко вырисовывающийся на фоне восточного неба купол, устремленные ввысь арки. Наверное, так же, как гробницу карийского царя Мавсола в Галикарнасе, Тадж Махал можно смело назвать чудом света, ставшим памятником супружеской преданности и согласию.

Если характеризовать индийскую культуру в целом, то нельзя не сказать о важнейшей её черте – синкретичности, комплексном характере и взаимообусловленности всех феноменов. Религия, философия, политика, литература, мораль оказываются неразрывными. Во многом это было определено древнеиндийским

учением о триварге (триединой цели человеческой жизни), в которую входили долг (дхарма), материальное благосостояние (артха), чувственное наслаждение (кама). Предполагалось, что эти цели человек преследует поочередно на разных этапах своей жизни, а значит, все три элемента триады сосуществовали в культуре и допускались на равных основаниях, обеспечивая единство духовного и материального, материального и сакрального, аскетического и чувственного. То, что человек, в полном соответствии с учением о различных ступенях (ашрамах) жизни, следовал долгу, обеспечивал материальное благосостояние, искал чувственного наслаждения, не мешало ему впоследствии стать странствующим аскетом: «Он был, согласно древнему закону, первые двадцать лет жизни – учеником, вторые двадцать лет – воином, хотя ни разу не брался за оружие, и третьи двадцать лет – хозяином дома. Он достойно использовал богатство и власть, заслуженно пользовался почетом, видел людей и города на родине и на чужбине, – там и там ему воздавали высокие почести. А теперь он все это стряхнул с себя прочь, как мы сбрасываем ненужный нам больше плащ»¹. Высоко почитаемый индусами святой человек вовсе не обязательно должен был обладать целомудрием и с самого рождения стремиться к аскетизму. Совсем напротив, он достиг мудрости полным постижением жизни во всей ее полноте – с радостью познания и упоением победой, с восторгом любви и удовлетворением от успеха, с наслаждением отцовством и проникновением в сущность вещей. Именно этим определена неразрывная связь, казалось бы, противоположного – высоко духовной религии и полного возвышенной эротики искусства, достаточно развитой мифологии и сложнейших философских систем, политических установлений и моральных принципов.

Если о религии и искусстве выше было сказано достаточно, то индийская философия заслуживает того, чтобы о ней вести отдельный разговор. Философская традиция Индии неразрывно связана с религиозными представлениями, с литературой и искусством. Стремление к синтезу выразилось здесь в желании найти единое начало мира, достичь единства бога, человека и мира. И вместе с этим, многообразие сохраняется и здесь: индийцы рассматривают многочисленные философские школы как разнообразные проявления

¹ Киплинг Р. Чудо Пуран Бхагата./ Киплинг Р. Рассказы. Стихи. Сказки. М.: Высш. шк., 1989, с.280.

единой истины, как разные спицы в одном и том же колесе. Все многочисленные направления индийской философии делятся на ортодоксальные (признающие авторитет «Вед» и рассматривают свое учение как путь к спасению) и неортодоксальные (не признающие авторитет «Вед»). К ортодоксальным школам относят три пары школ: санкхья и йога, вайшешика и ньяя, миманса и веданта. В каждой паре школы дополняют друг друга.

Санкхья отрицает существование бога как творца мира. Классическая санкхья дуалистична. У мироздания два независимых источника: пракрити (природа, натура, материя) и пуруша (мировой дух, неизменный и самодостаточный). Бога как создателя нет: «Мир не создавался, следовательно, не было его создателя...» (Санкхья-карика, IV). Материя – это непроявленное. Она должна подвергнуться воздействию Пуруши, который сам будучи бездействующим, побуждает пракрити к действию. В результате этого из пракрити выявляется то, что в ней было скрыто изначально. Особое внимание при этом санкхья уделяет разработке теории развивающейся материи, чье развитие порождает разнообразие живой и неживой природы.

Йога очень близка санкхье по теоретическим рассуждениям, но постулирует наличие верховного божества Ишвары, понимая его как личное божество. Школа йоги подробно разрабатывает конкретные правила психического и физического тренинга, которые должны привести к совершенству и обретению покоя. Йога направлена на то, чтобы освободить нас от господства тела как проявления пракрити и растворить наш личный страдающий дух как проявление пуруши в самом пуруше путем йогической практики. Человеку следует освободиться от пяти видов страдания – авидья (незнание), асмита (страдание от отождествления «я» с разумом), рага (страдание от стремления к телесным наслаждениям), двеша (страдание из-за страха физической боли), абхинивеша (страдание из-за страха смерти). На освобождение направлены различные ступени йоги – джняна-йога (освобождение через знание), бхакти-йога (освобождение через любовь к богу), карма-йога (освобождение через бескорыстную деятельность), раджа-йога (освобождение через последовательность нравственных, физических, психических упражнений).

Вайшешика подробно разрабатывала диалектику бытия и небытия. Её основатель – мудрец Улука. В качестве реальности в школе принималось как бытие, так и небытие. Бытие

характеризовалось шестью важнейшими категориями – дравья (вещь, вещество, индивидуальность), гунна (качество), карма (субстанция в ее динамике), саманья (общность, общее), вишеша (особенное), самавая (присущее). Небытие понималось как отсутствие чего-либо в другом (относительное небытие; отсутствие луны на небе днем) и как отличие одного от другого (абсолютное небытие, инобытие; день не есть ночь).

Ньяя в основном занималась рассмотрением гносеологических и логических проблем, принимая ту метафизику, которую разрабатывала вайшешика. Ньяя признает существование бога как устроителя мироздания, имеющего своей целью благо всех существ. Он и поддерживает мир своей волей, и разрушает его. К разрушению мира ведет искажение нравственно-этического порядка мироздания.

Миманса представляет собой основанное на «Ведах» размышление над своим «я», трансцендентным знанием и Брахманом как высшей духовной реальностью. Не отвергая богов индийского пантеона, миманса отвергает бога-творца. Мироздание реально и вечно. Оно управляется безличным законом кармы, а не личностным божеством. Кроме тел в мироздании существуют и индивидуальные души, хотя всеобщей мировой души нет. Индивидуальная душа вечна, она одухотворяет материю. Душа не умирает со смертью тела, а продолжает свое существование по закону кармы, т.е. страдает. Важной составляющей мимансы являются ритуальные действия, цель которых – освобождение души от страдания.

Парная с мимансой веданта, которую называют высшей мимансой (утрата-мимансой), также рассматривает Брахмана единственной подлинной сущностью. Существующий мир со всем многообразием вещей и животных произведен от Брахмана. Абсолют открывается только тем, кто соблюдает ритуал, освобождается от мнимых радостей жизни. Видимый мир – продукт силы Брахмана. Эта сила – майя. Она иллюзорна, а, значит, иллюзорно и творение. Мир – это игра (лила) божества. Только на высшей ступени познания мы видим, что мир – это брахман. Он носитель трех атрибутов – бытия, сознания, блаженства. Человек также иллюзорен. Следовательно, иллюзорно чувственное познание, ум, логика. Лишь осознав иллюзорность всего видимого, своего «я», мира в целом, можно слиться с Брахманом.

К числу неортодоксальных направлений относятся материалистическая философская традиция (чарвака, локаятики), буддийская и джайнская философия. Однако, не признавая авторитет «Вед», и эти школы во многом опираются на весь комплекс ведийской литературы.

Невозможно обойти вниманием индийскую науку, достижения которой использует современное человечество вплоть до настоящего времени. В Древней Индии, как и в других странах с развитым ирригационным земледелием, значительных успехов достигла математика. Именно здесь была создана десятичная система исчисления, в которой для первых нумераций изначально использовались цифры письменности кхарошти, а впоследствии (примерно с III в. до н.э.) – цифры письменности брахми, особенностью которой стало наличие специальных значков для первых десяти цифр. Лишь в индийской десятичной системе существовал особый знак нуль. Таким образом, цифры, которые мы традиционно называем арабскими, были изобретены в Древней Индии, а арабы лишь заимствовали их. «Одновременно в Индии широко применялась словесная система обозначения чисел, этому способствовал богатый по своему словарному запасу санскритский язык, имеющий много символов. Нуль, например, назывался словами «пустое», «небо», «дыра»; единица – предметами, имеющимися только в единственном числе: луна, земля; двойка – словами «близнецы», «глаза», «ноздри», «губы» и т.д. В текстах III-IV вв. число 1021 передавалось как «луна-дыра-крылья-луна»¹. К индийской культуре восходит и разработка основ алгебры, а также ее применение в астрономии и геометрии. Видимо, именно у индусов почерпнули арабы и алгебраический анализ.

С индийской математикой было связано также возникновение шахмат, являющихся превосходной техникой тренировки последовательного логико-математического мышления. Согласно преданиям, шахматы были изобретены одним индийским математиком около 1000 года до н.э. В легенде говорится, что этот математик научил правителя игре, ставшей предшественницей шахмат – шатрандж (в переводе с санскрита «шатр» - четыре, «андж» - отряд). В ней фигуры двух цветов и «четырёх родов оружия»

¹ Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: Философия. Наука. Религия. М.: Наука, 1980. С.222.

(пехота, конница, колесницы, слоны) двигались вокруг своих царей по разделенной на клетки доске (изначально шатрандж, вероятно, был рассчитан на четырех игроков, позднее – на двух). Правителю очень понравилась эта игра, весьма полезная для военачальников, и он решил вознаградить учителя, спросив, что тот хочет получить в благодарность. Математик попросил правителя: «Положите на первую клетку шахматной доски одно зерно, на вторую – два, на третью – четыре и так далее. Дайте мне то количество зерна, которое получится, если заполнить все 64 клетки доски». Так находчивый математик предложил правителю возвести число два в 64-ю степень. Первые же письменные упоминания о шахматах встречаются в VI веке в персидских поэмах, сообщающих, что эта игра происходит из Индии.

Большого развития достигла астрономия. Индусы использовали своеобразный солнечный календарь, в котором год состоял из 360 дней, и для уравнивания его с астрономическим годом каждые пять лет добавлялся високосный месяц. Определение синодического обращения луны являлось у индусов более точным, нежели у греков. Индийским астрономам была известна шарообразность Земли и ее вращение вокруг своей оси. Знали индийские ученые и о существовании силы земного тяготения.

Больших успехов достигла в Древней Индии медицина (аюрведа), в которой на одно из первых мест было поставлено учение о долголетию. Древнеиндийские врачи выработали определенную систематизацию болезней. Медицинские знания индийских врачей, разработанные ими уникальные методы и приемы лечения болезней, на которые во многом опирается современная тибетская медицина, представляют значительный интерес и сегодня.

Индийская культура на протяжении многих тысячелетий своей истории, как полноводная река, брала свое начало в глубокой древности и впитывала в себя многочисленные притоки культурных традиций различных народов, чтобы стать удивительно полноводной и мощной. Индийской культуре присуще многообразие, которое проявлялось в единстве культурной традиции, ассимилировавшей элементы различных культур и при этом сохранившей древнее культурное наследие. И, конечно, индийская культура абсолютно неповторима и радикально отлична от культуры западной. Иное

понимание времени, иные ценности, иная философия, иной быт... Как не вспомнить здесь крылатые строки Р.Киплинга:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд¹.

Литература

1. Альдебиль М.Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., 1991.
2. Артхашастра. М.: Наука, 1993.
3. Атхарваведа: Избранное. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1977.
4. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: Философия. Наука. Религия. М., 1980.
5. Гриненко Г.В. Хрестоматия по истории мировой культуры. М., 1998.
6. Древние цивилизации. Под ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1989.
7. История Древнего Востока. Под ред. В.И.Кузищина. М., 1989.
8. История и культура древней Индии. Тексты. Сост. А.А. Вигасин. М., 1990.
9. Кочетов А.Н. Буддизм. М., 1983.
10. Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1978.
11. Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955.
12. Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М., 1991.
- 13.Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1982.
- 14.Ригведа. Мандалы I-IV. Пер. Т.Я.Елизаренковой. М., 1989.
- 15.Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. М., 1982.
- 16.Упанишады. В 3 тт. Пер. А. Я. Сыркина. М., 1992.
- 17.Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М., 1994.
- 18.Шапинская Е.Н. Индийская культура // Очерки по истории мировой культуры. М., 1997.
- 19.Pandit S. An Approach to Indian Theory of Art and Aesthetics. New Delhi, 1977.
- 20.Ray N. An Approach to Indian Art. Chand-garh, 1976.

¹ Киплинг Р. Стихотворения. Роман. Рассказы. М., 1998. 960 с. С.139.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Краткая историческая справка. Русское название «Китай» произошло от названия монгольского племени киданей (китаев), завоевавших в X-XI вв. север китайской империи и образовавших там свое государство. Сами же китайцы издавна именуют себя ханьцами, по имени династии, правившей в стране около пяти веков (с III в. до н.э. по III в. н.э.) и заложившей основы традиционной китайской государственности. Страна же с древнейших времен именовалась «Чжунго», т.е. «Срединное царство», «Срединная империя». В этом названии отражается осознание своей страны как центра мироздания. Определенные основания для этого, конечно, имелись.

Уже с V тысячелетия до н.э. на территории Китая появляются первые поселения. Во II тыс. до н.э. возникают первые города-государства. Важнейшее место среди них занимает «Великий город Шан», которому удалось объединить значительные территории. Династия Шан в XVII в. до н.э. получила название **Инь**. Правитель носил титул «Ван» (царь), был верховным жрецом и верховным военачальником. Раннеиньский период наиболее хорошо представлен археологическими находками в городище Чжэнчжоу (провинция Хэнань), окрестностях города Аньяна. Здесь найдены остатки дворцовых и храмовых построек, богатые царские гробницы. Большой интерес представляют надписи на гадательных костях, представляющие собой древнейшие образцы китайской письменности. Гадательные кости помимо самого вопроса, с которым обращались к божествам, содержат надписи о дате проведения гадания, о присутствующих лицах, об ответах высших сил на поставленные вопросы. Гадание являлось в Древнем Китае одним из важнейших государственных официальных ритуалов. Примечательно, что древнейшая письменность выступала своеобразным посредником между людьми и высшими силами, наделялась сакральными, магическими функциями, и это отношение к письменному слову сохранилось на протяжении всей истории Китая. В иньскую эпоху в Китае существовало бронзоволитейное ремесло, пашенно-подсечное земледелие, государство с сильной верховной властью.

На рубеже II-I тыс. до н.э. государство Шан было завоевано чжоусцами, пришедшими с запада и имевшими гораздо менее развитую государственность и культуру. Созданная ими цивилизация – Западный Чжоу – представляла собой совокупность отдельных государств. По всей видимости, чжоусцы унаследовали основные достижения иньцев и некоторые основы их государственного устройства. Чжоуская эпоха традиционно разделяется в научной литературе на два периода – **Ранняя Чжоу** (XI в. – 771 г. до н.э.) и **Поздняя (Восточная) Чжоу** (771-

256 г. до н.э.). В период Ранней Чжоу происходит утверждение централизованной государственности. Из-за частых военных конфликтов с полукочевыми племенами жунов правитель Пин-ван переносит столицу государства в 770 г. до н.э. на восток, вследствие чего этот период и получил название Восточного Чжоу. Начало Поздней (Восточной Чжоу) было ознаменовано постепенным укреплением отдельных удельных княжеств и преобразованием их в самостоятельные государственные образования, лишь формально подчиненные центральной власти. Это с неизбежностью привело к возникновению конфликтов между данными мелкими государственными образованиями. На заключительном этапе Поздней Чжоу, получившем название периода Борющихся царств, произошел окончательный распад чжоуской государственности и возникновение на территории Древнего Китая семи крупных независимых государств – Янь, Чжао, Ци, Чу, Вэй, Хань, Цинь. Несмотря на междоусобные конфликты и противостояние этих государств, эпоху Поздней Чжоу можно считать ключевым этапом в истории развития древнекитайской культуры. В этот период в Китае зародилась железная металлургия, были освоены техники изготовления чугуна, а затем и стали, начали широко использоваться железные орудия труда, орошаемое земледелие, пахота с использованием тягловых животных. Уже в эту эпоху китайцы научились использовать нефть и газ. Существенно развился административно-бюрократический аппарат, укрепилось имущественное расслоение, в качестве денежных знаков получили хождение по территории Китая монеты, расширились торгово-денежные отношения. Все это повлекло за собой быстрый рост новых городов, которых в период Поздней Чжоу появилось более 560. В это время происходило формирование древнекитайской философии, в первую очередь, даосизма и конфуцианства, были созданы первые литературные памятники, определились многие каноны изобразительного искусства.

В IV-III вв. до н.э. обостряется борьба за власть между различными царствами. В 230 г. до н.э. государство **Цинь** наносит поражение сначала царству Хань и завоевывает его территорию, а в 228-221 гг. до н.э. захватывает и другие царства (Чжао, Вэй, Чу и др.). Государство Цинь стало первой централизованной империей на территории Китая. Первый правитель империи Цинь – Цинь-ши-хуан-ди (246-210 гг. до н.э.) официально принял новый государственный титул, в состав которого входили иероглифы «хуан» и «ди», означавшие дословно «божественный владыка». Полное его именование переводилось как «Божественный владыка, открывающий эпоху Цинь». В период Цинь было осуществлено административно-территориальное деление на округа, созданы централизованные органы управления, произведена унификация монет, мер и весов, упорядочена письменность. В это время была построена сеть казенных дорог общей длиной более 8000 км.

Началось строительство Великого китайского канала, соединившего искусственным руслом в 32 километра две текущие в противоположных направлениях судоходных реки. Это гидротехническое сооружение продолжает функционировать и в наше время, обеспечивая круглогодичное судоходство на протяжении более чем 2000 километров. В период Цинь начинается и строительство Великой Китайской стены. Исторические источники сообщают, что на ее строительстве был использован труд 200000 каторжников и 100000 солдат армии императора. Великая Китайская стена была возведена на месте древних земляных валов, с V века до н.э. выполнявших защитные функции на северных и северо-восточных границах государств Чжао и Янь. Ширина Великой китайской стены – от 6 до 10 метров, высота – от 5 до 7 метров. В эпоху Цинь был построен лишь один участок Великой китайской стены длиной в 750 км, и только к XV веку протяженность этого фортификационного сооружения была доведена до 3100 км. Империя Цинь просуществовала только 14 лет. Ее недолговечность объясняется множеством объективных факторов. Не последнюю роль сыграла жестокость правления императора Цинь-ши-хуан-ди, который казнил или отправил на каторжные работы огромное число представителей знатных родов. Тяжелой ношей для китайцев оказалось также строительство Великого китайского канала и Великой китайской стены, которые возводились в буквальном смысле слова на костях простого народа.

Империя Цинь пала в результате народного восстания. Один из отрядов восставших возглавлял мелкий чиновник Лю Ба. В 207 г. до н.э. его отряд захватил столицу, циньская династия была свергнута. В междоусобной борьбе между руководителями повстанцев одержал победу Лю Ба, и в 206 г. до н.э. он основал новую династию **Хань**, просуществовавшую до 220 г. н.э. Ханьская эпоха также разделяется исследователями на два периода – Ранняя (Западная) Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.) и Поздняя (Восточная) Хань (25-220 гг.). Короткий временной интервал между этими двумя периодами составляет время правления Ван Мана, который сверг ханьскую династию (дом Лю) и основал собственную **династию Синь** (новую). Однако время правления Синь оказалось непродолжительным, и правление Хань было восстановлено в 25 г. Ханьская династия в целом считается временем формирования национального самосознания. Достаточно сказать, что китайский язык и китайская письменность будут впоследствии передаваться исключительно через сочетания «хань юй (язык хань)» и «хань цзы (письмена хань)». В период Хань сложилось сословие «ши» - интеллигенция, чиновничество – ставшее носителем традиционной китайской образованности и цивилизованности. Выделившись в самостоятельное сословие, китайское чиновничество и творческая интеллигенция стали наделяться привилегиями, поставившими их на

второе место вслед за потомственной аристократией. Они были освобождены от трудовых повинностей и некоторых уголовно-исправительных наказаний. Во II-I вв. до н.э. огромное значение приобрел проложенный Великий шелковый путь протяженностью более 6000 километров. Он брал свое начало от столицы Ранней Хань Чанъань, шел на северо-запад, а в районе Джунгарских ворот разделялся на два самостоятельных пути: один вел в Римскую империю, другой – в Кашгар, Фергану, Бактрию, Парфию. По Великому шелковому пути осуществлялся товарный обмен между Китаем и многими странами мира. В Ханьский период Китай отправлял в другие страны не только ценнейший шелк, но и железо, никель, лаковые изделия, лекарственные препараты, косметические средства. Получал же Китай древесину, фасоль, виноград, лошадей. В эпоху Поздней (Восточной) Хань, начавшейся с правления Гуан У-ди (25-57 гг. н.э.), было существенно ограничено рабство. Были освобождены государственные рабы, приговоренные к рабству за нарушение законов Ван Мана, а также некоторые разряды частных рабов, незаконно приговоренных к рабству, ограничено право хозяев убивать рабов, запрещено клеймить рабов и казнить их на базарных площадях. Столица была перенесена из Чанани в Лоян. Были предприняты меры для упорядочения денежного обращения, поощрялось земледелие и шелководство. В целом можно говорить о том, что в эпоху Хань происходит развитие тех культурных традиций, которые были заложены в предшествующие эпохи. Это время полного утверждения основ имперской государственности и формирования важнейших социально-политических и мировоззренческих устоев китайского общества. Большинство современных китаеведов считают Ханьскую эпоху заключительным этапом национальной китайской древности.

Свержение династии Хань обычно связывается с началом средневекового Китая, хотя применение данной терминологии весьма условно. Многие исследователи период с III века по 1912 год именуют **Традиционным Китаем**, вкладывая в это название смысл реализации и полного развития всех заложенных в древние периоды тенденций и духовных потенций. Со времени падения династии Хань и вплоть до VI века длится период раздробленности, в котором выделяют следующие относительно самостоятельные этапы: **эпоху Троецарствия** (220-264 гг.), во время которой на территории Китая существуют три независимые государства Вэй, Шу, У, постоянно конфликтующие друг с другом; **эпоху Западной Цзинь** (265-316 гг.), когда происходит кратковременное восстановление единого централизованного государства; **эпоху Южных и Северных династий** (317-589 гг.), в которую Китай подвергся нашествию племен тобийцев и гуннов. К концу IV века на территории Китая установилось господство тобийского государства Тоба Вэй (386-534 гг.). Собственно китайская

государственность уцелела лишь на юге, где экономическим и духовным центром стал город Цзянькан. С V по конец VI века на юге сменилось шесть династий, а на троне побывало 28 правителей. На III-VI века приходится формирование китайско-буддийской традиции и превращение трансформировавшегося буддизма в одно из трех великих учений китайского народа наряду с конфуцианством и даосизмом. В литературе происходит переход от анонимного творчества к авторской поэзии, формируются основные поэтические темы, возникает искусство пейзажного сада и традиций светской живописи. Широкое развитие получают многие отрасли науки – ботаника, минералогия, астрономия, математика, медицина. Именно в этот период чай начинает употребляться как повседневный напиток, тогда как в ханьский период он использовался лишь как лечебный настой.

В конце VI века было осуществлено объединение юга и севера Китая под властью **династии Суй** (589-618 гг.). В VII веке возникает могущественная **Танская империя** (618-907 гг.), после которой наступил еще один период раздробленности и междоусобиц. Новое объединение страны произошло при **династии Сун** (960-1279 гг.). Эпохи Тан и Сун являются временем расцвета традиционной китайской культуры. Это так называемый классический период китайской культуры. К нему относится утверждение важного китайского эстетического принципа – «принципа простоты». Смысл его состоит в стремлении к изложению максимально глубокого смысла при предельной лаконичности внешнего изобразительного ряда художественного произведения. Это требование распространялось на все сферы китайского искусства – от иероглифической надписи до архитектурного сооружения. С танской и сунской эпохой связывают создание классических образцов в различных сферах художественной деятельности, включая литературу (танская классическая поэзия, танская классическая новелла) и живопись (сунская классическая живопись). На Танскую и Сунскую эпохи приходится также быстрое развитие городов на территории Китая и формирование городской культуры. Это, в свою очередь, привело к некоторой демократизации художественной культуры в целом. Широкое распространение получили уличные театральные постановки, популярные жанры поэзии и прозы. Важным событием стало осуществленное в танскую эпоху законодательное утверждение государственных экзаменов на чиновничий чин. Через эти экзамены официально должны были пройти все кандидаты на любую государственную должность. Это относилось как к центральным государственным ведомствам, так и к провинциальным органам власти. В сунскую эпоху было изобретено книгопечатание, стала быстро развиваться сеть книжных лавок, государственных и частных библиотек. Все это способствовало

распространению ранее достаточно элитарной культуры и образованности на более широкие слои населения.

В конце XIII века территория Китая была завоевана монголами, основавшими правящую **династию Юань** (1280-1368 гг.), первым правителем которой был внук Чингисхана – хан Хубилай (1271-1295 гг.). Столицей стал Дада (Пекин). Это период чужеземного владычества, когда Китай впервые за свою историю оказался полностью подчиненным иноземным правителям. Монгольское нашествие крайне негативно отразилось на хозяйственной жизни Китая, поскольку многие города были разрушены, пахотные площади земли в ряде случаев были переведены в пастбища, часть населения уничтожена. Однако монголы в значительной степени переняли систему экономического и политического управления, традиции и обычаи китайцев. Духовная культура Китая пострадала в несколько меньшей степени. Покровительством правителей пользовались конфуцианство, даосизм, буддизм. Особенно почитались идеи и традиции ламаизма (тибетский вариант буддизма). В этот период произошло дальнейшее развитие живописного искусства, сложилась национальная драматургия (юаньская классическая драма). В начале XIV века была официально восстановлена система государственных экзаменов на чин.

В конце XIV века китайцам удалось освободиться от господства монголов, была основана правящая **династия Мин** (1368-1644 гг.), пришедшая к власти в результате крупных антимонгольских восстаний. В этот период была полностью восстановлена централизованная имперская форма правления, предприняты огромные усилия к реставрации традиционных культурных и духовных ценностей, Китаю был возвращен международный авторитет. На это время приходится первые для Китая географические путешествия, в результате которых был достигнут берег Восточной Африки. С начала XVI века южные прибрежные районы Китая стали подвергаться многочисленным набегам европейских военных флотилий. К концу XVI столетия обостряются отношения Китая с Японией, поскольку Минская династия выступила на стороне Кореи в корейско-японской войне. Внутри страны ситуация продолжала оставаться крайне сложной: одно за другим следовали массовые народные восстания, которые и привели к падению династии Мин. После того, как в результате одного из восстаний была захвачена столица империи, правители были вынуждены обратиться за помощью к маньчжурам, признав зависимость от них. Началась маньчжурская экспансия и господство маньчжурской **династии Цин** (1614-1911 гг.). Маньчжуры сохранили основное социальное устройство китайской империи и его важнейшие управленческие структуры, однако важнейшие посты в государственной иерархии стали отдаваться представителям маньчжурской аристократии на основе установленной квоты при сдаче государственных экзаменов. С момента отречения

последнего китайского императора от власти и установления республиканской формы правления начинается история современного Китая.

Китайская цивилизация, изначально зародившаяся в бассейне реки Хуанхэ, была окружена народами, уступавшими ей в культурном развитии (гунны, монголы, кидани, маньчжуры и т.п.). То, что в военном отношении варвары нередко показывали свое превосходство, справедливо расценивалось как временная победа грубой силы. Орды кочевников накатывались на Китай и периодически захватывали его частично или целиком (тюрки в IV-VI вв., кидани и чжурджени в X-XII вв., монголы в XII-XIV вв.) и словно растворялись в многомиллионном населении Китая. С самого начала завоевателям приходилось воспринимать китайскую культуру и государственность, поскольку им было нечего противопоставить тысячелетней китайской традиции.

В Китае всегда очень высоко ценили цивилизованность. Цивилизованность (вэнь) отличала человека образованного от необразованного, неразвитого. Культура свидетельствовала о более высокой природе человека, о том, что он поднялся на более высокую ступень. В силу этого культура почиталась выше грубой силы, а гражданская служба выше военной службы. Китайский император никогда не стремился прослыть великим военачальником, зато поэзия и ритуал (традиции) мыслились делом великим. Иероглифическая письменность же вообще воспринималась как проявление благодати.

Китайская традиция признает как бы два самостоятельных вида национального письма — триграммы и собственно иероглифику. Хотя триграммы никогда, насколько это известно, не использовались в письменной практике, именно с ними связывается начало местной письменной культуры. Приписываемые архаическому божеству-императору Фу-си, триграммы включают в себя восемь графических комбинаций, состоящих из трех сплошных и прерывистых черт и полагаемых обозначением следующих восьми природных реалий и явлений: «небо», «земля», «огонь», «вода», «гром», «ветер», «гора» и «болото». В науке высказывается версия об обратной хронологической последовательности иероглифов и триграмм и о происхождении триграмм от простейших и впоследствии утраченных

протоиероглифов (пиктографических знаков)¹. Изобретение собственно иероглифической письменности тоже приписывается легендарному персонажу — Цан Се, рисуемому в облике то мифического четырехглазого существа, то архаического государя, то министра Хуан-ди. В действительности китайское иероглифическое письмо восходит к росписям на неолитической керамике, где обнаруживаются особые композиционные единицы — кинеграммы (круг, спираль, зигзаг, волнообразная линия), имевшие семантический смысл. Кинеграммы частично сохранились в иньском письме. К ним относятся почти все цифры, а также ряд диффузионных, нерасчлененных конкретно-абстрактных понятий, например «верх», «низ», передаваемые соответственно точкой или короткой линией над и под горизонталью (нечто под и над горизонтом). Иньское письмо представлено пиктограммами, т. е. графическими изображениями, восходящими к рисунку отдельных предметов или явлений. Одновременно уже в нем выделяется несколько групп знаков, различающихся по своей сложности: простейшие пиктограммы; комплексные пиктограммы, посредством которых начали передаваться абстрактные и усложненные конкретные понятия и которые представляют собой соединение нескольких рисуночных изображений; идеограммы — тоже комплексные графические образования, но уже обозначающие абстрактные понятия. Следующий этап истории развития китайской письменности представлен раннечжоуской эпиграфикой — надписями на бронзовых сосудах, объем которых в отдельных случаях достигает 500 знаков. Использование нового материала (бронзы) повлекло за собой графическую трансформацию иньских пиктограмм: овальные, круглые формы превратились в квадратные, прямоугольные и тяготеющие к ним, что осталось в силе и для последующей каллиграфии.

Первые китайские книги появились, судя по имеющимся на сегодняшний день археологическим данным, в позднечжоускую эпоху. Основным писчим материалом вначале служили бамбуковые планки длиной в 50-70 и шириной в 10-15 сантиметров. Текст наносился только на одну сторону планки и располагался столбиком, идущим сверху вниз. В качестве орудия письма использовалась так называемая «бамбуковая кисть» (би) — заостренный деревянный

¹ Кравцова М.Е. История культуры Китая. М., 1999. С.315.

стиль, а в качестве чернил — сок лакового дерева. Таким образом, иероглиф уже не процарапывался, а выписывался на поверхности. Бамбуковые планки связывались посредством веревки или шнура, продетых через просверленные в их верхней части отверстия, — так образовывалась отдельная книга. Бамбуковые книги были чрезвычайно неудобными для использования — они занимали много места, а скрепляющие планки веревки и шнуры постоянно перетирались и лопались. Поэтому уже к III в. до н. э. китайская письменная культура перешла на новый писчий материал — шелк, что потребовало изобретения волосяной кисти и туши. Кисть изготовлялась из пучка меха соболя или лисицы (в дешевом варианте — зайца, кошки), которому придавалась конусообразная форма, после чего он перевязывался понизу нитью, обмазывался канифолью и вставлялся в прорезь бамбуковой ручки, нередко украшавшейся резьбой и инкрустацией. На кисть надевался конический футляр. Рецепт приготовления туши на основе лампадной сажи датируется традицией V-IV вв. до н. э. Впоследствии в тушь для придания ей блеска добавляли яичный белок, а также мускус и сок растений. Кроме обычной черной туши, существовала и «золотая тушь», которая использовалась при написании раритетных текстов и на бумаге черного или темно-синего цвета (так называемые «золотые рукописи»). Тушь хранилась в виде твердых блоков, которые растирались на специальных каменных плитках. Непосредственно перед употреблением тушь разбавлялась водой и наливалась в тушечницу. Писчий материал, кисть, тушь и плитка для растирания на ней туши имеют общее образное название «Четыре драгоценности», наглядно свидетельствующее о характере отношения китайцев к местной письменной культуре. Шелковая книга представляла собой прямоугольный кусок шелка, один конец которого прикреплен к деревянному стержню. Полотнище наматывали на стержень, получая тем самым свиток. Одна книга состояла, как правило, из нескольких свитков, откуда берет начало принятая в дальнейшем разбивка издания на главы — цзгоами (дословно — «главы-свитки»). Свитки, составляющие одну книгу, хранились в тубообразных чехлах, на которые наклеивалась этикетка с названием сочинения и числом его томов. Так как текст наносился на шелковое полотнище правой рукой, а само оно при этом разворачивалось справа налево, то столбцы иероглифов теперь стали располагаться в этом же порядке.

Такая композиция текста – сверху вниз и справа налево – сохранялась в Китае вплоть до начала XX века¹.

Хотя бумага была изобретена в Китае еще во II в. до н. э., бумажные книги появились только в VII -VIII вв., копируя на первых порах шелковые свитки. Чуть позже появились другие технологические разновидности книг, в первую очередь «книги-гармоники», когда бумажный лист, составляющий главу – цзюань, складывался в виде гармошки. Окончательный свой вид китайская книга приобрела уже после изобретения книгопечатания.

«Важнейшим свойством китайской иероглифики является независимость значения отдельного знака от фонетической нормы данного слова»². Это позволило китайской письменности стать универсальным посредником между разными языками и диалектными группами как на территории самого Китая, так и за его пределами. Китайская письменная культура располагала скромным лексико-графическим фондом, объем которого чуть более 10 000 знаков. Правда, в китайских словарно-справочных изданиях, традиция создания которых тоже восходит к позднечжоускому периоду, число иероглифов доводится до 80 000. Однако подавляющий процент этой огромной цифры составляют не имеющие в настоящее время хождения знаки и графические различия, изобретенные и нередко лишь единожды употребленные кем-нибудь из прославленных литераторов и мыслителей прошлых веков. Но и указанный лексикографический фонд используется в китайской письменной культуре крайне неравномерно. Каждая из отдельных ее подтрадиций – философская, политическая, художественная литература — обладает собственным лексико-терминологическим аппаратом, к которому сводится большая часть лексического объема соответствующего текста. Так, словарь «Канона поэзии», при общем объеме этого памятника в 30 000 знаков, состоит всего из 2993 иероглифов. Словарный запас даже ведущих китайских поэтов, общий объем творческого наследия которых намного превышает 10 000 знаков, колеблется в пределах 1500-2500 иероглифов. Словари таких важнейших философско-теоретических памятников, как «Луньюй», «Мэн-цзы» и «Чжуан-цзы», состоят соответственно из

¹ Подробнее о стилях иероглифического письма см.: Кравцова М.Е. История культуры Китая. М., 1999. С.38-319.

² Кравцова М. История культуры Китая. М., 1999. С.319.

1400, 1800 и 2300 иероглифов.

Это объясняется тем, что иероглиф, будучи по своей природе живописным изображением, сохранил за собой все свойства художественного образа: иероглифическое письмо даже воспринимается иным, чем фонетическое, полушарием мозга. «Практически каждый иероглиф, в первую очередь знаки категориального ряда, обладает не просто обширным понятийным ареалом, но и способностью воспроизводить собою весь комплекс символических ассоциаций, связанных с данным конкретным явлением, предметом или понятием»¹. Так, например, иероглиф «фан», имеющий основное словарное значение «аромат», «ароматный», может передавать любой приятный запах и его источник: весеннюю растительность – «ароматные (т. е. весенние) травы»; весну как время года и период жизни (юность) человека; высокую степень духовности личности – «ароматные (т. е. преследующие высокие цели) желания», «ароматные речи»; характеристику внутреннего облика личности и поступки – «ароматная слава», «ароматное имя». Китайский язык служит, таким образом, наглядным воплощением одной из интереснейших особенностей китайского мышления: отсутствия четкого разграничения между частью и целым, сущностью и явлением, принципом и его воплощением. Таким образом, «общие свойства китайской иероглифики, проистекающие из природы иероглифа как художественного графического образа, предопределили качественное своеобразие всей китайской словесности, в первую очередь художественной литературы»². В китайской литературе перечисление конкретных признаков заменяет общее определение предмета или понятия, а изложение текста сводится к выбору наиболее содержательной цитаты из него.

Наряду с письменностью важнейшим, великим делом, «канвой государственности» считалось соблюдение традиции, ритуал. Ритуал обозначается понятием «ли» (обряд, правило, обычай, церемония, добропорядочность). Он представляет собой совокупность обязательных правил поведения, запретов, регламентов, этических норм. Эти правила (т.е. форма действия) были максимально акцентированы. Постепенно значение стало придаваться не столько

¹ Там же. С.321.

² Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. С.28.

самому действию, сколько его форме. Ритуал как бы освобождался от своего изначального мифологического содержания, обретал самостоятельную жизнь и начинал доминировать в культуре. Его функционирование заключалось в полном усвоении каждым членом общества определенной формы, алгоритма поведения, тесно связанного с социальным положением, с ролью человека в обществе и государстве. Китаец выступал носителем формальных этических норм, которые доходили до уровня рефлекса.

Знание письменности (иероглифов) и ритуалов как раз и определяло цивилизованность человека. Китайцы всегда смотрели на другие народы (включая и европейцев) свысока, считая их варварами, ибо те не знали иероглифов, то есть, по мнению китайцев, оставались неграмотными, и не были знакомы с ритуалом. Значит, иноземцы были «хуже самой последней крысы» – неразумной и мерзкой твари. Из этого представления проистекало отношение к иным странам как к менее развитым. Китайские императоры практически не отправляли посольств в другие страны, а от иностранных послов, равно как и от собственных подданных, требовали девяти земных поклонов.

Важнейшей чертой китайской культуры стало неприятие достижений западной цивилизации. Китайцы никогда не желали делать ничего по чужим правилам или чужим способом. Они были готовы отказаться от любых изобретений, открытий в области науки и техники, от достижений военного дела, лишь бы не попасть в подчинение, в зависимость от них. Нужно заметить, что китайцы имели достаточно оснований для того, чтобы опасаться европейцев, что позднее подтвердила история: «опиумные войны», в результате которых европейские державы получили право продавать в Китае опиум, подавление национального «боксерского» восстания, разграбление Пекина интервентами и т.д. Еще с незапамятных времен злые духи изображались в Китае с белыми лицами (символ порока и загробного мира) и с не уложенными в традиционную прическу рыжими волосами. Вследствие не всегда благовидных действий европейцев их образ трансформировался в образ «заморского черта» («ян гуйцзы»).

Еще одна важная черта культуры Китая – это ее рациональность (гораздо большая, нежели, к примеру, в Индии). Даже в религии доминирующей была этика, а не размышления над сущностью бытия и возможностях его познания. Религиозная культура Китая это не

столько культура чувства, сколько культура рассудка. Китаец не стремился к слиянию с богом, как это было в Индии, а жил нормальной земной жизнью, размеренной и подчиненной строгим правилам. Боги его не личностные боги, наделенные способностью к чувственной жизни, а рассудочные абстракции, скорее даже общие понятия. Высшее божественное начало – Небо, которое нейтрально, безразлично по отношению к человеку. Это абстрактная всеобщность. Так же абстрактна и категория Дао (путь, великий закон, абсолют) в даосизме. Китаец не переживает экзальтированного эмоционального общения с богом. Высшее божественное начало Небо вообще связано не с человеком, а с обществом через посредство императора. Именно на императора и распространяется божественная небесная благодать.

И тем не менее, исследователи Древнего Востока обычно отмечают, что культура древних народов, в том числе и древних китайцев, ориентирована не на рациональные знания, а на мудрость. Сегодня, живя в XXI веке, мы утратили существовавшую в Древнем Китае «технику сердца» (синь шу), обеспечивавшую доверие, искренность и радушие между людьми. Однако и сегодня учения китайских мудрецов звучат предельно актуально, помогая нам формировать наше собственное отношение к окружающей действительности, обществу и государству, собственному духовному миру: «Стыдись быть бедным и незнатным, когда в стране есть путь; стыдись быть знатным и богатым, когда в ней нет пути»¹. Учения китайских мудрецов несут в себе огромный запас искренности и благородства. Не случайно поэтому Вольтер писал, что «никогда почитание бога не было столь чистым и святым, как в Китае (вплоть до богооткровенности)... В чем заключается религия всех благородных людей в Китае в течение стольких веков? А вот: чтите небо и будьте справедливыми»². В начало всякого культурного процесса было положено внутренне совершенствование души, и на это совершенствование была направлена вся древняя китайская культура.

Несмотря на то, что в религиях рациональные черты часто брали верх над эмоциональными, религии сыграли величайшую роль в культурном развитии Китая. Первостепенное значение имели для

¹ Конфуций. Луньюй // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.93-94.

² Вольтер. О Конфуции// Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.950.

древних китайцев «Три учения» – конфуцианство, даосизм и буддизм. Эти теории не похожи друг на друга: если конфуцианство более ориентировано на социально-этическую проблематику, то даосизм более богат онтологическими идеями, если буддизм более интересовался посмертной судьбой человека, то конфуцианство заботится о жизни настоящей. Однако в Китае возник феномен синтеза всех этих учений. Люди с готовностью служили разным богам и принимали многие этические идеи различных, казалось бы, несовместимых теорий. В дни полнолуний и новолуний одни и те же люди посещали храмы различных конфессий: утром – светлой, буддийской; вечером – сумрачной даосской; в своей же общественной жизни они следовали обрядам и установлениям конфуцианства. Все три учения (включая и единственную иноземную религию – буддизм), находились в гармоничном единстве, составляя своеобразную культурную канву. «Слова китайской мудрости – звездный узор, вышитый в ночном небе самоуглубленной души. Загорятся ярче звезды слов-фрагментов – плотнее стгустится мрак небесных глубин. И чем проще эти слова, тем настойчивее зывают они к безмолвию премудрой души – бездонной и прозрачной как само небо. Чем полнее наше присутствие в мире, тем больше мы скрыты от внешнего, ограниченного взора»¹. Действительно, учения китайских мудрецов достаточно безыскусны. Однако за этой простотой стоит духовная сила и авторитет, который определил развитие китайской культурной традиции на многие последующие века.

Из трех великих учений Китая конфуцианство в наиболее полной мере отражало свойственное архаической стадии культуры представление о тождественности понятий космической и социальной справедливости. Это учение являлось «своего рода социально-этической антропологией, а его основное внимание сосредоточено на человеке, проблемах его врожденной природы и благоприобретенных качеств, поведения в обществе, взаимоотношений с другими людьми»². «Конфуцианство» – это европейское название школы, происходящее от европеизированного имени ее создателя Конфуция. В самом Китае эта религия носила название «школы книжников». Основатель конфуцианства Кун Цю (таково настоящее его имя) более

¹ Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге нового времени. М., 2000г. С. 61.

² Кравцова М.Е. История культуры Китая. М., 1999. С.215.

известен как Кун-цзы – «Учитель Кун». О жизни его сохранилось огромное множество преданий, содержащих разнообразные подробности биографии этого выдающегося мыслителя, хотя сегодня трудно судить, что в этих рассказах правда, а что – плод фантазии ревностных почитателей. Родился Кун Цзы в 551 г. до н.э. в городке Цюйфу (княжество Лу), в семье мелкого чиновника. После смерти отца мальчик жил с матерью. Когда же ему исполнилось семь лет, он поступил в школу, в которой проходил обучение в течение последующих десяти лет. Еще в школьные годы он отличался усердием и любовью к изучению обрядов. Женившись в 19 лет, Конфуций долгое время служил на различных чиновничьих должностях, но не смог добиться серьезных успехов. В это время, в эпоху правления династии Чжоу, Китай переживал сложные времена: это был период раздробленности страны на мелкие княжества и междоусобиц. Будучи убежден в том, что все беды происходят от небрежения к заветам предков, Кун-цзы решил возродить те великие нравственные принципы, которыми руководствовались в своей деятельности правители древности. Оставив службу, Кун-цзы начал проповедь своего учения, основу которого составила идея возрождения старинных обычаев и культов, обрядов и верований далеких предков. Это означало, в первую очередь, исправление самого себя, возвращение к тому, что изначально заложено в нас, к «чистоте сердца, к чистоте, освещенной светом сознания, исполненной бесконечно долгим усилием воли»¹. Учитель Кун любил повторять, что его учение не что иное, как учение, которое преподали и оставили древние. Учитель говорил: «Я продолжаю – не творю; я верю в древность и люблю ее чистосердечно»².

Важнейшую роль в конфуцианстве играет понятие Неба (Тянь). Это высший абсолют, духовная сила, определяющая судьбу. Небо представлялось олицетворением высшего разума и справедливости и почиталось посредством жертвоприношений. Небо – «великое начало, способное родить, наделить и погубить» человека. В.В.Малявин, например, отмечает двусмысленность этого понятия: «С одной стороны, Небо выступает как оппозиция Земле и человеку, но с другой – являет собой (и притом даже в своем физическом облике) нечто предельно открытое, пустое, бесконечное, некую

¹ Малявин В.В. Конфуций. М., 1992. С.151.

² Конфуций. Луньюй // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.46.

абсолютную бездну – ту самую мировую пещеру или Великую утробу, которые вмещают в себя все сущее, делают возможным всякое бытие»¹. Оно является подателем блага и жизни, и оно же определяет социальную иерархию на земле: даровав жизнь людям, Небо дало им и страсти, а поскольку страсти влекут за собой человеческие распри и смуты, то Небо породило и высокоразумного человека – правителя Поднебесной. Таким образом, правитель оказался обожествленным как уполномоченный Неба на земле, как посредник между миром людей и Небом, как носитель небесной власти и благодати. На протяжении длительной истории Китая обращаться от имени китайского народа к Небу имел право только правитель. Все это привело к тому, что в Китае чрезвычайного развития достигло обожествление императора. Что касается Кун-цзы, то метафизические вопросы в трактовке понятия Неба его мало занимали, поскольку главный предмет интереса мыслителя – этические и социальные проблемы, что позволяет говорить о вполне определенном антропоцентризме конфуцианства.

Постоянно наблюдая в обществе социальное неравенство, Конфуций пытался найти разумное объяснение подобному общественному состоянию. Оно, по мнению основателя конфуцианства, закономерно и даже необходимо: «Правитель должен быть правителем, подданный – поданным, отец – отцом, сын – сыном»². Исток общественного зла находится вовсе не в социальном неравенстве, а в небрежении к моральным заповедям и правилам. Если каждый, независимо от того, какова его роль в общественной иерархии – является ли он императором, чиновником, крестьянином или ремесленником – будет следовать высоким этическим принципам, справедливость победит социальное зло. Именно поэтому конфуцианцы огромную роль в общественном развитии отводили морали и возводили последнюю в ранг средства решения всех проблем. В самом деле, последователи Конфуция учили, что по природе своей люди добры, но если человека не учить и не воспитывать, то его добрая природа извратится. В соответствии с учением Конфуция, с точки зрения моральности общество делилось на два больших разряда – обладающих высокими моральными качествами «благородных мужей» и порочных «ничтожных людей».

¹ Малявин В.В. Сумерки Дао. М., 2000. С. 44-45.

² Конфуций. Луньюй// Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.59.

«Благородные мужи» (цзюнь-цзы) являли собой господствующий класс, который должен был управлять «ничтожными людьми». «Великая мораль» (да дэ) и благодетель «благородных мужей» – это дар Неба. Соблюдая установленные Небом законы, «благородный муж» конфуцианства являет собой совершенство. Он обладает пятью величайшими добродетелями – человеколюбием, долгом, нормами поведения, знанием, верностью. Кроме того, важной добродетелью считалась сыновняя почтительность.

Человеколюбие (жэнь) – важнейшая добродетель «благородного мужа». В этом термине сочетается милосердие и сострадание, доброта и любовь к людям, искренность и справедливость, самопожертвование и скромность. Конфуций не раз учил своих последователей, что только будучи человеколюбивым можно обладать и другими добродетелями: если человек не человечен, то что же он может понять в ритуалах, как он может осознать, что является долгом, как он сможет проникнуть в суть истины и как узнать ему, в чем проявится почтительность по отношению к родителям. «Лишь истинно человеческий человек способен любить и способен ненавидеть»¹, – говорил Кун-цзы. Человеколюбие стало в конфуцианстве той добродетелью, на которой основывались все прочие положительные качества, а также все социальное устройство в целом. Учитель повторял: «Прекрасно там, где человечность»². Человек от рождения наделен чем-то вроде способности к человеколюбию, которая может реализоваться только в общении с другими людьми. Великий Учитель призывал руководствоваться «жэнь» и уподобляться мифическим правителям прошлого – Яо, Шунь и Юй, которые воплощали в своей жизни эту добродетель.

Следующая важнейшая добродетель в этическом учении Конфуция – долг (и). Долг – это средство реализации человеколюбия: долг есть нравственные обязанности, которые возлагает на себя человек, его обязательства по отношению к Небу, к другим людям, к обществу в целом. Долг как раз и выражается в обязанности быть человеколюбивым, стремиться к знаниям, следовать ритуалу, почитать родителей. Это моральные императивы, которым «благородный муж» следует, исходя из внутреннего убеждения.

¹ Конфуций. Луньюй // Цит. по: Из книги мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худ. лит., 1987. С.37.

² Конфуций. Луньюй // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.30.

Этику Кун-цзы невозможно понять без осмысления еще одной важнейшей добродетели – правил, норм поведения (ли). В широком смысле ли – это ритуал, этикет, совокупность церемоний и обрядов. В понятии «ли» кристаллизуются те нормы, которым должен следовать человек, чтобы быть добродетельным и жить благопристойно. Они пронизывали всю жизнь китайца от рождения до самой смерти. Ритуалы служили необходимой формой действия, без исполнения которой невозможно было говорить о правильности и самого этого действия. «Ли образует форму динамического взаимоотношения людей, придающую им человеческие черты... Если побеждать себя и всегда быть обращенным к ли, то требуется в буквальном смысле только изначальный ритуальный жест в надлежащем обрядовом контексте, и тогда все происходит»¹.

Знание (чжи) как важнейшая добродетель конфуцианства сводилось к изучению старинных книг и заимствованию опыта предков. Наверное, и не могло быть иначе, если вспомнить слова самого Конфуция: «Люблю старину и верю в нее». Опыт прошлого становился при этом мерилем всего нового. К заветам предков обращались, стремясь решить современные проблемы, ответить на вновь возникающие вопросы. Так рождалась удивительная вера в авторитеты и уважение к прошлому. Здесь таятся многие истоки традиционности и консерватизма китайской культуры. С одной стороны, можно говорить о том, что такие представления о знании и истоках его получения были препятствием на пути развития науки, техники, освобождения личности. С другой стороны, – они во многом послужили сохранению культурных традиций китайского народа и его самобытности.

Следующая добродетель – верность (синь) – рассматривалась прежде всего как верность подданного своему правителю. В добродетель верности входила также любовь к своему отечеству. Верный человек должен гореть чувством почитания правителя и чувством патриотизма. Это предполагает отрешение от всего частного, суетного, утилитарного. Добродетельный человек постоянно должен чувствовать ответственность за каждый свой поступок, осознавать его возможные последствия для своего правителя, для всего «Срединного царства», для каждого из

¹ Фингаретт Г. Конфуций: мирянин как святой // Конфуций. Я верю в древность. С.310.

окружающих людей. В этом доблесть «благородного мужа». Как утверждал М.А.Блюменкранц, «одно из фундаментальных положений конфуцианской доктрины о безусловной преданности чиновника правителю и безусловном почитании его не являлось актом примитивного конформизма..., а совершенным актом, призванным поддерживать равновесие и гармонию во Вселенной»¹.

Верность была непосредственно связана с сыновней почтительностью (сяо): благородный верен не только отечеству и государству, но и родителям. Почтительность означает любовь к своим родителям и, в первую очередь, к отцу. Кун-цзы учил, что недостойн имени сына тот, кто более любит другого человека, нежели своего отца. Почтительность «сяо» требовала, прежде всего, искренности: родителей нужно было любить всем сердцем, быть преданным им всем своим существом. Китайские предания полны рассказов о том, как реально проявляли сыновнюю почтительность китайцы. Один из них, будучи не в силах прокормить большую семью, закопал в землю своего маленького сына, чтобы, избавившись от лишнего рта, прокормить старуху-мать. Другой, давно уже став взрослым мужчиной, продолжал делать вид, будто играет в игрушки, чтобы его родители не чувствовали старения. Сыновняя почтительность – одна из важнейших основ китайской социальности. Общество – это всего лишь большая семья, на которую также распространяются отношения, складывающиеся в семье. Император всегда рассматривался в Китае как заботливый отец всех своих подданных, а местный чиновник – как отец населения своего района.

Если суммировать этические заповеди Конфуция, то в конечном итоге можно получить «золотое правило морали».

«Цзыгун спросил:

– Существует ли одна-единственная заповедь, которой можно следовать всю жизнь?

– Будь великодушен, – сказал Учитель. – Не делай другим того, чего себе не желаешь»².

¹ Блюменкранц М.А. Конфуций: вчера и сегодня // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.9

² Конфуций. Луньюй // Цит. по: Из книги мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худ. лит., 1987. С.45.

Может быть, в этой заповеди и раскрывается по-настоящему конфуцианское человеколюбие «благородного мужа». Люби других, уважай людей, не делай им того, чего не желаешь в отношении себя.

«Благородным мужам» в теории конфуцианства противостояли «ничтожные люди» (сяожэнь), стремящиеся к удовлетворению низменных потребностей, руководствующиеся инстинктами и страстями. Ничтожный человек не способен понять веления Неба, он не прислушивается к советам великих людей и совершенномудрых. Ничтожными нужно управлять. Правители мудры и наделены властью Небом, подданные глупы и ничтожны, а значит их удел – повиноваться. Глупость основной массы народа не позволяет ей понять, в чем счастье и истинный путь; её можно заставить следовать за собой, но нельзя заставить знать – для чего. Это безликая масса. «Когда под небесами следуют пути, народ не рассуждает»¹.

Непоколебимость социальной иерархии выразилась в конфуцианском учении об «исправлении имен» (чжэн мин). Каждый человек должен занять в обществе строго определенное положение, иметь свой статус, играть точно определенную социальную роль – быть правителем, наместником, чиновником, учителем, крестьянином. Если имена неправильны, значит, и слова не имеют под собой основания, а если слова не имеют под собой основания, значит, и дела не могут правильно совершаться. Следовательно, необходимо вернуть вещи в соответствие с их названиями. Это учение было ничем иным как укреплением иерархического деления.

Учение Кун-цзы оказалось очень своевременным и удобным для господствующих слоев: проповедь ритуала, возвращения к заповедям предков, покорности и повиновения, сыновней почтительности и культа правителя удачно вписывались в общественные отношения Китая того времени. Конфуций очень быстро нашел приверженцев и учеников, которых, если верить преданиям, насчитывалось три тысячи. Из них наиболее близки учителю были 72 человека, двенадцать из которых постоянно сопровождали Конфуция. В течение многих лет Кун-цзы путешествовал по различным областям Китая, а когда ему исполнилось 66 лет, он вернулся в княжество Лу, где и пробыл до конца жизни. Умер Кун-цзы в 479 году до н.э., в возрасте 72 лет. В городе Цюйфу, на месте дома Конфуция построен огромный храмовый комплекс, а захоронение Учителя и его учеников

¹ Конфуций. Луньюй // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.106.

превращено в пантеон, занимающий более двадцати гектаров земли. В главном храме этого комплекса – Дворце высшего совершенства – находится статуя Конфуция, на пьедестале которой написано: «Самый святой, одаренный даром предвидения мудрец Конфуций – место успокоения его духа». Слава Кун-цзы «осенила» и его потомков: на протяжении многих столетий представители рода Кун жили в доме рядом с храмовым комплексом, а главы рода были феодалными правителями округа.

После смерти Конфуция его учение распалось на восемь школ, среди которых наибольшее распространение получили школы Мэ-цзы и Сюнь-цзы. Первый из них развивал идеи о врожденности доброты человеческой природе, утверждая, что истинную, добрую природу человека можно возродить посредством воспитания. Второй же утверждал, что и добро и зло являются естественными силами природы, представляющими собой формы существования первоматерии Ци. В отличие от Мэ-цзы, Сюнь-цзы считал, что человек зол по природе, и чтобы сделать его добродетельным, необходим длительный путь образования и воспитания.

При императоре У-ди (140-87 гг. до н.э.) конфуцианство заняло господствующее положение в Китае. Примерно в это же время оформился канон конфуцианской литературы – «Пятикнижие», в который входили книги Шицзин (книга песен и гимнов), Шуцзин (книга истории), Ицзин (книга перемен), Лицзин (книга ритуала), Чуньцу (книга весны и осени). Изначально к канону принадлежала ещё и книга Юэцзин (книга о музыке), которая была впоследствии утрачена. В 555 году был издан императорский указ о возведении в каждом китайском городе храма Конфуция (в XIX в. их насчитывалось около 1560). Во время правления династии Тан (618-907 гг.) Конфуцию был присвоен титул «первый святой», а при династии Мин (1368-1644 гг.) его стали именовать «великим учителем нации». Взгляды же Кун-цзы и его последователей составили основу всей культурной жизни Древнего Китая. И более того, если внимательно посмотреть на современный Китай – на особенности отношений между людьми, на нравы и обряды, на образование – практически везде можно разглядеть свидетельства влияния этого древнего учения.

Как уже говорилось выше, обосновав идеал личности и сказав, что изначальная природа человека (син) либо нейтральна к добру и

злу (Конфуций), либо исходно добра (Мэн-цзы), либо же содержит в себе зачатки доброго и злого начал (Дун Чжуншу), конфуцианцы сходятся во мнении о возможности искусственного воспитания добра и нейтрализации зла путем воздействия на личность. Семейное воспитание непременно должно дополняться, а может, и восполняться образованием. При этом первоочередное значение в конфуцианстве придавалось изучению истории, т. к. именно на материале конкретных исторических прецедентов и их последствий легче всего научить человека распознавать добро и зло, привить ему стремление к добродетелям и внушить ему страх перед пороками. Вот причина столь исключительной популярности в древнем и традиционном Китае анналистической и историографической литературы.

Вслед за архаико-религиозными и натурфилософскими представлениями особое значение в конфуцианстве придавалось художественной словесности, прежде всего поэтическому творчеству. «Ум образовывается чтением од», - считал Конфуций¹. Одновременно архаико-религиозное (отражение магической силы государя и способ реализации его сакральных функций) и натурфилософское (воплощение и способ поддержания природного «космического узора») осмысление поэтического текста было переведено в этическую плоскость и трансформировалось в дидактико-прагматический подход к поэзии. С позиций этого подхода поэтический текст наделялся способностью и предназначался для поучения верховных властей, исправления изъянов правления, упрочнения социального порядка, распространения конфуцианских этических идеалов, а также для отражения нравов жителей страны, моральных качеств конкретного автора и его потенциальных возможностей как члена социума. «На первых порах конфуцианские поэтологические воззрения распространялись преимущественно на народное песенное творчество, вызвав к жизни практику сбора народных песен, дабы по ним центральная администрация могла судить о нравах и настроениях подданных и об их реакции на проводимую ею политику»². Будучи затем перенесенными на авторскую поэзию, эти воззрения окончательно способствовали превращению стихотворчества в нормативное для членов высших

¹ Будда. Конфуций. Жизнь и учение. М., 1995. С.67.

² Кравцова М. Е. История культуры Китая. М., 1999. С.219.

привилегированных сословий занятие: в традиционном Китае в государственный экзамен на чиновничий чин входило написание сочинения в форме поэтического (прозопоэтического) произведения. В результате за поэтическим творчеством закрепилось его главенствующее положение в родовой иерархии национальной художественной словесности, а занятия стихотворством стали самым распространенным видом творческой деятельности китайцев – видом, пользующимся наивысшим общественным признанием.

Существенно, что конфуцианские образовательные идеи не являлись только теоретической декларацией. Китайское общество не относилось к числу стратификационно замкнутых (по типу, например, варновой структуры Индии). Ему была свойственна социальная мобильность, допускавшая переход человека из одного сословия в другое. Обладание соответствующими образованностью и литературными способностями действительно делало возможным для выходца из простонародья стать чиновником и постепенно подняться в верхние слои социальной иерархии. Такой путь, если верить их жизнеописаниям, прошли многие известные исторические деятели Китая. И если в европейской культуре вплоть до наших дней широкое хождение имел «сюжет о Золушке», то в Китае аналогичное место занимал «сюжет о бедном сироте», герой которого — мальчик, оказавшийся по воле судьбы в крайне неблагоприятной для него жизненной ситуации (сирота, сын преступника и т.п.). Однако этот мальчик сумел благодаря собственным стараниям получить необходимое образование и впоследствии добиться общественного признания и материального благополучия. Вариант такого сюжета угадывается и в биографии самого Конфуция «В детстве я был беден, поэтому приходилось заниматься многими презираемыми делами»¹.

Конфуцианские методики духовного самосовершенствования личности требовали от человека предельного напряжения его внутренних сил и определенного мужества, в чем себе отдавали отчет конфуцианские мыслители и апологеты этого учения. Сам Конфуций признавался, что он не в состоянии следовать путеводным основам «благородного мужа», заключавшимся, по его же формулировке, в умении подавлять в себе чувство печали, страха и не поддаваться сомнениям. Китайская художественная словесность изобилует

¹ Цит. по: Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука, 1993. С.49.

сетованиями ее авторов на трудности пути «благородного мужа». Показателен в этом смысле отрывок из Луньюй:

«Цзылу заночевал у Каменных ворот. Утром привратник спросил его:

– Ты от кого идешь?

– От Конфуция, – ответил Цзылу. Привратник воскликнул:

– Не тот ли это, кто продолжает делать то, в чем, как он знает, ему не достичь успеха?»¹

В отличие от подавляющего большинства известных древних учений и верований, конфуцианство не освящало выдвигаемые им постулаты и предписания авторитетом каких-либо божественных персонажей и не обещало своим последователям достижения сотериологических идеалов. Культ Неба и культ предков в русле конфуцианской традиции практически полностью утратили свое архаико-религиозное содержание, превратившись в этические категории, коррелирующие с натурфилософскими представлениями: небо как олицетворение небесной стихии, социокосмического порядка и мужского начала мира, культ предков как форма почитания памяти усопших. «Хотя конфуцианство не было лишено зачатков фаталистических представлений (вера в predeterminedность судьбы человека внешними по отношению к нему и к миру людей обстоятельствами), под «волей Неба» в нем понимались в первую очередь все те же естественные космические закономерности»². Поэтому идея «воздаяния» как высшей награды или кары за совершаемые человеком благие или дурные поступки здесь отсутствует. Следуя знаменитому высказыванию Учителя: «Не зная, что такое жизнь, можно ли знать смерть?», конфуцианские мыслители абстрагировались от рассмотрения онтолого-сотериологической проблематики. Ими лишь констатировался факт неизбежности смерти и выдвигалась идея «славного имени», предполагавшая вечность памяти о человеке в случае совершения им достойных такой памяти деяний. «Идея «славного имени» впоследствии вызывала наибольшие нарекания со стороны чиновников-интеллектуалов, справедливо полагавших, что благодарная память потомков, во-первых, эфемерна и, во-вторых, не способна компенсировать конечность человеческого

¹ Конфуций. Луньюй // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.95-96.

² История китайской философии. М., 1989. С.147.

бытия»¹. Одновременно самому Конфуцию предъявлялись упреки в том, что он заботился лишь о социальной стороне бытия человека, забывая о нем как о личности.

Правомерен вопрос: чем же тогда объясняется авторитет и популярность конфуцианства в Китае? Дело в том, что сотериологические идеи все же присутствовали в этом учении, правда, в достаточно своеобразном виде. «Кара» за дурные деяния проистекает, по мысли конфуцианцев, из самой природы зла, которой свойственна необратимая тенденция к саморазрушению. Находясь во власти эмоций, следуя дурным побуждениям и совершая порочные поступки, человек неизбежно начинает морально деградировать, и этот процесс деградации постепенно и неуклонно охватывает все его окружение, распространяясь по горизонтали (семья, ближайшее окружение) и вертикали (дети, подчиненные, подданные). В результате рано или поздно, но обязательно наступит момент, когда все обретенное этим человеком — накопленные им материальные ценности, достигнутый им социальный статус, возглавляемая им политическая фракция или правящий режим — погибнет, увлекая за собой все новые жертвы и вызывая новые разрушения. Это могло произойти как при жизни «злодея», так и после его смерти. В первом случае он становился не только свидетелем вызванной им же самой катастрофы, но и ее жертвой, будучи обреченным на насильственную смерть, причем нередко от рук его же бывших соратников, или на кончину в полном одиночестве, терзаемый физическими или духовными муками. Тогда как «благородный муж» своими качествами и деяниями создавал как бы «благую ауру» вокруг себя, которая обязательно приводила к процветанию его семьи, рода и страны. Следовательно, как замечает М.Кравцова, «конфуцианство является сугубо антропоцентрическим по своей сути учением, что тоже полностью отвечало ментальным константам китайской цивилизации»².

В целом, анализируя конфуцианство, можно утверждать, что оно унаследовало и закрепило духовный опыт древнейших эпох национальной китайской истории и создало на основании предшествовавших ему архаико-религиозных и стихийно-натуралистических представлений стройную и целостную систему

¹ Кравцова М. История культуры Китая. М., 1999. С.222.

² Там же. С. 223.

социальных и антропологических идей. Настойчивая пропаганда общечеловеческих ценностей, порицание любых проявлений зла и порока, воспитание в человеке высокого чувства социальной ответственности и повышенной требовательности к себе, а также обучение его приемам внутреннего самоконтроля — все это составляет объективно положительную сторону конфуцианской традиции. «Конфуций стал главным мудрецом Китая как раз потому, что его наследие с наибольшей очевидностью указывает на главную посылку китайской традиции: идею символической деятельности, свершения прежде и после всяких дел, некоей чистой интуиции жизни, из которой с непреложностью вырастают все сложности и тонкости культуры»¹.

Однако доведенные до своего логического завершения конфуцианские идеалы и устои оборачиваются прямо противоположной стороной. Те же образовательные и воспитательные идеи вели к полному нивелированию личности, отрицанию права человека на индивидуальный внутренний мир, духовную свободу и превращали его в послушный объект социализации. Полностью обезличенное внешне и внутренне существо, начисто лишенное инициативы и способное лишь механически исполнять возложенные на него служебные обязанности, — такой портрет «благородного мужа» тоже нередко рисуется в китайской художественной словесности. Заметная консервативность, ортодоксальность и стереотипность мышления китайцев, навязчивый и поражающий европейцев ритуализм повседневной жизни («китайские церемонии»), тенденция китайской цивилизации к духовному тоталитаризму также можно считать культурными последствиями именно конфуцианской традиции². И, наконец, стихотворные и эстетические воззрения конфуцианства, отвергавшие личностное эмоциональное начало, препятствовали развитию индивидуального художественного творчества и способствовали утверждению идейно детерминированного и предельно формализованного официального искусства³. Проблемные аспекты конфуцианской традиции могли бы пагубно сказаться на духовном облике китайской цивилизации, но этого не происходило

¹ Малявин В.В. Сумерки Дао. М., 2000. С. 49.

² Переломов Л.С. Слово Конфуция. М., 1992.

³ Федоренко Н.Т. Древние памятники китайской литературы. М., 1978. С. 195.

по той простой причине, что в общем культурном контексте они компенсировались и сглаживались другими популярными и социально значимыми учениями и, прежде всего, даосизмом.

Второе из «трех учений» Китая – даосизм, являющийся, как и конфуцианство, религиозно-философским учением. Основоположник его – Лао Цзы (Старый Учитель, Старый ребенок), считающийся вторым по значимости учителем Китая (после Кун-цзы). По преданию, он родился в 604 г. до н.э. в царстве Чу и жил в конце VII – начале VI в. до н.э. Имя Лао Цзы – Старый Ребенок – уже само по себе задает тон даосским рассуждениям, подчеркивая противоречивость мира. Как заметил В.В.Розанов, «Азия есть чудесное сновидение, и если она «спит, покой храня», т.е. недалеко ушла в прогрессе, то потому, что среди других материков и их населения она есть Дед и Младенец, вообще чуждый и до сих пор чуждающийся средней, гражданской поры существования...»¹ По преданию, Лао Цзы вышел из утробы матери седовласым старцем. Настоящее его имя, вероятно, Ли Эр (Ли Боян, Лао Дань). Сведения об этом человеке очень противоречивы, что вообще вызывает сомнения в реальности его личности. Учение Лао-цзы изложено в трактате «Дао Дэ Цзин» (книга пути и добродетели). Древнейшая рукопись этой книги создана примерно во II в. до н.э.

Даосизм гораздо более, нежели конфуцианство, метафизичен. Главное понятие даосизма – Дао (путь). Это первопричина, источник всех явлений, всеобщий закон природы. Все существующее в мире произошло из Дао, чтобы в конце пути снова в него вернуться. Дао никто не создал, но все происходит от него. «Оно относится к небытию, а точнее – к сверхбытию. Оно вечно и безымянно, бесформенно, бесконечно, нематериально, подвижно»². Отсюда ясно, что дао невозможно ощутить, чувственно воспринять, но поскольку оно составляет сущность мира, оно присутствует везде, и нет такого места, где бы не находилось Дао. Оно придает вещи ее качество, «вещит вещи», «присутствует» в них. Это ничто, ибо мы ничего не можем о нем сказать, и одновременно – все, ибо весь мир из него. Оно пусто, ибо в нем нет ничего, и неисчерпаемо, ибо в нем в потенции содержится все. «В представлении древних авторов Дао

¹ Розанов В.В. Во дворе язычников. М., 1993. С.76.

² Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993. С.23.

было гигантским гончарным кругом, создающим бесчисленное разнообразие форм, рождающим в мире бытия то, что в своем «добытийном» существовании имело лишь «образ», «идею», но еще не тело»¹.

В соответствии с учением Лао-цзы, в начале космогонии прозрачный воздух (эфир) в пустоте отделился от хаоса, поднялся и образовал Небо, а мутный опустился и образовал Землю. От соединения мельчайших частиц Неба и Земли образовались противоположные силы инь и янь, противоборствующие и взаимодействующие. Они есть начала зла и добра, холода и тепла, тьмы и света. Каждая из этих сил периодически преобладает в противоположной, а затем преобладание ее сменяется преобладанием другой силы. Этот процесс бесконечен, поскольку движение в мире вечно. В покое может находиться лишь условный центр мира, от которого концентрическими движениями распространяется бытие. Это значит, что, только представив себя центром мироздания, человек может обрести покой и гармонию. Идея вечного движения и борьбы противоположных начал воплощается в чрезвычайно широко распространенном графическом образе инь-янь – круге, поделенном на темную и светлую доли. От инь и янь берут начало четыре времени года, пять стихий – дерево, земля, вода, огонь, металл, а также вся совокупность вещей. Согласно идеям «Книги перемен», жизнь – это бесконечная череда превращений, проистекающих из борьбы сил инь и янь. «Истинное следствие Дао есть бесконечное разнообразие бытия без начала и конца, идеи и формы, субстанции и сущности»².

Задача человека – познать Дао, понять гармонию природы. Достигнуть этого возможно путем следования принципу недеяния, который требует не вмешиваться в размеренное течение жизни, не пытаться «исправить» собственную природу. Человеческая природа останется непорочной и естественной, если будет предоставлена самой себе. Основы подобной концепции лежат, как ни странно, в диалектичности даосизма: у всего на свете есть противоположность, и хорошее неизбежно сменяется плохим. «Когда все в Поднебесной узнали, что красота – это красота, появилось и уродство. Когда узнали, что добро – это добро, появилось и зло. Ибо бытие и небытие

¹ Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1997. С. 62.

² Малявин В.В. Сумерки Дао. М., 2000. С.67.

друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг другу вторят, «до» и «после» друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует надеянием и учит молчанием»¹. Действительно, если знаешь, что любой твой благой поступок вызовет зло и порок, то стоит ли что-либо предпринимать? Не лучше ли воздержаться от действия? Так и поступает истинный мудрец-даос. Он не стремится получить чувственный опыт, чтобы его обобщением достичь мудрости и знания. Такая трактовка проистекала из «взгляда на окружающий мир как на нечто вторичное по отношению к миру небытия, где нет еще ни звуков, ни запахов, ни форм, но где рождается все сущее»². Мудрец постигает истину разумом и надеянием: не выходя со двора, он познает мир, не выглядывая из окна, он видит естественное Дао. Это наслаждение своим внутренним совершенством, это своеобразный сон. Не случайно, одной из наиболее популярных притч даосской литературы был простой рассказ древнего даоса Чжуан-цзы: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветов в свое удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не мог понять, то ли я – Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли – бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу»³. По мнению даосов, пробуждаясь, мы словно попадаем в мир, который кажется реальным. Пробуждение – знак глубинного разрыва в нашем опыте. Это превращение, в котором проявляется действие Пути. Это пробуждение дарит покой вечного скитания в радужном океане жизни. «И когда мы понимаем, что нам остается только выбрать приятный сон, премудрый старик примиряется в нас с наивным младенцем»⁴.

Отмеченные выше свойства Дао удачно охватываются фундаментальным для китайской мысли понятием «Великой Пустоты». Это «пустота постоянного отсутствия в наличествующем,

¹ Дао Дэ Цзин // Цит. по: Из книги мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худ. лит., 1987. С.72.

² Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1997. С. 63.

³ Кривцов В.А. Эстетика даосизма. М., 1993. С.67.

⁴ Малявин В.В. Сумерки Дао. М., 2000. С.63.

пустота внесубстантивной среды, пустота небес и мировой пещеры, укрывающих все сущее, пустота сновидений, пустота как среда рассеивания и даже полезная пустота не-свершения в человеческой практике»¹. При этом, следует отметить, что китайская мифологема пустоты имела отношение не столько к философии, сколько к практике. Как утверждает В.В.Малявин, она указывает на внутреннюю преэминентность технической деятельности человека и первоначального Хаоса, поскольку неисчерпаемая конкретность опыта Хаоса смыкается с деятельным и текучим характером одухотворенной жизни². Даже письмо – целиком создание ума и рук человека – слыло в Китае воплощением непосредственного веяния Великой Пустоты. Взгляд на мир «в свете Хаоса» помогает понять загадочную для европейского ума нераздельность искусства и быта, души и вещи в Древнем Китае. Набор всевозможных, всегда неповторимых вещей, составляющих предметную среду человека, – лучший прообраз Хаоса. И, подобно Хаосу, предметная среда есть «пространство пустоты», поле рассеяния духа, где интимная глубина сознания «теряет себя», в чем-то внеположном ей.

Возвышение абсолютно абстрактного Дао, созерцательное отношение к миру, акцентирование иррационального элемента в познании – все это создавало возможности для перерождения даосизма в религию, которое произошло на рубеже нашей эры. В качестве верховного бога был выдвинут Нефритовый (Яшмовый) небесный император. Он считался владыкой рая и ада, наказывал грешников и вознаграждал добродетельных при их жизни, а также судил их после смерти. Население Китая рассматривало его как воплощение Неба. Его мать Бао-шен почиталась как богиня Луны, а отец Цзин-дэ – как бог Солнца. Огромную роль в божественном пантеоне играли Си Ван-му (Мать Западного Неба), олицетворявшая женское начало инь, и Дун Ван-гун (Князь Восточного Неба), олицетворявший мужское начало янь. В пантеон даосизма входят практически все боги Древнего Китая – бог счастья, бог богатства, бог здоровья, царь драконов и др. Кроме того, к ним примыкают и почитаются святые и демоны (бестелесные духи). Особо следует сказать о чрезвычайно широко распространенном среди китайцев культе домашнего очага (был характерен как для даосов, так и для

¹ Лукьянов А.Е. Истоки Дао: древнекитайский миф. М., 1992. С.46.

² Малявин В.В. Сумерки Дао. М., 2000. С.68.

сторонников других религиозных взглядов). Богом очага считался Цзао-ван (у даосов также назывался Дун чу сылин, Дин фу цзаоцзюнь). Само слово «очаг» в китайском языке записывалось иероглифом, изображающим пещеру, в которой сидит лягушка. Вероятно, изначально китайцы почитали этого бога в образе лягушки (в мировой мифологии немало примеров, когда лягушка связывалась с духом домашнего очага. Например, в древнеславянской мифологии домовый мог превращаться не только в кошку, собаку, корову, но также в лягушку и змею). Интересно, что даже сегодня скульптурное изображение лягушки можно встретить не только в домах простонародья, но и в офисах уважаемых тайваньских китайцев. Цзао-ван, по мнению китайцев, охранял дом от злых духов и чтобы их отогнать, нужно было просто вывесить надпись о том, что в доме живет Цзао-ван. От него зависели счастье, богатство, успех. Кроме того, Цзао-ван являлся кем-то вроде посредника между семьей и Нефритовым императором: он вел учет плохих и хороших поступков членов семьи в течение года и держал отчет о них перед Небом. Именно поэтому в китайских семьях сохранился обряд «задабривания» Цзао-вана: его изображению совершались жертвоприношения (обычно – сладости), губы его нередко смазывались медом, чтобы уста «склеились» и не донесли о неблагоприятных поступках. Вполне возможно, что в таком смазывании губ изображения Цзао-вана отражаются пережитки регулярного кормления божества, существовавшего у древнейших китайцев¹.

Помимо богов, святых, демонов, на человека воздействуют около 36 тысяч духов, способных оказывать влияние на развитие человеческого организма и выполняющих строго определенную функцию. Нужно, чтобы духи не покидали тело и увеличивали свою силу. Если же человек не прислушивается к своим духам, ему грозит преждевременная смерть, но если духи войдут в полную власть, человека ждет бессмертие. Бессмертие и долголетие – это высшее счастье человека. Поэтому, поздравляя китайца с каким-либо праздником, следует пожелать ему именно долголетия (шоу). Амулеты с иероглифом долголетия китайцы носят на груди, прикрепляют на стены дома.

¹ Решетов А.М. Цзао-ван – китайский бог очага// Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1986. С.234.

Чтобы достичь долголетия и бессмертия, даосы разрабатывали комплексы упражнений и заклинаний, способные преобразить человеческую жизнь¹. Здесь и комплексы физических упражнений, и дыхательная гимнастика, и особая система питания. К примеру, даосы требуют отказаться от мяса, пряностей, вина, пищи, приготовленной из зерна, а часто – даже от овощей. По утверждению даосских аскетов, самая лучшая пища – собственная слюна. В Китае популярна была такая поговорка: «Кто питается овощами, – становится сильным; кто питается мясом, – становится храбрым; кто питается рисом, – становится мудрым; кто питается воздухом, – становится святым». Но самое важное состояло в том, что человек должен был постепенно отрешиться от всего земного, оставив своих близких и всё, к чему он был привязан, и уединиться в горах, чтобы вести там образ жизни аскета. Только так можно было стать святым человеком (сянь-жэнь). Даосские мыслители верили, что бессмертие реально достижимо. Литература даосов полна рассказов о бессмертных, среди которых наиболее популярны восемь бессмертных – Чжун Ли-цюань (обладал секретом изготовления эликсира жизни и порошка перевоплощения), Ли Те-гуай (обладал тайной изготовления снадобья, отделявшего душу от тела, покровитель магов и волшебников), Лань Цай-хэ (юродивый, покровитель музыкантов), Люй Дун-бинь (знал тайны магии, умел готовить эликсир жизни, магическим способом получать золото, становиться невидимым), Хэ Сянь-гу (необыкновенной красоты девушка, изображающаяся с цветком лотоса в руках, постигла тайны Дао и бессмертия), Хань Сян-цзы (покровитель садовников), Чжан Го-лао (покровительствовал супружескому счастью и рождению детей, считается покровителем изящных искусств), Цао Го-цзю (покровитель актеров).

Красивые легенды о бессмертных вселяли в людей надежду на вечность, с которой было легче переносить тяготы повседневной земной жизни. Но люди умирали, а даосы создавали мифы о загробном существовании, в которых находилось место и аду, и раю.² Рай (Горы Долголетия) представлялся прекрасной страной блаженства с живописной природой и умиротворенным покоем. Ад рисовали как десятиэтажное сооружение, находившееся в скалах провинции Сычуань, где на каждом из этажей помещалось отделение

¹ Лу Куань Юй. Даосская йога. Пер. Е.А.Торчинова. СПб., 1993. С.21.

² Лукьянов А.Е. Истоки Дао: древнекитайский миф. М., 1992. С.43.

ада. Грешник должен был пройти через все десять отделений и в каждом из них принять жестокое наказание.

Даосизм – это глубоко мистическое учение. Здесь господствует вера в сакральность числа и слова, в волшебную силу заклинания и амулета. Различные талисманы и амулеты писались на узких полосках желтой бумаги, на левой стороне которых были нанесены кабалистические знаки, на правой же стороне помещалось нечто вроде инструкции по обращению с амулетом (для чего предназначен, как использовать)¹. Талисманы нередко сжигались, пепел их смешивался с жидкостью и выпивался как снадобье.

По мнению М.Кравцовой, даосское религиозное направление, имевшее своей конечной целью превращение человека в бессмертного – сяня, подразделяется на так называемую «внешнюю» и «внутреннюю алхимию» (кит. «нэй дань», дословно – «внутренняя киноварь»)². «Внешняя алхимия» предполагала изготовление эликсиров бессмертия в лабораторных условиях и в ходе моделирования искусственно сжатых во времени природных процессов. «Внутренняя алхимия» — создание эликсира в самом теле даосского адепта через регуляцию его пневматических энергий, т. е. изменение его биолого-физиологических параметров.

Предпосылки возникновения в Китае «внешней» и «внутренней» алхимии появились, видимо, уже в VII - VI вв. до н. э. Имеются сообщения в позднежоуских источниках о практиковании древними отшельниками дыхательных упражнений и макробиотики. В IV - III вв. до н. э. существовала вера в возможность изготовления «снадобья бессмертия» и предпринимались соответствующие попытки. Ко II – I вв. до н. э. относятся первые опыты по трансмутации металлов.

Для ханьской эпохи первоочередными источниками по даосской алхимии выступают недавно обнаруженные в погребениях эротологические трактаты. Они свидетельствуют о развитости даосско-религиозных представлений и практик в позднежоуский и раннеханьский периоды. Однако их местоположение именно в погребениях свидетельствует о возможном эзотерическом характере этих представлений и практик. Первое сугубо светское сочинение по теории алхимии — трактат Вэй Бояна «О единении триады» («Цань тун ци») — появилось во II в. н. э. Но подлинно релевантным для

¹ Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.193-194.

² Кравцова М. История культуры Китая. М., 1999. С.241.

даосско-религиозного направления памятником стал трактат «Баопу-цзы» («Мудрец, объемлющий пустоту»), принадлежащий знаменитому даосскому теоретику и алхимику-практику IV в. Гэ Хуну (284? - 363?). На III - V вв. приходится также расцвет и пик популярности даосской алхимии в китайском обществе.

Рецептура изготовления «снадобий бессмертия» в виде собственно эликсиров, пилюль или порошков включала использование преимущественно минеральных и растительных ингредиентов. Первоочередную роль во «внешней алхимии» играло золото, воспринимаемое как совершенный металл, неподвластный тлению и способный оказывать соответствующее воздействие на тело человека. Процесс «созревания» золота, для которого в природе требуется, по представлениям китайцев, 4320 лет, в алхимической реторте занимал один год. Широко употреблялись также мышьяк и истолченные драгоценные и полудрагоценные камни (нефрит, горный хрусталь). Археологические материалы однозначно свидетельствуют о частоте случаев смертельного отравления даосских алхимиков в результате приема ими такого рода снадобий. Однако такая смерть предусматривалась в даосской теории и объяснялась как обретение человеком состояния «бессмертного, освободившегося от трупа». К тому же перечисленные вещества в случае их приема малыми дозами в течение длительного времени оказывали консервирующий эффект, препятствуя разложению мертвого тела, что также воспринималось окружающими как доказательство превращения усопшего в бессмертного.

«Внутренняя алхимия» по существу является алхимией только по общим с «внешней алхимией» методологическим основаниям своей практики и общему языку описания. «В действительности она представляет собой своеобразную форму психофизического тренинга, направленную на радикальную трансформацию биолого-физиологических параметров личности, достигаемую через комплекс физических, психосоматических и психологических упражнений, которые включают религиозное созерцание, гимнастический тренинг, дыхательные упражнения (ци гун) и сексуальные практики»¹.

Даосская алхимия является не просто структурным направлением и принадлежностью даосской традиции, но подлинным общекультурным феноменом китайской цивилизации. Она

¹ Там же. С. 244.

представляет собой форму науки древнего и традиционного Китая, тесно связанную, с одной стороны, с медициной и другими естественнонаучными знаниями (протохимия, биология, минералогия, астрология), а с другой — с философией, религиозными представлениями и общественно-политической мыслью. Даосскими алхимиками был собран богатейший эмпирический материал в области химии, фармакологии, медицины и психологии, а сделанные ими наблюдения (особенно в области медицины) привлекают к себе пристальное внимание современной науки¹.

Даосизм оказал огромное влияние на культуру Древнего Китая. Глубокая диалектика отражает древние китайские верования, но иногда они кажутся удивительно созвучными нашему времени. Идеи взаимосвязи человека и вселенной, информационного поля, всеобъемлющая теория резонанса, диалектика построений, пронизывающие каждую мысль даосов – все это делает бесценным наследие этой школы. Нужно было обладать потрясающим талантом прозрения, чтобы в условиях Древнего Китая столь убежденно предостерегать от возможных последствий прогресса. «Казалось, за их плечами считанные столетия, а из достижений техники – разве что бронза да колесо, но они говорили так, как будто будущее уже свершилось...»²

Если рассматривать даосскую философию в общекультурном контексте, то необходимо отметить, что она представляла собой необходимый конструктивный элемент мировоззрения древних китайцев, восполняя те недостатки, которые имелись в конфуцианстве и вплетаясь в единую канву синкретичного китайского менталитета. Именно даосы сделали предметом своих построений то, о чем не говорил Конфуций. Они рассуждали о едином абсолюте и истоке сущего, о сие души, о великом пробуждении от жизни, о путях достижения телесного бессмертия, о духах и духе. Они словно бы восполняли желание увидеть необычное за повседневностью, питали народную веру в чудо и одухотворенность мира.

Третье важнейшее учение, в значительной степени повлиявшее на культуру Китая, – буддизм. Эта самая древняя мировая религия

¹ Там же. С. 245.

² Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1997. С. 61.

зародилась в VI в. до н.э. в Древней Индии и, попав в Китай, быстро обрела здесь собственно китайскую специфику. «В широком смысле буддизм, проникший в Китай, заставил китайских мыслителей острее осознать главную проблему китайской традиции – проблему символического деяния. В школе Чань – самой китаезированной разновидности китайского буддизма – были тщательно разработаны методы достижения, осознания и даже передачи опыта «внезапного просветления», «раскрытия единого сердца», обнажающего пустотность»¹.

Буддизм проник в Китай в начале нашей эры и был встречен сначала враждебно (как и все иноземное и чуждое). Он попал в Китай кружным путем – через Среднюю и Центральную Азию, уже достаточно трансформированным, и в Китае изменился еще больше. Учение Будды по многим вопросам принципиально расходилось с учением Конфуция, а потому конфуцианцы стали наиболее яркими противниками буддизма. Не одно поколение китайцев сменилось, прежде чем буддизм стал «родным» для них и одновременно с этим приобрел «китайские черты». Буддизм привлекал китайцев персонифицированностью объектов поклонения и возможностью каждого обрести лучшую жизнь после смерти. Буддизму очень мешало то, что эти поиски велись сугубо индивидуально. Более того, монах должен был отречься от отца с матерью, что совершенно не вязалось с принципом сыновней почтительности, ставшим благодаря широкому распространению конфуцианства одним из жизненных кредо простых китайцев. Впоследствии, тем не менее, были найдены несколько джатак, повествующих о сыновней почтительности самого Будды, а позднее монахи научились довольно умело использовать принцип сыновней почтительности, о чем свидетельствует буддийская литература².

Был найден своего рода культурный компромисс: становясь буддистом, китаец не отрешался от своих исконных верований, продолжая почитать традиционных богов: Небо и Луну, Солнце и духов. Он продолжал чтить предков и приносить жертвы усопшим. Все это придавало неповторимый колорит китайскому буддизму: буддистская догматика значительно пополнилась китайскими

¹ Малявин В.В. Сумерки Дао. М., 2000. С.75.

² Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989. С.54.

верованиями, китайские обряды придали неповторимую красочность буддистскому ритуалу. Кроме того, следование восьмеричным путем буддистов не противоречило моральным заповедям Конфуция, которые неуклонно выполнялись и составили органичную часть буддизма в Китае. С другой стороны, образность и живость буддизма восполняла в чем-то излишний рационализм, абстрактность и прагматичность религиозных представлений жителей Поднебесной. «Традиционные китайские религиозные верования в какой-то степени отличались недостатком наглядности. Этот недостаток и был восполнен буддизмом с его неисчерпаемым запасом легенд и непосредственно действующим на человеческие чувства культом божеств, запечатленных религиозной иконографией. ...В буддийской обрядности широко используется изобразительное искусство, музыка, ритуальные танцы и т.д. Жречество, храмы богов и культ их изображений возникли в Китае под влиянием буддизма. Простому китайцу импонировал буддизм, выступивший против господства одного человека над другим, против жестокости и жадности, проповедовавший милосердие ко всем живущим на земле, простоту и экономию в жизни»¹. Следует сказать, что из всех идей буддизма наиболее популярной и близкой для жителей Среднего царства оказалась идея перевоплощения душ. Если сравнить буддийские представления с представлениями, скажем, даосов, то причины любви китайцев к идее перевоплощения окажутся понятными: чем подвергнуться нескончаемым наказаниям в аду, гораздо лучше получить пусть и не самое лучшее, но все же существование – стать змеей, цветком или даже камнем, чтобы когда-нибудь, в бесконечной цепи перерождений снова вернуться к человеческому существованию.

«Буддизм никогда бы не смог войти в число «трех учений» Китая, если бы не некоторая его близость к даосизму с одной стороны и не наличие свободной идеологической ниши – с другой. Такой собственной нишей буддизма стала забота о судьбе души»². Бесконечно движется колесо перерождений, человеку порочному уготованы смертные мучения, тогда как добродетельный может стать адским судьей или попасть в рай. Поэтому буддийскому монаху было

¹Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.193-194.

² Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1997. С. 65.

место и на похоронах и при рождении ребенка: везде он должен был обеспечить лучшую долю. Сам же монах добродетелями своими способен вырваться за пределы мирской суеты и достичь нирваны посредством подвижничества или в результате просветления.

Техника просветления стала открытием южно-китайской школы Чань, более известной под японским названием дзэн (цзэн). Ставя ученика в неожиданно парадоксальные ситуации, разрушая своим громовым молчанием или внешней алогичностью беседы привычные стереотипы мышления, учитель добивался крушения всех парадигм и освобождения сознания. В чаньской школе происходил синтез буддизма и даосизма. Его результатом стало, в частности, развитие боевых искусств, основанных на медитативной практике.

Таким образом, став органической частью китайской культуры, буддизм оказался в жесткой зависимости от местных историко-политических, социально-экономических и общекультурных традиций. «История развития китайско-буддистской традиции во всех ее аспектах и проявлениях ... подчиняется в конечном счете универсальным для китайской цивилизации историко-культурным закономерностям. Поэтому правомерно говорить не об адаптации буддизма к культуре Китая, а о его китаизации и рассматривать данную традицию в качестве самостоятельного феномена буддийского мира»¹.

В то же время буддизм привнес на китайскую почву множество принципиально важных новаций. К их числу следует причислить появление в китайском обществе монашеской организации как особого социального института, знакомство китайцев с идеями круга перерождений и кармы как воздаяния за прижизненные поступки и др. Не менее важным культурообразующим фактором стало и то, что в Китае появился многочисленный, многоуровневый и унифицированный божественный пантеон. Еще один, новый для Китая феномен был связан с развитием искусства – «развитие традиции культового зодчества и изобразительного искусства»².

По мере многовековой эволюции конфуцианства, даосизма и буддизма, грани между ними стирались, божества одной религии занимали место в пантеоне другой (так, например, бог войны Гуань-

¹ Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989. С.7.

² Кравцова М. История культуры Китая. М., 1999. С.272.

ди и покровительница плодородия и сыновей Гуань-инь почитались и буддистами и даосами, а в иконографии Конфуций, Лао-цзы и Будда нередко изображались в едином контуре). В конечном счете, сложилось синкретичное единство трех религий, доминирующее положение в котором принадлежит конфуцианству с его проповедью ритуала, социальной иерархии, сыновней почитательности.

Однако к синтетическому единству этих трех учений не сводились все религиозные представления китайцев: они дополняли их чрезвычайно древней верой в духов. Люди словно оживляли ими мироздание и общественную жизнь, и все существование их представало как непрекращающаяся борьба со злыми духами и служение духам добрым. Среди добрых духов были покровители – дух радости и блаженства, ведающий громом дух, ведающий огнем дух, покровитель шелковичного червя и дух виноторговцев, дух рынка и охраняющий колодец дух, дух долголетия и т.п. Свои духи были у моря, рек, ветра, времен года. Местом пребывания духов, по мнению китайцев, наиболее часто становились деревья. Перед тем, как срубить дерево, следовало задобрить обитавшего в ней духа, объяснив ему крайнюю необходимость подобного поступка. Священные деревья, по древним поверьям, исцеляли от болезней и приносили добро. Сосна считалась символом нравственной чистоты и символом долголетия; высаженная у могильного холма сосна предохраняла усопшего от страшных существ, способных съесть его мозг. Огромным почтением пользовалось дерево ивы: она считалась символом солнца и весны, ее ветви, вплетенные в волосы женщины, придавали остроту зрению. Но, наверное, одним из самых любимых деревьев китайцев был прекрасный персик. Плоды этого дерева служили символом долголетия, бессмертия, супружеского счастья. Ветви персика, как верили китайцы, исцеляют от лихорадки.

Среди священных существ наиболее почитаемы были дракон (символ весны и Востока), феникс (символ лета и Юга), тигр (символ осени и Запада), черепаха (символ зимы и Севера). Особой популярностью пользовался, конечно же, дракон – своеобразное олицетворение самого Китая. Его изображение можно встретить везде – на доме простого земледельца, в богатом храме, во дворце императора, на ширмах и лубочных картинках. Одни драконы охраняли жилища домов, другие драконы ведали различными водоемами на земле – реками, озерами, ручьями, третьи – посылали

ветер и дождь, четвертые – охраняли сокровища. Особенно важен для хозяйственной жизни китайского народа был культ дракона-повелителя водной стихии и дракона-повелителя ветра и дождя. Религиозные процессии, посвященные царю-дракону, были широко распространены в Китае: таким образом люди старались вызвать дождь, предотвратить наводнение, отблагодарить дракона за милость после обильных дождей и т.п. По улицам проносили фигуру величественного и воинственного дракона, освещенную фонариками, исполняли ритуальный танец дракона под звуки барабана, гонга и традиционные для Китая взрывы хлопушек. По ходу процессии разжигались костры, на которых сжигались жертвоприношения в честь дракона. Дракон стал настоящим символом Китая: если задуматься над тем, что олицетворяет Китай, то первое, что придет на ум – изображение дракона на китайских сувенирах, прекрасные драконы на стенах дворца императора и на китайских ширмах. Если дракон был повелителем водной стихии, то на суше царем был тигр. Он символизировал воинскую доблесть, отвагу и мужество. Изображение тигра служило знаком воинского различия, его рисовали на стенах военных крепостей и на щитах воинов. Каменные скульптуры тигров «охраняли» богатые магазины, жилые дома, правительственные здания. Среди пернатых обитателей царствует птица Феникс – мифическая птица, в образе которой смешиваются черты различных животных: горло ласточки и клюв петуха, голова утки и шея змеи, спина черепахи и рыбий хвост. Покрыта она перьями пяти цветов, символизирующих пять добродетелей – человеколюбие, долг, пристойность, знание обрядов, верность. Она питается только растительной пищей и символизирует тепло и связанное с ним лето. И, наконец, долголетие, силу и выносливость символизирует черепаха. Ее изображение было непременным украшением императорского дворца и домов богатых феодалов. Ее долголетие равнялось вечности: китайцы верили, что черепаха живет до трех тысяч лет. Ну и, наверное, не будет полной картина, если не сказать о почитании обезьяны. Героем народных сказаний, вошедшим впоследствии в мировую мультипликацию, стал царь обезьян Сунь У-кун – непобедимый обезьяночеловек, умный, расчетливый, удачливый, способный сражаться за свободу своих сородичей и даже вырваться из ада.

Помимо видимых сил, олицетворенных в образах животных, мир китайца был населен огромным числом невидимых таинственных духов, оказывающих влияние на человеческую жизнь и населявших холмы, водные источники, растения, камни. Многие, что сегодня кажется детскими игрушками, было непосредственно связано с верой китайцев в духов. Например, хлопушки, фейерверки и петарды, которыми до сих пор славятся китайские пиротехники, выполняли весьма существенную ритуальную функцию: с V в. хлопушки бао чжу использовались в жертвоприношениях, поскольку китайцы верили, что треск горящего бамбука отпугивает злых духов. Уже после того, как был изобретен порох, стали применять разнообразные хлопушки с порохом и фитилем. Ракеты накануне Нового года пускались отнюдь не ради развлечения, а для устрашения злых сил. Жизнь китайца представляла собой вечное противоборство со злыми духами, а точнее – попытку обмануть их. Если в китайской семье один за другим умирали сыновья, то при очередном рождении мальчика следовало назвать его женским именем, чтобы ввести злые силы в заблуждение. Если китайское судно шло в море в одном направлении с каким-либо большим иностранным кораблем, то китайский капитан стремился во что бы то ни стало пересечь курс этого корабля, так как в этом случае злые духи оставят в покое его суденышко и набросятся на большой корабль как на более ценную добычу. Рыбак обязательно рисовал на носу своей лодки глаза, чтобы владыка-дракон знал, что за его неблагоприятными кознями неустанно следят. Мало кто задумывается и над тем, что вся китайская архитектура, столь сильно поражающая воображение европейского человека, тоже связана с верой в духов. Вера китайцев в то, что злые силы идут прямой дорогой, а добрые – извилистой, заставляла этих людей везде, где только можно, затруднять путь темных сил, а значит и свой тоже. В Китае не встретить прямых каналов: они всегда перегорожены маленькими островками, разнообразными мостиками, делают замысловатые изгибы и повороты. Древний китайский город сплошь состоит из извилистых улочек, где с крыши на крышу перекинуты доски, на которых прикреплены свисающие вниз вывески и надписи. У каждого двора напротив ворот воздвигалась каменная стена, препятствующая проникновению злых духов во двор дома. В пекинском императорском дворце также имеется такая стена (инби) – «стена девяти драконов». Везде китаец избегал прямых линий, а

потому и крыши китайских домов приподняты по краям, образуя специфично китайскую изогнутую кровлю: злые духи не могли проникнуть в дом, отталкиваясь от кровли и уходя обратно в пространство. На карнизах крыш китайских домов всегда помещались лепные изображения идолов, которые также должны были отгонять злых духов. Все это создает неповторимый китайский архитектурный колорит, воплощением которого стала буддийская пагода. Многоэтажные башни с непременным нечетным числом этажей, с загнутыми вверх краями карнизов, увешанными мелодично звенящими колокольчиками и пластинками. Одна из самых известных – Большая пагода диких гусей, построенная в VII веке в Сиане. После широкого распространения буддизма в Китае пагоды стали играть роль защитников города от злых духов. Эту же задачу выполняли идола храмов, которых старались умиловать, прося о милости, но могли и наказывать, если он не оправдывал возлагавшихся на него надежд.

Вообще же следует сказать об удивительной суеверности древних китайцев. Они верили в чудодейственную силу талисманов, магических изображений, зеркал. Они безоговорочно доверяли разного рода предсказателям, гадалкам и прорицателям, создавая простор для целой армии шарлатанов и проходимцев (именно из Китая пришли к нам популярные сегодня астрологические прогнозы и гороскопы). Они всматривались в окружающий мир в надежде найти приметы, свидетельствовавшие о благоприятном исходе дела – будь то продолжение рода или взыскание давнего долга. «И даже сегодня китаец верит, что если ворона каркает, глядя на дом, значит, обязательно случится беда, а вот если сорока стрекочет, сидя на дереве рядом с домом, значит, в жизни обязательно произойдет счастливое событие»¹. Кажущиеся смешными суеверия порождали основательное отношение к каждому делу, ибо его нельзя было начинать, не изучив приметы, не посоветовавшись со сведущим человеком, то есть не оценив полностью возможных рисков.

Основательность сопровождала и подготовку к смерти. Древние китайцы, подобно древним египтянам, верили, что душа продолжает жить после смерти. При этом одна часть души остается в могиле и продолжает пользоваться всем, что принадлежало покойному при жизни и чем родственники покойного снабдили его могилу. Вторая

¹ Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.187.

часть души воплощается в поминальную табличку, расположенную на домашнем алтаре. Третья часть души переселяется в загробный мир. Душа могла возвращаться после смерти в тело, которое она оставила. Поэтому древние жители Китая старались сохранить тело, помещая вместе с покойным даже его остриженные волосы и ногти. Страшно боялись лишиться каких-либо телесных членов, а особенно – головы. Душа нуждалась в пище, и на потомков (обычно, на старшего сына) покойного накладывалась обязанность постоянных жертвоприношений. Чем богаче был человек, тем роскошнее обставлялась его «жизнь» после смерти. Вплоть до середины I тысячелетия до н.э. нередко вместе с правителями умерщвлялись и погребались жены, слуги, представители благородных фамилий. И богаче всех снаряжался в последний путь император. Так же, как и в Египте, забота о посмертном существовании составляла одно из основных дел императора. Гробницу для властителя Срединного царства начинали готовить на следующий год после его вступления на престол, стараясь, чтобы она превзошла в роскоши его дворцы. Таковы гробницы китайских императоров в окрестностях города Сиань и в 70 километрах от Пекина, на горе Тяньшоу. Среди них – величественная гробница императора минской династии Чжу Ицзюнь (1573-1620). При проведенных в 50-х годах XX в. раскопках было установлено, что она состояла из трех залов выложенных каменными плитами и разделенных мраморными дверями с медными притолоками. «В среднем зале установлены три больших мраморных кресла. Их украшают извивающиеся мраморные драконы. Перед каждым креслом – комплект утвари для жертвоприношений, сделанной из обожженной желтой глазури. Поставленные в специальные сосуды свечи и благовония хорошо сохранились. Здесь же стоят три больших фарфоровых сосуда, наполненных маслом для светильников. Светильники давно погасли, и в сосудах осталось много масла. В глубине гробницы расположен главный зал, где установлены три больших деревянных саркофага, покрытых киноварным лаком: гроб императора и гробы двух императриц. По обеим сторонам от императорского посмертного ложа – множество фарфоровых изделий, слитки золота и серебра, инкрустированный драгоценными камнями меч и золотые доспехи. В гробу обнаружены кубок и чаша, сделанные из блестящей белой яшмы. Под чашей стоит золотое блюдо, а сверху она прикрыта золотой крышкой,

украшенной ярко-красным кораллом. В истлевшей шкатулке, у изголовья покойника, была обнаружена золотая корона императора. В гробу нашли несколько яшмовых поясов с тонкой искусной резьбой. Стенки гроба были покрыты золотой и красной парчой. Около гробов императриц сохранились драгоценности и дорогие женские украшения»¹. Даже простые люди должны были готовиться к смерти заранее, и если уж человек не мог построить себе гробницу, то, по крайней мере, приготовить себе хороший гроб был обязан. Европейцам никогда, наверное, не понять ту радость и гордость, которые испытывал китаец, если его сын дарил ему ко дню рождения красивый гроб. Подобный поступок считался в высшей мере добродетельным, и позволял отцу гордиться своим сыном. Организовать достойные похороны и оказывать покойному посмертные почести входило в обязанности старшего сына. Именно поэтому китайцы так радовались рождению наследника мужского пола: они не будут «сиротами» в загробной жизни, так как за ними будет кому присмотреть. В семье усопшего всегда хранилась поминальная табличка, в которой, по поверью, вселялась душа усопшего после смерти. В зажиточных семьях такая табличка хранилась в храме предков и перед ней совершались символические жертвоприношения: раскладывались продукты (мясо, рис, сладости), шелк, «жертвенные деньги» и т.п. В доме же бедняков выделялось священное место для таблички предков. Предков следовало помнить, сохраняя в памяти не только их добрые дела, но и облик. Отсюда происходит традиционный для Китая обычай рисовать портреты предков.

Особыми правилами регламентировался в Китае траур по усопшему. Траур по родителям следовало соблюдать в течение трех лет, траур мужа по жене – один год, траур жены по мужу должен был продолжаться всю ее жизнь (более того, вторичное замужество женщины рассматривалось как тяжелейшее преступление перед памятью покойного мужа, а древнейший обычай предписывал вдовам совершать самоубийство на могиле мужа, что давало женщине право считаться в высшей степени добродетельной и приносило честь как в дом родителей ее мужа, так и в дом ее собственных родителей). Во время траура по близким родственникам запрещалось в течение семи недель плести и расчесывать волосы. В знак траура полагалось носить

¹ Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.77.

одежду в первый год белого цвета, во второй – серого, в третий год – черного, и вплетать в волосы сначала белые, а затем черные шнурки. Соблюдение семейных традиций и почитания предков возводилось в ранг государственной политики: тем, кто носил траур по умершему родственнику, предоставлялось право временно покинуть службу, чтобы оказать должные почести усопшему. Уважительное отношение к трауру должны были проявлять и окружающие, стараясь не тревожить исполняющих траур соседей.

Китайская семья на протяжении всей истории Китая расценивалась как маленькая ячейка общества. В ней действовали строгие законы подчинения, четко соблюдались ритуалы и государственные законы. Здесь обучали сыновней почтительности, которая была не только основой семьи, но и основой всей общественной и государственной жизни. В наибольшей степени влияние на уклад китайской семьи оказало конфуцианство, являвшееся доминантой социально-культурной жизни индивида. «Конфуцианство определило не только весь общий строй семейной жизни в Китае, но и посредством пропаганды уважения к старине, доблести предков и древнему ритуалу повлияло на сохранение традиционных основ древнекитайской культуры»¹.

Термин «семья» в китайской грамоте обозначается иероглифом «цзя», который представляет собой сочетание знаков «крыша дома» и «свинья». В этой этимологии отразились важнейшие признаки семьи: родство по крови или браку (общий дом), общность имущества, хозяйственная самостоятельность. Традиционный и освященный авторитетом конфуцианской традиции идеал семьи предполагал, что под одной крышей должны жить представители трех-четырёх поколений. Не случайно в Древнем Китае существовала народная поговорка: «Кто ушел из отчего дома, три поколения будет ходить в мальчиках»².

Жизнь китайской семьи была пронизана многочисленными правилами и церемониями, без которых трудно представить себе культуру Китая. Обычай строго соблюдался и исполнялся в полном соответствии с древним ритуалом. Ритуал регламентировал, каким образом следует бинтовать девочке ступни ног, чтобы они становились похожими на лилию или молодой месяц (по древней

¹ Сидихменов Б.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.195.

² Цит. по: Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С.151.

версии, этот обычай возник во время династии Южная Тан (937 - 935гг.)), устанавливал, когда новорожденному можно остричь волосы, каким образом выстригать волосы у мальчиков и девочек, предусматривал, как отвечать на рукопожатие старшего, чем угостить гостя и т.п. Обычаи устанавливали, кто и что должен дарить невесте и как организовать свадьбу в зависимости от социального положения семей жениха и невесты. Подарки, вещи, рисунки – все в Китае имело символический смысл и значение: если на свадьбе молодым дарили финики, значит, желали, чтобы их ребенок родился быстрее, если вазу – желали жить в мире и спокойствии, если зеркало – желали прочности супружеских отношений. Даже в кажущихся мелочах этикет требовал соблюдения обычаев.

В Древнем Китае семья представляла собой маленькую общину, состоящую из нескольких более мелких семей, объединенных общим предком по мужской линии и общим хозяйством. Как замечает один из известных исследователей китайской культуры Э.С.Кульпин, «это был мир строгой субординации, где младшие подчинялись старшим, дети – родителям, жена – мужу»¹. Но вместе с тем, семья была основным оплотом и защитой для человека в Китае:

Будешь далек от родни, в ней не почувешь оплот.

Станет чураться тебя собственный твой же народ².

Брак в Древнем Китае совершался по соглашению между семьями жениха и невесты. Замужество означало не просто переезд новобрачной в дом мужа, но ее полный и бесповоротный разрыв с родным домом. С этого момента женщина принадлежала роду мужа. И здесь снова вступали в силу традиции конфуцианства: она была обязана беспрекословно повиноваться родителям мужа и могла навещать отчий дом лишь в качестве гостя. Выбор супруги также определялся обычаями. Нередко случалось, что два клана, жившие по соседству, из поколения в поколения обменивались невестами. В некоторых областях были приняты браки между двоюродными братьями и сестрами³.

Основной формой семьи в Китае была двухпоколенная семья. Женитьба одного из сыновей влекла за собой образование сложной

¹ Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990. С.48.

² Шицзин. Поучение царю // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.303.

³ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С.289.

семьи. А при благоприятных обстоятельствах сложная семья могла разрастись в расширенную семью, состоящую из родителей, женатых сыновей и внуков вместе с их потомством. Отдельные малые семьи в рамках такой семьи занимали различные секции родительского дома – так называемые «фан», обладавшие относительной замкнутостью. В народе говорили, что «отец не входит в спальню сына, как чиновник не входит в дом простолюдина»¹. Раздел расширенной семьи приводил к появлению нескольких самостоятельных малых семей, как простых, так и сложных. Однако, как указывает В.В.Малявин, «эти семьи... по-прежнему были связаны многими зримыми знаками единства. Их члены регулярно наносили друг другу визиты, оказывали материальную помощь, соблюдали траур по умершим родственникам, совместно праздновали встречу Нового года»².

Мир и спокойствие в семье строились на повиновении и терпении, когда младшие обязаны были жертвовать всем во имя старших, где не было места компромиссам и взаимным уступкам. Неукоснительно должны были соблюдаться пять постоянств: 1) отец должен следовать долгу и справедливости, 2) мать – источать милосердие, 3) старшие братья – питать к младшим дружеское расположение, 4) младшие к старшим – уважение, 5) все сыновья – почитать родителей и старших вообще. «Весь род воспринимался как единая плоть, как многоликое существо, неспешно выходящее из еще не свершившегося будущего и уходящее через день сегодняшней в прошлое»³.

В семье у всех была одна судьба: нынешние могли изменить участь ушедших, а покойные предки – даровать удачу и богатство. Именно поэтому таким важным в Древнем Китае был культ предков. Каждый глава рода регулярно должен был совершать жертвоприношения перед табличками с именами предков в семейном храме. Маленькая точка в табличке обозначала то место, куда вселилась душа предка.

Ты жертвы принес по порядку за все времена,
Сыновний свой долг, как и надо, свершил ты сполна.
Сыны за сынами, за внуками внуки подряд

¹ Цит. по: Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С.147.

² Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С.146.

³ Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1997. С.73.

Твои приношения своими надолго продлят¹.

До сих пор культ предков чрезвычайно силен в Китае, несмотря на огромные культурные перемены, происшедшие с древних времен².

Отец большого семейства являлся всевластным хозяином, и это базировалось на вполне определенном правовом факторе: он выступал полным и единственным собственником всего принадлежащего семье имущества, и даже заработанные вне семьи деньги дети обязаны были пересылать родителям, не говоря уже о том, что женщины весь свой заработок также безропотно должны были отдавать отцу, свекру или мужу. Он распределял обязанности и назначал наказания, он давал разрешение воспользоваться чем-нибудь из домашнего имущества или принять что-либо в дар. В соответствии с этим, китайское право во всех конфликтах всегда принимало сторону главы семьи и рассматривало неповиновение отцу как нарушение государственных устоев, исходя из известнейшего китайского изречения: «На земле нет неправых родителей». Одни из самых суровых наказаний в китайском праве предусматривались за противодействие родительской воле. Так, тот, кто поднял руку на отца, мать, деда, бабушку, свекра или свекровь, подвергался рассечению на части, а тот, кто оскорбил их, приговаривался к смертной казни через удушение³.

Однако власть отца над семьей имела и свою обратную сторону: отец и вместе с ним каждый член семьи нес ответственность за пороки и преступления детей, а значит, мог быть наказан за их действия. Каждый ответственен за всех членов семьи. Это правило сыграло огромную роль в истории Китая. Наказание здесь никогда не ограничивалось казнью самого преступника. За тяжкие преступления карали всех его родственников как со стороны отца, так и со стороны матери, не исключая ни женщин, ни детей⁴. Казни прекращались только тогда, когда никого не оставалось в живых из ближайших к преступнику колен рода. Все это воспитывало в китайце чувство удивительной солидарности и ответственности за свою семью, с

¹ Шицзин. Жертвоприношение предкам // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.289.

² Там же. С.73.

³ Сидихменов Б.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.201.

⁴ Крюков М., Переломов Л., Софронов М., Чебоксаров Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С.243.

детства внушало уважение к неизменному порядку вещей в семье и доме, почитание могил предков и старости вообще. Но все это одновременно имело и негативные последствия: строгая регламентация и субординация семейной жизни далеко не способствовала развитию инициативы, предприимчивости, индивидуальности в жителях Среднего Царства.

Семейные отношения распространялись на всю социальную иерархию. Конфуций учил: «Редко бывает, чтобы человек, полный сыновней почтительности и послушания старшим, любил бы досаждать правителю»¹. Семейный уклад, воспитание детей в духе сыновней почтительности, уважение к родственным связям – все эти постулаты конфуцианства становились основой и базовыми принципами политического устройства Древнего Китая. Здесь император, сын Неба, всегда рассматривался заботливым и всевластным хозяином своих подданных, его власти следовало повиноваться столь же беспрекословно, как и власти своего отца. Чиновники – наместники, губернаторы, начальники уездов и т.п. – представлялись отцами своих подчиненных и несли за них полную «отцовскую» ответственность.

Особое место в политической иерархии занимал император, выступавший средоточием мировой жизни, посредником между Небом и землей. В понимании политического значения императора важнейшее место играли конфуцианские, даосские, а впоследствии и буддийские идеи. Как первый мудрец империи, император был обязан всю жизнь учиться. В Китае с древних времен существовала должность учителя императора, и этот человек был единственный из смертных, кому император оказывал почести. Для императора учеба начиналась уже в раннем детстве, и к шести годам он должен был знать наизусть азы конфуцианских канонов и основы классической поэзии². В зрелом возрасте императору полагалось слушать лекции и беседовать с учеными мужами в закрытом павильоне дворца. Интересно, что вплоть до XIX века обращаться к Небу от имени жителей Поднебесной мог только император³.

Система государственных органов Древнего Китая имела вид пирамиды, на вершине которой находился император, средние этажи

¹ Конфуций. Луньюй// Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002. С.17.

² Сидихменов Б.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.245.

³ Там же. С.246.

занимали центральные и провинциальные органы власти, а основанием служил многочисленный слой местных служащих. В древней империи – при династиях Цинь и Хань – высший уровень администрации был представлен тремя должностями – «великим воеводой», советником и главным цензором. Под началом советника, который возглавлял администрацию, находилось девять министров, ведавших делами имперского двора. В танской империи высшая администрация выглядела следующим образом. Палата документов, превратившаяся в высший орган регулярной бюрократической системы, включала в себя шесть правительственных ведомств: административное, финансовое, военное, судебное, а также ведомства ритуалов и общественных работ. Наличие специального ведомства ритуалов свидетельствовало о высоком общественном значении обрядовости и влиянии конфуцианской традиции на политические институты Китая.

Одним из самых оригинальных достижений китайской политической культуры было убеждение, что на государственную службу следует отбирать не по знатности происхождения, а по личным способностям, и что делать это следует посредством экзаменов. Как отмечает В.В.Малявин, эта идея зародилась еще в эпоху Борющихся царств (V-III вв. до н.э.), но понадобилось целое тысячелетие для того, чтобы сопутствующие ей институты пустили корни в китайском обществе¹. С середины II в. до н.э. правителям областей вменялось в обязанность ежегодно рекомендовать двору кандидатов на государственные должности; их достоинства определялись лишь в самых общих понятиях: «достойные», «способные», «лучшие» и т.п. В столице высшие сановники устраивали им экзамены на знание конфуцианских канонов (и здесь конфуцианство было определяющим фактором). Интересно, что табличку с начертанной на ней темой экзаменующийся выбирал самостоятельно, сбивая стрелой один из билетов, выставленных в качестве мишеней. В это же время была учреждена императорская академия, где будущие чиновники изучали конфуцианские каноны и словесность. Все это свидетельствует о том, что конфуцианство было чрезвычайно сильно в Древнем Китае и играло важнейшую роль в политической системе и формировании как идеологических

¹ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С.124.

представлений, так и реальной политики¹. Все эти заложенные в Древнем Китае основы формирования чиновничьей элиты оказали значительное влияние на последующее развитие китайской политической системы. Уже в эпоху Тан экзамены при императорском дворе стали важным каналом отбора чиновником, а конкурс достигал 100 человек на 1 место. Наиболее значимым считался экзамен литературный. Проводились также испытания на знание законов, математики, военного дела, религий. Несколько позже, в эпоху Сунн, сложилась общегосударственная система экзаменов, которая и стала основным каналом формирования чиновничьего аппарата. «С тех пор экзаменационная система стала неотъемлемой частью политической и всей общественной жизни старого Китая. Именно на нее едва ли не прежде всего обратили внимание первые европейские путешественники. Можно с уверенностью утверждать, что в Европе экзамены для кандидатов на государственную службу, впервые введенные в республиканской Франции в 1791 году, появились под влиянием известий о подобных экзаменах в Китае»². Как бы там ни было, культ знаний, мудрости, нравственного совершенства, господствовавший в Китае на протяжении многих веков и повлиявший на всю политическую систему, во многом имеет своим истоком конфуцианскую и даосскую этико-религиозные традиции.

Важным инструментом управления обществом считалась широко распространенная в Китае система круговой поруки (бао-цзя). И хотя она появилась достаточно поздно (правовое закрепление она получила только в XVII в.), ее истоки уходят в глубокое прошлое и основаны на конфуцианской традиции. Круговая порука охватывала всё без исключения общество, и в империи не было ни одного человека, который не нес бы ответственности за другого человека. На стене каждого китайского дома вывешивалась табличка с указанием фамилий всех живущих, рода их занятий, в случае отъезда кого-либо отмечается место их назначения, в случае приезда кого-либо отмечается, откуда и с какой целью он прибыл. Запрещалось принимать в домовладение подозрительных или незнакомых лиц без подробного опроса. Хозяин домовладения был ответственен за все,

¹ Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1997. С. 63.

² Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С.125.

происшедшее в этом домовладении. Сто и более дворов составляли низшую административную единицу Китая – общину «ли», во главе которой стоял назначенный старшина, отвечавший перед вышестоящим начальством за уплату налогов каждым членом общины. В XVII веке был издан закон о системе взаимной ответственности, установивший личную ответственность высших сановников (наместников, губернаторов) на местах за службу и поведение подвластных им окружных и уездных чиновников. Если наместники и губернаторы подвергались наказанию за провинности по службе, то вместе с ними наказывались и те чиновники центрального государственного аппарата, которые рекомендовали первых на их места. Закон о взаимной ответственности распространялся на весь род наказанного за правонарушение человека, при серьезном преступлении – на его учителей, соседей, чиновников, в районе которых произошло преступление¹. Например, при отцеубийстве круговая порука и взаимная ответственность принимала следующую форму: самого преступника четвертовали, его младших братьев обезглавливали, его главного учителя удушали, у соседей, живущих слева и справа от дома, где произошло отцеубийство, отрезали уши (потому что они должны были слышать о преступлении и доложить начальству), соседей, живущих перед домом преступника, лишали глаз (поскольку они должны были все видеть и предотвратить преступление), чиновника, отвечавшего за этот район, понижали по службе. Круговой порукой и взаимной ответственностью руководствовались и тогда, когда наказывали инакомыслие. Когда во время правления маньчжурского императора Канси под руководством китайского историка Чжуан Тин-луна была создана «Краткая история династии Мин», в которой усмотрели осуждение маньчжурского правления, было проведено расследование, по результатам коего казнено около семидесяти человек, включая соавторов, членов их семей, издателей, книготорговцев, покупателей книги. Тело самого Чжуан Тин-луна, который во время следствия умер в тюрьме, было вырыто из земли и разрублено на куски, а кости сожжены.

Если говорить о действовавшей в Китае системе права, то нужно отметить, что права в европейском смысле слова здесь не было. Китайский иероглиф «фа», обозначающий писанный закон, выражает

¹ Сидихменов Б.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.225.

идею наказания за совершенное преступление. Не случайно идея закона в древних китайских текстах практически сливается с понятием наказания («син»). Закон для китайцев был чисто практическим средством регулирования взаимоотношений. Господствующие школы – конфуцианство и даосизм – всегда с большим недоверием относились к писаным законам, истребляющим в людях природную доброту и радушие¹. Примечательно, что предание приписывало изобретение законов не мудрым царям древности и даже не китайцам, а южным варварам. Истинно же мудрые мужи в законе не нуждаются, ибо они знают ритуал. Первый свод законов появился в Китае в середине IV в. до н.э. Тогда советник правителя царства Чжэн Цзы-Чань приказал выгравировать на бронзовых треножниках текст местной «книги наказаний». Это новшество осудил сам Конфуций, но в скором времени аналогичные кодексы были приняты и в других уделах чжоуского государства. С объединением Китая под властью династии Цинь, возник единый корпус законов империи. Кодекс династии Тан включал в себя уже 12 разделов, содержащих 500 статей.

На развитие традиционного китайского законодательства наибольшее влияние оказали несколько факторов – политические идеи школы легистов, конфуцианская традиция и космологические представления древних китайцев. Легисты разработали понятие всеобщего закона как нормы государственной жизни, перед которой равны все подданные государства². Именно под влиянием легистской школы законодательство в китайской империи приобрело вид с одной стороны, административных регламентов, а с другой – уголовного кодекса³. Конфуцианство отстаивало примат «ритуала», коренящегося в сердце человека, над безликим писаным законом, и влияние этого постулата запечатлено в характерном для китайского права акценте на индивидуальном статусе того или иного лица и особенности ситуации. Так, например, предание свидетельствует, что Конфуций преподавал множество уроков праведного суда для потомков. Существует рассказ о том, как Конфуций, служивший верховным судьей, однажды решал тяжбу между отцом и сыном. Он долго держал в тюрьме и того и другого, не вынося приговора. В

¹ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 136.

² Древнекитайская философия. М., 1972. С.156.

³ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 137.

конце концов, отец отказался от своих обвинений, и Конфуций отпустил обоих. Когда кто-то выразил недовольство таким решением, Конфуций ответил: «Сначала нужно научить людей, а потом судить их. Если и после этого не переведутся злодеи, то будет позволительно применять наказания...»¹

Китайское законодательство определяло степень тяжести преступления в зависимости от характера отношений между преступником и потерпевшим. Так, убийство чиновника простолюдином или отца сыном рассматривалось как отягчающее обстоятельство.

Влияние конфуцианства сказывается и в том, что китайское законодательство придает огромное значение мотивации поступка. По преданию, тот же Конфуций предал казни чиновника по имени Шаочжэн Мао только за то, что тот питал «злые и подлые умыслы»². Кодексы Китая фактически ставят знак равенства между действием и намерением.

Третья группа факторов, определившая особенности системы права Китая имеет своим истоком даосизм и традиционные китайские верования. Это идея нерасторжимости связи человеческой деятельности и природного мира. Древние китайцы полагали, что преступление нарушает мировую гармонию, а отправление закона призвано восстановить мир. Отсюда характерное для китайцев стремление придать закону космологический смысл. Так, в древних империях в весенние месяцы было принято «ослаблять пути» на преступниках. В летнее время разрешалось применять только легкие наказания. А вот осенью и зимой, когда сама природа сурова и жестока, следует совершать жестокие казни. Особо опасных преступников необходимо было казнить немедленно, так как промедление могло привести к потрясению мира.

Некоторые важные особенности китайского права являются неизбежным следствием конфуцианской мысли и ее сочетания с учением легизма. К их числу следует отнести, например, отсутствие с древнем Китае независимой судебной власти и презумпции невиновности (обвиняемый считался виновным и в ходе расследования должен был доказать свою невиновность сам).

¹ Цит. по: Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. С.65.

² Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 138.

Публичное обвинение человека уже вело к «потере лица», делало его виновным в глазах общества.

Влияние «Трех великих учений», сказавшееся на многих сферах древнекитайской культуры, затронуло и такие из них, как литература и искусство. Классическая китайская поэзия поражает строгостью своего образного строя, простотой стиля, ибо главной способностью поэта считалась способность высказывать как раз не то, о чем он говорит. Особенностью китайской поэзии стал скрытый политический смысл, и этим она обязана конфуцианству. От Конфуция пошел обычай приписывать лирическим стихам политический подтекст. Политические предпочтения нередко высказывать в виде исповеди влюбленной женщины. Примечательно, что в Древнем Китае так и не сложился жанр эпического повествования. Эпической значимостью в классической словесности наделялась цитата, которая могла сжиматься до намека, до идиомы, аллюзии¹. Аллюзия и представляет собой высшую форму китайской риторики как указание на смысл, отсутствующий в тексте. В некоторых литературных памятниках Древнего Китая, например, в книге «Чжуан-цзы» (конец IV – начало III в. до н.э.) этот подтекст принимает роль вездесущей иронии. Вот, например, один из характерных диалогов:

«Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались как-то по мосту над рекой Хао, и Чжуан-цзы сказал:

– До чего же привольно резвятся ельцы – какая это для них радость!

– Ты же не рыба, – возразил Хуэй-цзы, – откуда тебе знать, в чем ее радость?

– Ты же не я, – сказал Чжуан-цзы, – откуда же тебе известно, что я не знаю, в чем радость для рыбы?

– Да, я не ты, – сказал Хуэй-цзы, – и, конечно же, тебя не знаю. Но ты-то уж, точно, не рыба и уж никак не можешь знать, в чем ее радость.

– Позволь вернуться к началу, – сказал Чжуан-цзы. – Ты ведь сказал так «Откуда тебе известно, в чем радость для рыбы?» Значит, ты уж точно знал, что это мне известно...»²

¹ Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. С.177.

² Чжуан-цзы // Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М., 1987. С. 94.

Китайские мудрецы видели назначение слова в том, чтобы в равной степени выражать и скрывать, называть и утаивать, что и запечатлено в многозначном высказывании Конфуция: «Если слова выражают то, что нужно, этого достаточно». «Словесность в Китае – образ безмолвия. Афоризм, краткое изречение – ее самая аутентичная форма»¹.

По представлениям китайцев, литератор выявляет своим творчеством «первозданный порядок» (ли) бытия. Как результат, в Древнем Китае литературное творчество, особенно народные песни, служили едва ли не самым надежным критерием нравственного состояния политической власти². Веселые песни указывали на спокойствие в государстве, печальные предвещали гибель царствующей династии.

Поэзия должна была выражать чувства и устремления человека. В конфуцианской традиции чувствам, выражаемым в литературных произведениях, придавалось моральное значение. Так, тексты «Книги песен», по мнению Конфуция, хороши тем, что в них нет отклонения от Праведного пути. Конфуций же способствовал утверждению в китайской традиции особой манеры толкования текста: плач жены, оставленной мужем, выражал протест высоконравственного человека против беззакония; картины цветущей сливы и персика – намек на процветание династии и т.п. Литература, согласно классическим представлениям, обязательно должна быть высоконравственной и нравоучительной. Как заявлял поэт Ван Бо (VII в.), «благородный муж, напрягая свои духовные силы, стремится достичь великого и всеобъемлющего, он не будет занимать себя мелкими чувствами и ничтожными предметами, растрачивая талант на всякие никчемные занятия»³.

Если конфуцианство требовало от поэзии нравственного наставления и отражения отношения к политической ситуации, то даосизм – единения с Дао. Идея преемственности Неба и Человека в узоре слов служила отправной точкой литературного творчества. Уже Лу Цзи в своей «Оде изящному искусству» (ок. 300 г.) описывает поэтическое вдохновение в терминах единения с Дао: поэт

¹ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 381.

² Лисевич И.С. Древнекитайская поэзия и народная песня. М., 1969. С.244.

³ Цит. по: Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. С.201.

отрешается от зрения, прекращает дышать и представляет своему духу привольно странствовать «за пределами Восьми пустынь». Впоследствии даосский идеал покоя и пустоты стал ключевым понятием литературы и литературной критики.

Все эти черты нашли свое отражение в древнейших памятниках китайской поэзии – «Книге песен» (Шицзин), появившейся в первой половине I тыс. до н.э., и «Чуских строфах» (Чу цы), созданных примерно в III в. до н.э. В них все построено на образах, символизирующих душевное состояние. На основе «Чуских строф» возник жанр «фу», наиболее известным представителем которого был Сыма Сянжу (179-117 гг. до н.э.), отличавшийся стремлением создать пышную образность. Если говорить о высших достижениях древнекитайской лирики, то они связаны с именами поэтов III века – Цао Чжи, Жуань Цзы, Цзи Кана. Золотым веком классической лирики стала эпоха Тан (VIII-IX вв.). В это время творили такие выдающиеся поэты как Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи и др. Как отмечает В.В.Малявин, «одно из главных достоинств танской поэзии состояло в том, что моральный и книжный подтекст в ней спрятан под покровом простых и ясных образов»¹. Вот, например, как выражает Юй Синь чувство скоротечности бытия:

Луна на ущербе – народившийся месяц.

Новая осень – как будто старая осень.

Поэтическая иносказательность получает в китайской поэзии свое высшее выражение в некоторой принципиальной недосказанности, многозначном умолчании. Новый расцвет классической лирики пришелся на эпоху Сун и связан с именами таких поэтов, как Хуан Тинцзянь, Мэй Яочэнь, Су Ши. Всего общая численность известных поэтов в это время достигала 4 тысяч. Эти поэты твердо держались убеждения, что поэзия должна передавать неизреченный смысл. В последние годы правления танской династии возникла новая поэтическая форма – цы (песня). Наиболее яркий ее представитель – Ли Юй (X век). С жанром цы была связана и новая песенная форма стихов – цюи и саныцюи, которые впоследствии стали составной частью драмы. Это был последний взлет классической древнекитайской поэзии.

Все особенности китайской словесности проявились в полной мере и в художественной прозе. В Древнем Китае существовало две

¹ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 401.

основных формы прозаической литературы: исторические хроники (например, «Исторические записки» Сыма Цяня) и произведения политической публицистики. «Древнекитайская проза – это или сухие исторические хроники, или краткие афористичные высказывания, или рассуждения на темы морали, или столь же морализаторские притчи»¹. Подобная сухость китайской прозы была также следствием широко влияния конфуцианства и даосизма на словесное творчество. Вот, например, отрывок, посвященный искусству, из «Исторических записок» Сыма Цяня:

«Император воскликнул: «О, сановники, сановники! Вы – мои ноги и руки, глаза и уши. Я хочу во всем помочь своему народу, и вы содействуйте мне в этом. Я хочу видеть рисунки древних, солнце и луну, звезды и созвездия вышитыми на одежде, вы хорошо разберетесь в них. Я хочу слышать шесть полутонов лю-люй, пять основных тонов у-шэн и звуки восьми музыкальных инструментов, чтобы проверять с их помощью, как управляется страна, чтобы передавать мои слова и принимать слова народа»².

Назидательность звучит здесь в каждом слове. Повествовательная проза в собственном смысле появилась гораздо позже – в эпоху раннего средневековья. При этом основным фактором, оказавшим на нее влияние, был буддизм. В связи с этим, она была посвящена темам предосудительным с точки зрения традиционного конфуцианства – чудесам, явлениям божеств и духов, путешествиям в загробный мир. Но даже и эта повествовательная проза испытала на себе влияние древней китайской литературы, поскольку все истории имели нравственную окраску. Среди ранних памятников подобной литературы – сборник Гань Бао (IV в.) «Записки о поисках духов». К эпохе Тан традиция фантастических новелл, определенная буддистской традицией, развилась в жанр «Рассказов о чудесах». Классическое и лучшее собрание таких рассказов «Рассказы Ляочжяя о необычном» принадлежит Пу Суньлину (1640-1715).

Иными словами, «повествовательная проза считалась здесь второстепенной по своему общественному значению и малохудожественной с точки зрения эстетики словесностью, предназначенной для малообразованного читателя, либо же для

¹ Там же. С.404-405.

² Сыма Цянь. Исторические записки. М.: Наука, 1972. С.160-162.

прочтения в чисто развлекательных целях и во время досуга»¹. Тем не менее, художественная проза также имеет свое значение в культуре Древнего Китая, и на нее в полной мере повлияли господствовавшие этико-религиозные учения.

Если говорить об изобразительном искусстве Древнего Китая, то эта сфера культуры испытала на себе сильнейшее влияние даосизма. Во-первых, именно даосская традиция сыграла роль консерванта и популяризатора древних верований и мифологем, придав им новое содержание и универсальный характер. Во-вторых, в русле даосской традиции выкристаллизовалась стереотипная для культуры Китая модель восприятия дикой природы. В космографическом плане эта модель воспроизводит чуский Сакральный центр с триадой его атрибутов — гора, дерево и вода. Эта модель выступает архетипичной для всех видов и жанров китайской художественной культуры, воспроизводящих картину дикой природы, а именно пейзажной лирики, пейзажной живописи и искусства пейзажного сада, которые состоят друг с другом в генетическом и историко-культурном родстве. В ходе развития самой даосской традиции архаико-мифологическое осмысление дикой природы соединялось с даосско-религиозным, даосско-философским (природа как манифестация универсального дао), натурфилософским (природа как воплощение вечности и бесконечного круговорота естественных феноменов и процессов) и эстетическим (природа как олицетворение абсолютной красоты мира) восприятием окружающей действительности. В результате сложился общий для перечисленных видов и жанров китайской художественной культуры набор многозначных образов.

Так, гора (хребет, одинокая вершина, утес, каменная глыба) выступает ассоциативным синонимом волшебных гор Куньлунь, воплощением мужского начала мира и олицетворением вечности природы (горы вечны, недвижны и неизменны). Вода может выступать в трех главных манифестациях — поток (река), ручей и замкнутый водоем (озеро, пруд). Отличительная особенность потока — его мощь, стремительность течения, что делает его адекватным воплощением космического потока — дао. Поток (река), вьющийся у подножия гор, есть реликтовый образ мифических рек, окружавших Куньлунь и делавших его недоступным для простого смертного.

¹ Кравцова М. История культуры Китая. М., 1999. С.334-335.

Петляющий и теряющийся в глубинах тор ручей является смысловым синонимом горной тропинки, восхождение по которой знаменует уход человека от суетного мира и его приобщение к «естественному» образу жизни. Общее свойство потока-реки и ручья — непрерывность их течения, что также передает вечность природы (реки всегда текут). Замкнутый водоем воспроизводит либо Нефритовый пруд в горах Куньлунь, либо Восточное море с островами Пэнлай.

Важнейшие варианты образа дерева – одинокое дерево, нередко растущее на вершине горы или на краю уступа, кустарник на берегу реки (водоема), роща, лес. Все они являются, во-первых, воплощениями Древа жизни (Древа бессмертия); во-вторых, олицетворением повторяемости природных явлений, т. е. вечного круговорота естественных процессов. Особое значение имеет сосна – вечнозеленое, неподвластное сезонным изменениям дерево, растущее на камнях и скалистых уступах, ставшее символом духовной стойкости и неподвластности внешним деструкциям. Главный смысловой синоним сосны – бамбук.

Весенний и осенний пейзаж передают соответственно картину возрождающейся и увядающей природы, но обязательно – в последнем случае – с внутренним намеком на ее последующее новое возрождение. В зимних пейзажах обыгрывается символика белого цвета (цвет Запада, олицетворение пустотности дао и чистоты его постижения-наития). Присутствие в пейзажных произведениях антропоморфных (сам человек) и антропогенных (различные постройки — хижина, беседка, мост) элементов является наглядной иллюстрацией идеи растворения личности в природе. Набор изображаемых персонажей тоже стандартен и символичен. Это мудрец (ученый), созерцающий природу; отшельник; рыбак – одно из древнейших (начиная с «Чжуан-цзы») образных воплощений даосского мудреца; путник – воплощение идеи странствования как ухода от суетного мира и постижения истины; наездник – образ странствующего Лао-цзы; дровосек – образ человека, умеющего распознавать скрытую суть вещей и явлений и т.п. Как отмечает М.Кравцова, «к числу стандартных для пейзажных произведений антропогенных элементов относятся: хижина (обитель отшельника); деревушка, затерявшаяся в горах (занесенная снегом) – тоже олицетворение даосских социально-утопических идеалов; беседка – место медитативного созерцания и любования красотой природы;

мост – универсальное для мифолого-религиозного типа мышления олицетворение перехода от профанического (обыденного) в иной (сакральный, волшебный) мир»¹.

Важнейшее значение даосских онтологических и антропологических воззрений состоит в том, что из них проистекают многие последующие художественно-эстетические концепции, обосновывавшие индивидуальную творческую деятельность китайцев.

В целом же очевидно, что даосская традиция, как и конфуцианская, оказала огромное культурное воздействие практически на все возможные сферы историко-политической, общественной и духовной жизни древнего и традиционного Китая.

Все это хорошо заметно при анализе древнекитайской живописной традиции. На VIII век приходится творчество одного из величайших художников Китая – У Дао-цзы, чьей основной заслугой можно считать то, что он первым стал работать во всех жанрах живописи, положив начало многим из них, в том числе, и пейзажу. Вероятно, этот художник одним из первых стал писать монохромные картины, что потом стало отличительной чертой всей китайской живописи. В начале XIV века Ли Кань писал в «Книге о бамбуке» о том, что У Дао-цзы изображал бамбук, не прибегая к киновари и лазури, добиваясь сходства и жизненной правды с помощью одной лишь черной туши. Постепенно складывалась техника и канон китайской живописи, которая стала средством философского осмысления природы. Задача художника-пейзажиста в Китае, как пишет Г.А.Недошивин, состоит в том, чтобы найти такие визуальные формы, которые могли бы передать всю сложность мироустройства, постоянное противоборство сил инь и янь². Как говорилось выше, существовала особая даосская символика, и китайская живопись не случайно изображает горные вершины, скалы, широкие водные потоки и озера. Отсюда происходит и само название китайского пейзажного жанра – «шань-шун» («горы-воды»). Известный художник и теоретик XI века Го Си призывал изображать природу так, чтобы картина могла заменить реальный вид величественных гор и вод, а человек мог мысленно гулять по горным тропинкам или

¹ Там же. С.254.

² Недошивин Г.А. Старая китайская живопись // Недошивин Г.А. Из истории зарубежного и отечественного искусства. М., 1990. С. 43.

сидеть у ручья. Результатом такого отношения к задачам живописи стало неподдельное и нестареющее очарование старых китайских живописных произведений: «простые и лаконичные пейзажи, то величественные, то торжественно-возвышенные, то лирические и нежные, обладают такой силой художественного воздействия, перед которой меркнут все трудности их «совершенного» познания. ...и какое разнообразие ощущений предстает перед зрителем, когда он взглянется в эти безмолвные картины»¹. Этой подкупающей прелестью китайская живопись в полной мере обязана даосской традиции, оказавшей сильное влияние на художественную культуру Древнего Китая.

Архитектура Китая испытала на себе сильнейшее влияние буддизма. Специфическим сооружением здесь являются пагоды. Термин пагода («та») – индонезийского происхождения. Этот тип строений восходит к древнеиндийским ступам, которые играли изначально роль реликвария (в первых из них, по преданию, хранились части пепла от сожженного тела Будды). Китайские пагоды также играли роль реликвария, что особо заметно на примере кладбищенских пагод. В древнекитайских пагодах соединились два источника влияния – североиндийские и местные (башни-лоу) архитектурные формы. Отчетливое влияние североиндийских форм обнаруживается, например, в древнейшей из сохранившихся китайских пагод – пагоды в г.Суньшань (523 г.). Впоследствии это влияние привело к образованию типа пагод с криволинейным силуэтом². Образцами этого типа являются малая пагода Гуся (Сяояньта, 707-709гг.) и пагода монастыря Баймасы (1175г.). Влияние собственно китайских башен-лоу ученые замечают в пагодах танской эпохи (г.Суншань) и в типе террасообразных пагод, шедевром которого считается Большая пагода Гуся (Даяньта, 625г.). Названия этих пагод также показательны: они проистекают от образного эпитета Будды – Царь-Гусь.

Прекрасными образцами сочетания южно-азиатского и местного архитектурного влияния являются пагода монастыря Цысясы (г.Нанкин, 601г.), пагода на Коровьей горе (г.Нанкин, 774г.), пагода на Тигрином холме (г.Сучжоу, 959г.). Этими величественными сооружениями, с которыми воображение европейца ассоциирует

¹ Там же. С.41.

² Кравцова М. История культуры Китая. М., 1999. С.272.

китайскую архитектуру в целом, Древний Китай обязан сильнейшему влиянию буддийской традиции на культурные процессы¹.

Китайско-буддийское изобразительное искусство чрезвычайно разнообразно. Оно представлено пластикой (скульптурой), фресками, предметами утвари. Замечательными примерами культовой живописи являются фрески монастыря Цяньфодун (Пещеры тысячи Будд), которые сочетают как культовые изображения, так и светские сюжеты – сцены посещения храма царственными особами, бытовые и сельскохозяйственные зарисовки.

Центральное место в китайско-буддийском культовом искусстве занимают изображения Будды в трех вариантах: Учителя, Торжествующего Будды и Спящего Будды. Все детали иконографии подчинены так называемым «тридцати двум иконическим признакам великой личности», изложенным в канонических сутрах². В храмовых комплексах Китая нередко присутствует утроенное изображение Будды, что означает либо прошлое, настоящее и будущее, либо является изображением трех самостоятельных персонажей – Будды Шакьямуни (в центре), Будды Амитабхи и Будды Вайрочана. Изображения Будды Мантреи также присутствуют в храмах³.

Наибольшим разнообразием отличается иконография Бодхисатвы Милосердия, являющегося в Китае самым популярным после Будды персонажем. В китайской литературе Авалокитешвара приобрел женскую ипостась и новое имя – Гуаньинь («Наблюдающая за звуками»), а также функцию дарительницы потомства. В ранний период изображался как в женской, так и в мужской ипостаси, но с 15 века утвердилось изображение исключительно в женском облике. Стандартные атрибуты Гуаньинь – кувшин (аналог «рога изобилия»), ветка ивы (символ жизни), веревка (символ спасения), книга (символ мудрости), четки (символ Учения). Кроме непосредственно культового искусства образ Гуаньинь широко представлен в простонародной иконописи и миниатюрной пластике.

К числу шедевров китайско-буддийской архитектуры следует отнести «пещерные храмы». Практика их создания утвердилась в

¹ Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. Сборник статей. М., 1982. С.145.

² Более подробно см.: Кравцова М. История культуры Китая. М., 1999. С.275-276.

³ Сидихменов Б.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. С.274.

Китае при Тоба Вэй, а наиболее известными их образцами являются Пинлинсы (пров. Ганьсу), Юнбган (пров. Шэньси), Лунмэнь (г. Лоян).

В целом, влияние буддийской традиции на художественную культуру Китая не ограничивается возникновением культовых зодчеств и изобразительного искусства, оказавших, в свою очередь, воздействие на даосское изобразительное искусство. Буддизм помимо этого значительно обогатил культуру Китая в целом новыми темами, мотивами и образами, приведя к возникновению самостоятельных тематических и жанровых разновидностей в светской живописи и литературе.

Говоря о художественной культуре Древнего Китая, нельзя не сказать о декоративно-прикладном искусстве, которое, может быть, более всего поражает европейца, очарованного хрупкостью, сложностью композиции, виртуозностью владения материалом, любовью к мелким деталям китайских мастеров, талант которых заставляет с трепетом замирать перед лаковыми изделиями, перьевыми панно, резными шкатулками, изящными костяными статуэтками, тончайшим фарфором. В декоративно-прикладном искусстве не менее, чем в архитектуре, литературе или живописи, выразилось стремление к воспитанию в человеке высокой нравственности, уважение к традициям предков, умение понимать природу и видеть красоту необработанного материала. «Китайские мастера одинаково виртуозно владеют самыми разными материалами, и каждое их творение является прекрасной иллюстрацией «великого стиля» всей китайской цивилизации... неповторимая красота их изделий проистекает из тончайшего чувствования природных свойств вещей, в конечном счете – из искреннего, почти по-детски наивного доверия к творческой мощи жизни»¹.

Одним из наиболее распространенных материалов был нефрит (юй), широко использовавшийся древними китайскими ремесленниками, причем особенно ценился дымчато-серый, «цвета осеннего тумана», нефрит, из которого выполнялись наиболее изящные скульптурные композиции. Широко распространены в китайском декоративно-прикладном искусстве агат, коралл, халцедон, мягкий агальматолит. Особой любовью мастеров пользовалась слоновая кость, хотя работа с ней требовала огромного мастерства и знаний. Это чрезвычайно хрупкий материал, и чтобы

¹ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001. С. 485.

сделать его более пластичным, китайские умельцы разрабатывали рецептуры специальных растительных отваров, в которых вымачивали кость. В слоновой кости ценили не только красоту цвета и структуру, но и саму первозданную природную форму: более всего и поныне в Китае ценятся изделия, по форме которых легко можно определить, что они сделаны из цельного слоновьего клыка. При работе со слоновой костью древние мастера следовали традиции, которая требовала, казалось бы, невозможного. С одной стороны, требовалось «следовать материалу», стараясь сохранить форму и учесть цветовые оттенки слоновой кости, а с другой, – стремиться «преодолеть» материал, видоизменяя его и словно вытягивая из слоновьего клыка все те многочисленные формы, которые дремали в нем, – попугая в зарослях пиона, корзинку с крабами, сидящих на лепестках мотыльков, изысканные лотосы. Этому традиционному правилу работы со слоновой костью стараются следовать китайские умельцы и сегодня.

На весь мир славятся и китайские лаковые изделия, работа над которыми требует невероятного терпения и кропотливости. Основой лака является смола дерева «цишу», которую отстаивают в течение полугода. Только после этого ее окрашивают. Старые мастера применяли обычно черную, коричневую и киноварно-красную краски, смешивая их с лаком. Для передачи белого цвета использовали инкрустацию яичной скорлупой или перламутром. В различных провинциях Китайской империи были распространены различные техники изготовления лаковых изделий¹. В провинции Фуцзянь по-прежнему господствует техника «тотай». Из глины, смешанной с кровью животных, делают модель сосуда, затем накладывают на нее тонкий шелк, пропитанный лаком. Окрашенный лак наносится на основу кистью. После его высыхания наносят еще один слой шелка и покрывают его лаком. Эта процедура повторяется шесть-семь раз. После того как изделие затвердеет, глину удаляют, сосуд полируют изнутри и снаружи, расписывают цветными лаковыми красками. В Пекине работают в технике резного лака, которая возникла в XIV в. На металл или бамбуковую основу наносят слой лака, дают ему просохнуть в течение 20 часов. Затем повторяют этот процесс многократно (наносится от 20 до 100 слоев лака). После

¹ Глухарева О., Денике Б. Краткая история искусства Китая. М.-Л., 1948. С.225.

того, как изделие просохнет, на отвердевшую лаковую поверхность наносят острыми инструментами резные узоры.

Огромной популярностью пользовались большие китайские вазы с «муаровым» рисунком. Чтобы получить этот эффект, на поверхность вазы наносился тончайший слой сусального золота и несколько слоев малиново-красного лака. Затем поверхность шлифовали пемзой и волосом, стирая излишние слои лака. В результате сквозь полупрозрачный слой лака проступали сказочные золотые узоры¹.

Чрезвычайно привлекательны изделия, выполненные в технике перегородчатой эмали, достигшей своего расцвета в XVII-XVIII вв. Основу и одновременно ячейки для заливки жидкой эмали составляла тонкая проволочная сетка. Ее мерцание и придавало сходство эмали с расшитой тканью. Как правило, на ярко-голубом фоне располагались красные или розовые цветы с вкраплением желтого и зеленого.

Мировой известностью и сегодня пользуется тонкий китайский фарфор, искусство производства которого возникло в Китае еще в IV-VI вв. Китайские мастера никогда не забывали древнюю традицию, которая требовала, чтобы изделие из фарфора было тонким как бумага, звонким как гонг, сияющим как озеро в ясный день. Секрет его изготовления состоит не столько в том, чтобы в нужной пропорции смешать белую глину, полевой шпат и кварц, сколько все в том же умении рождать выразительные формы. Восхищенные европейцы, испытавшие настоящий восторг перед изяществом китайских фарфоровых изделий и осознавшие практическую выгоду от торговли ими, долгое время пытались овладеть секретами их изготовления, и только в начале XVIII в. сумели создать первые собственные образцы фарфоровых изделий (первый в Европе фарфоровый завод построен в 1710 году в Мейсене). Древние мастера фарфоровых дел владели уникальными рецептурами глазурей, которые требовали длительного обжига. В XIX в., когда из Китая в Европу вывозилось огромное количество фарфора, китайские мастера в погоне за наживой очень часто стали заменять старые глазури более легкоплавкими эмалями, и постепенно рецептуры были утрачены. Современный фарфор Китая не уступает древнему. Здесь используются разнообразные техники, в том числе и сложное

¹ Стужина Э.П. Китайское ремесло в XVII-XVIII вв. М., 1970. С.32.

сочетание подглазурной и надглазурной росписи с многократным обжигом, ажурная резьба по фарфоровому тесту, декорирование сосудов скульптурой. Применяются серовато-зеленая, пурпурно-красная, сине-фиолетовая гаммы глазурей.

Славятся китайские мастера и великолепной резьбой по дереву. Дерево – одна из пяти мировых стихий – высоко ценилось и широко использовалось в Китае. Из него строили храмы и дворцы, создавали сундуки и декоративные панно, шкатулки и беседки. Использовались разнообразные породы дерева – горную березу, бамбук, самшит, розовое и красное дерево. Замечательной техники художественной резьбы по дереву достигли мастера провинций Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян. Прекрасные работы создавали и китайские мастера вышивки, которая широко использовалась в традиционном костюме. Они умели творить настоящие картины, где на тонких ветвях деревьев сидели разноцветные павлины, а на лепестках экзотических цветов замирали тропические бабочки. Им покорился самый сложный способ вышивки – двухсторонняя вышивка некрученым шелком по тонкой газовой основе. Визитной карточкой китайского декоративно-прикладного искусства стали декоративные панно, в которых используются многие природные материалы – перья, морские раковины, кора березы, пшеничная солома. Необыкновенной красотой отличаются картины из крашеных перьев, в которых подчеркивается воздушность и легкость материала.

Для декоративно-прикладного искусства Древнего Китая огромное значение имела и этико-религиозная символика. Так, часто использовались даосские символы: солнце и луна, Полярное созвездие, Мировая гора, драконы, фениксы, тигры и т.д. Буддизм подарил декоративно-прикладному искусству «восемь символов счастья»: зонтик (символ праведной власти), полотнище (символ преданности служилых людей), запечатанную погребальную урну (символ торжества истины), морскую раковину (символ проповеди Будды), цветок лотоса (символ совершенства Будды), колесо (символ истины и жизни), пару рыб (символ супружеского счастья), бесконечный узел (символ вечной жизни). Таким образом, декоративно-прикладное искусство Древнего Китая, так же, как и другие сферы художественной культуры китайского народа, испытало сильное влияние важнейших этико-религиозных учений.

В Древнем Китае с давних времен активно развивалось театральное искусство. Древнейший вид его – театр теней, в котором использовались сделанные из специально обработанной ослиной кожи куклы. Вырезанные из кожи плоские фигурки персонажей покрывались яркими ажурными рисунками. Эти куклы отличались потрясающей выразительностью силуэта и орнамента. Их приводили в движение бамбуковыми и костяными тросточками, которые были соединены шарнирами, скреплявшими головы, руки, ноги, туловище. Во время представления с помощью направленного источника света фигурки отбрасывают на белый экран легкий кружевной силуэт.

Символичностью языка отличается национальная Пекинская опера, в которой сливаются воедино пантомима, пластика, танец. И этот сложнейший язык знаком с детства каждому китайцу. По цвету грима зритель может судить о чертах характера и поведении персонажа. Так, черный цвет характеризует прямодушного героя, а красный – честного человека. Важна также поза героя и его жесты. В Пекинской опере всегда играли только мужчины, которые должны были исполнять сложные акробатические трюки и владеть каноническими позами. Мужчины, исполнявшие женские роли, должны были владеть искусством фальцетного пения, и тех, кому предназначалось играть женские роли, готовили к этому еще с детских лет: мальчикам срывали голоса, заставляя их подолгу громко кричать в глиняные сосуды. До сегодняшнего дня среди китайцев живет любовь к классическим театральным постановкам по мотивам известных романов («Сон в Красном тереме», «Сунь Укун – царь обезьян, «Речные заводи» и др.)

Особого внимания требует китайская наука, ведь без нее невозможными были бы столь впечатляющие успехи Древнего Китая. Как свидетельствуют современные историки науки, ханьские математики первыми в мире разработали представления об отрицательных числах. Ханьские ученые смогли достаточно точно описать явления магнетизма и гармонии. Была установлена уникальная «абсолютная» система единиц измерения, в которой основной линейной мерой служила длина эталонной трубки бамбуковой свирели, рассчитанной на определенную ноту. По длине такой трубки умещалось 90 просяных зерен. Диаметр зерна служил минимальной мерой длины, а его вес – минимальной мерой веса.

Во II в. до н.э. был составлен трактат «Математика в девяти книгах», в котором излагались формулы для пифагоровых чисел, действия с дробными числами, решения системы линейных уравнений, правила прогрессий, математические пропорции.

Существенных успехов достигли древнекитайские астрономы. Уже в 104 г. до н.э. китайцы вычислили, что продолжительность года составляет 365 целых дней и еще четверть дня. Год состоял из 12 месяцев, а в каждый третий високосный год добавлялся еще один дополнительный месяц. «В I в. до н.э. древним китайцам было известно, что период обращения Древесной звезды (Юпитера) составляет 11,92 года. Это почти совпадает с результатами современных наблюдений»¹. Астроном и математик Чжан Хэн (78-139 гг.) создал модель, воспроизводящую движения небесных тел, а также самый древний в мире прототип сейсмографа. В его трактате приводятся названия 124 небесных созвездий. С I в. н.э. китайцы в качестве указателя направлений стали использовать компас.

Высочайшего развития достигла в Древнем Китае медицина, в том числе такие её методики как акупунктура и прижигания. Получили развитие диетология и лечебная гимнастика. В одном из медицинских трактатов, датированном началом II в. до н.э., содержатся методики лечения 52 различных болезней. Известный китайский медик Хуа То в III в. применил местное обезболивание при проведении полостных операций. Достижения древнекитайской медицины находят широкое применение и сегодня.

Бесспорным является тот факт, что культура Древнего Китая представляет одну из величайших загадок для европейского ума. Она сложна и многообразна, представляя собой синкретичное единство самых, казалось бы, несопоставимых феноменов. Для того чтобы понять своеобразный язык китайской культуры и, прежде всего, художественной культуры, необходимо погрузиться в мир древней китайской образованности с его схоластической, религиозно-философской мудростью, многочисленными формальными ассоциациями и глубокомысленными намеками. Практика китайской культуры теснейшим образом связана с идеями самоуглубления, внутреннего самосовершенствования души, идеалами мудрости и добродетели. Она предельно насыщена философской рефлексией.

¹ История Древнего Востока. Под ред. В.И.Кузищина. М.: Высшая школа, 1979. С.429.

Всегда и везде – от экономики и политики до поэзии и театра – культура Китая заставляет нас обращаться к этическим учениям, вникать в сущность господствовавших на различных исторических этапах китайской истории философских и религиозных представлений, пытаться понять практику осуществления социальных идеалов. Пять строчек китайской поэзии требуют для своего исчерпывающего понимания знания десятков томов философских, эстетических, исторических сочинений, а картина вызывает в зрителе широкие ассоциации, лишь косвенно, едва уловимо закрепленные в художественном образе. Ценность художественного произведения во многом определялась ученостью ее автора, политическая карьера китайца зависела от степени его «цивилизованности», а история Древнего Китая изобилует попытками превратить этические и социальные учения в непосредственное жизненное руководство (примерами этого являются провозглашение конфуцианства государственной идеологической системой во времена правления императора Мин-ди (58-75 гг.) или использование легизма в качестве официальной идеологической базы в древней империи Цинь). И хотя древняя китайская ученость, по меткому выражению выдающегося отечественного искусствоведа Н.Г.Недошивина, «давно мертва и не способна задеть живые струны в душе»¹ современного человека, лучшие образцы древнекитайской культуры продолжают волновать всех, кто хотя бы раз прикасался к ее загадочному миру. Простые и лаконичные китайские пейзажи с низвергающимися водопадами и причудливыми скалами, поэтические строки с тончайшей паутиной зрительных впечатлений и почти физическим ощущением настроений, большие китайские вазы с «муаровым» рисунком, нежнейший фарфор и причудливые фейерверки – все это и сегодня трогает европейца, заставляя искать глубинный смысл в иероглифе, штрихе, музыкальном звуке, слове.

Литература

1. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.

¹ Недошивин Н.Г. Старая китайская живопись.// Из истории зарубежного и отечественного искусства: Избранные работы. М., 1990. С. 40.

2. Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978.
3. Будда. Конфуций. Жизнь и учение. М., 1995.
4. Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. Сборник статей. М., 1982.
5. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
6. Стужина Э.П. Китайское ремесло в XVII-XVIII вв. М., 1970.
7. Дао Дэ Цзин // Из книги мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худ. лит., 1987.
8. Конфуций. Луньчюй // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002.
9. Кравцова М.Е. История культуры Китая. М., 1999.
10. Кривцов В.А. Эстетика даосизма. М., 1993.
11. Крюков М., Переломов Л., Софронов М., Чебоксаров Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
12. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.
13. Лисевич И.С. Древнекитайская поэзия и народная песня. М., 1969.
14. Лукьянов А.Е. Истоки Дао: древнекитайский миф. М., 1992.
15. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001.
16. Малявин В.В. Конфуций. М., 1992.
17. Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге нового времени. М., 2000.
18. Недошивин Г.А. Старая китайская живопись // Недошивин Г.А. Из истории зарубежного и отечественного искусства. М., 1990.
19. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
20. Решетов А.М. Цзао-ван – китайский бог очага // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986.
21. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978.
22. Сыма Цянь. Исторические записки. М.: Наука, 1972.
23. Тихвинский С.А. История Китая и современность. М., 1976.
24. Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993.
25. Федоренко Н.Т. Древние памятники китайской литературы. М., 1978.
26. Чжуан-цзы // Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М., 1987.
27. Шицзин // Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА	6
Глава 2. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ	40
Глава 3. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ИРАНА	77
Глава 4. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ	109
Глава 5. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ	151

Учебное издание

Титаренко Инна Николаевна

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Учебное пособие

Ответственный за выпуск

Титаренко И.Н.

Редактор

Лунева Н.И.

ЛР №020565 от 23 июня 1997 г. Подписано к печати 05.02.2010 г.

Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.

Офсетная печать. Усл. п.л. – 14,5. Уч. изд. л. – 14,25.

Заказ № . Тираж 100 экз.

«С»

Издательство Технологического института
Южного федерального университета
ГСП 17А, Таганрог, 28, Некрасовский, 44

Типография Технологического института
Южного федерального университета
ГСП 17А, Таганрог, 28, Энгельса, 1